ПИОНЕР

АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год

8

Главный павильон Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Фото П. Воробьёва.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 8 август 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТАРШАЯ СЕСТРА

Повесть Л. Воронковой.

Рисунки М. Клячко.

(Окончание)

КРАСНЫЙ АМАРИЛЛИС

Антон аккуратно выполнял классное поручение. Его подшефное окно было всегда в порядке, цветы зеленели. Антон поливал их, как научила учительница: не часто, потому что зима, но как следует, чтобы весь ком земли был смочен, а не только верхний слой. Он наливал воды в горшок и следил, как она постепенно проходила сквозь землю и выступала на поддоннике. Потом он снимал с бегонии пожелтевшие листья. Протирал сырой тряпочкой жёсткие тёмнозелёные листья фикуса и старательно опрыскивал водой пушистый аспарагус: этот цветок любит влагу.

— Вот какой хороший садовник — наш Антон! — сказала сегодня учительница.— Поглядите, какое у него окно! Из всех окон самое хорошее. Это потому, что он выполняет поручение класса.

— А завтра ещё лучше будет! — сказал Антон.

— Чем же лучше? — спросили ребята.

Но Антон сделал загадочное лицо:

— Увидите!

А когда прибежал домой, то сразу сунулся к цветам. Интересовал его только один горшок — луковица амариллиса. Там рядом с двумя молодыми нежнозелёными длинными листьями поднимался толстый роток с тугим бутоном на верхушке.

— Скоро расцветёт! — радостно крикнул он. — Зина! Зина! Погляди-ка, уже можно в школу тащить!

Но Зины не было дома. А на его зов из кухни пришла бабушка:

— Ты что кричишь? Кого тащить?

— Бабушка,— смеясь от радости, сказал Антон,— видишь, что цветок-то вытворяет? На улице снег, а ему хочется цвести!

— Хороший цветок! — сказала бабушка.

— Я его завтра в школу отнесу! У меня классное поручение — за цветами смотреть. А я сегодня сказал, что окно моё ещё лучше будет,— вот и правда будет! Как расцветёт весь красный — вот будет красиво! А нет?

— А с какой стати ты его в школу понесёшь? — вдруг возразила бабушка.— Не дам я тебе его в школу! Нешто можно? И цветок хороший, и горшок денег стоит.

— Что ты, бабушка! — огорчился Антон.— Мне надо обязательно его в школу отнести! Я же обещал!

— Подумаешь важность — обещал!

Антон глядел на неё широкими, удивлёнными глазами: разве можно не делать, раз обещал?

— И мне тогда мама разрешила... Она мне этот цветок дала...

— Эх, мама твоя! — Бабушка, открыв комод, энергичными движениями разбирала и укладывала бельё.— Мама твоя, дай ей волю, всё раздала бы! Копеечку беречь не умела. А жалко, что ли, незаработанного? Муж добудет!

Антон не совсем понимал, что она говорит. Он понимал только одно: бабушка плохо говорит о его маме. Антон насупился, замолчал и принялся ковырять пальцем землю в горшке своего амариллиса. Сердце его возмущалось. Ему было неприятно, что бабушка трогает мамино бельё и кладёт его по-своему... Он смутно чувствовал, что должен защитить свою маму от бабушки, но как защитить? Бабушка большая, сердитая, её даже отец побаивается, а он, Антон, ещё вон какой маленький!

Бабушка словно угадала его мысли.

— Ну, что взъерошился, как воробей? — сказала она.— Нешто я неправду говорю? И нешто плохому учу?

— Плохому,— неожиданно вырвалось у Антона, и он тут же будто съёжился весь, испугавшись своей смелости.

— Во как! Поглядите-ка на него! — У бабушки из рук, развернувшись, выпала большая простыня.— Это родная бабушка твоя тебя плохому учит? Ах ты, глупец! Что же лучше — отдать или себе взять, а? Ну-ка, скажи? — Бабушка засмеялась, уверенная в своей правоте.

Антон задумался. Себе взять, конечно, лучше...

— Но а если обещал?

— Обещал! Обещал! Ну, вчера обещал, а сегодня отказал! — сказала бабушка.— Вот и весь сказ.

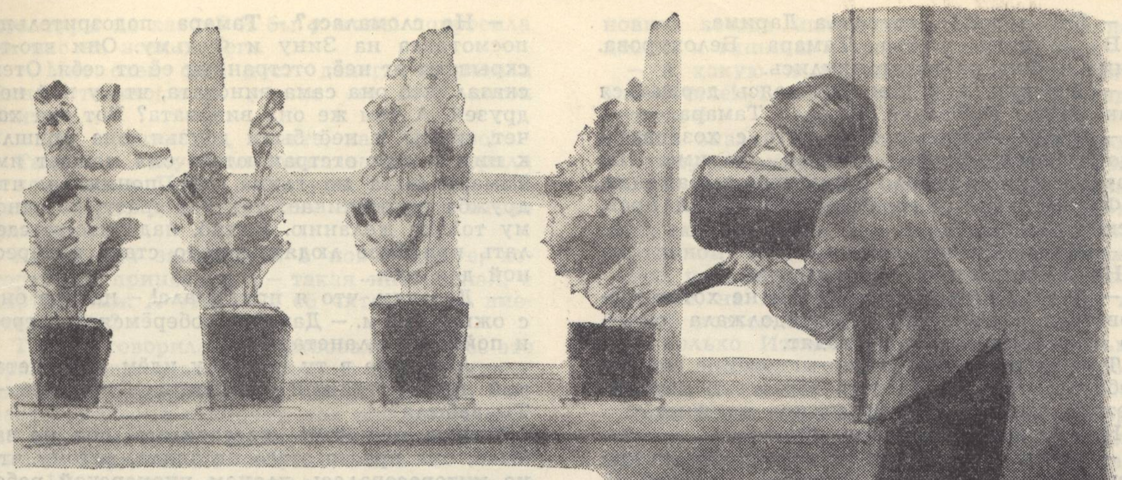
Но здесь Антона сбить было нельзя. А что отец скажет! А Зина! Она скажет: ты не держишь своего слова, я тебя не уважаю!..

Антон в тоске вышел в прихожую, надел пальто, надвинул треух и отправился искать Зину. Он должен отнести цветок в школу, а бабушка не даёт!

Зина сидела у Фатьмы.

Розовый отсвет далёкого неба наполнял комнату. Слабое сияние его лежало на жёлтой клеёнке, на белых кафелях печки, на переплётах рам, и от этого нежного, тёплого освещения комната казалась необычайно нарядной и радостной.

А может быть, оттого Зине казалась эта комната такой нарядной и радостной, что ей было в этой комнате очень уютно и хорошо. Здесь они могли с Фатьмой сколько угодно болтать и смеяться и никто не вмешивался в их разговоры, никто не останавливал их. Дарима вечно что-нибудь делала во дворе. А когда она была дома, то это ещё лучше. Дарима сама любила и болтать и смеяться с девочками, любила выспрашивать все школьные новости: и кто как отвечал сегодня, и

Антон аккуратно выполнял классное поручение. Его подшефное окно было всегда в порядке.

какую отметку получил, и что было на пионерском сборе, и когда будет какой-нибудь школьный вечер,— пусть ей заранее скажут, она тоже обязательно придёт на этот вечер.

Сейчас, в этот закатный час, девочки сидели одни. Зина рисовала, расположившись посредине стола, а Фатьма, забравшись на стул с ногами и навалившись на стол, смотрела.

На подоконнике, тесно уставленном цветами, стоял на высокой подставке красный амариллис — гордость и радость Даримы. Эту луковицу она добыла у кого-то из жильцов, заботливо выхаживала её, давала отдыхать в осенние месяцы и не забывала поливать в жару. Луковица выросла и расцвела. За окном лежал сугроб. Серебряный морозный узор, тронутый розовыми искрами, светился по краям стёкол. А красные лепестки амариллиса пламенели под лучами заката. Зина рисовала этот цветок, старательно подбирая и смешивая краски. Ей так хотелось передать красное сияние этих лепестков, их атласную свежесть, их узенькие чёрные тычинки, доверчиво и мило глядящие из раскрытых чашечек...

— Получается...— шёпотом, словно боясь спугнуть то, что возникало под рукой Зины, сказала Фатьма.— Ой, Зиночка, получается!..

Зина, не отвечая, вся охваченная неспокойной радостью творчества, ловила кисточкой отсвет солнца на лепестках, ловила и торопилась, потому что солнце это становилось всё бледнее и бледнее...

Дарима и Фатьма жили в дворницкой, в маленьком домике, который стоял, прижавшись к высокой кирпичной стене соседнего дома. У них были свои сени, своё крыльцо, свой палисадник под окнами. Снежные кусты сирени дремали у самых окон, погружённые в неподвижность зимнего покоя.

Кто-то вдруг пробежал мимо этих кустов. Хлопнул дверью, загремел оставленной в сенях лопатой. Фатьма проворно соскочила со стула и выбежала в кухню: кто там явился?

Явился Антон, подрумяненный морозом и с застывшими слезинками на глазах:

— Зина у вас?

— У нас, Антон! — Фатьма тотчас принялась раздевать парнишку.— Иди скорей, приложи руки к печке, у нас печка тёплая!

— Ты как хвост у меня, Антон,— сказала Зина, увидев брата. — Куда я, туда и ты.

— Да-а... — проворчал Антон и шмыгнул носом, собираясь заплакать.— А если она цветок не отдаёт!

— Цветок?

— Ну, мой цветок! Я его в школу обещал... Мне ещё мама дала. А она не отдаёт!..

Закатное небо погасло. Тёплые отсветы в комнате исчезли, красный цветок потускнел. Зина положила кисточку.

— А нельзя, если в школу не нести? — осторожно спросила Фатьма.

— Нельзя! — твёрдо ответила Зина.— Он обещал.

— Я обещал, когда будет расцветать...— Антон захлюпал носом,— а вот он уж и расцветает. И мама говорила... А она теперь не отдаёт!..

— Это кто такой здесь сырость разводит? — послышался весёлый голос Даримы.

Она вошла свежая и румяная, стряхнула иней с платка, зачесала гребёнкой чёрные вьющиеся волосы.

— Это ты, Антон, сырость разводишь? Что с тобой случилось? Ах ты, снегирь краснощёкий!

Не успели девочки объяснить, что случилось, как в дверь раздался негромкий стук. Фатьма побежала открывать.

— Ой! — В голосе Фатьмы прозвучало удивление.— Это ты?

— Кто такой? — спросила Дарима.

В комнату вошла Тамара Белокурова. Зина и Фатьма переглянулись.

— Девочки, я к вам, — стараясь держаться как можно свободнее, сказала Тамара.

— Когда приходят в дом, то с хозяевами здороваются, — вдруг сказала Дарима. Её круглое лицо приняло надменное выражение.

Фатьма, зная её горячий, обидчивый нрав, испугалась:

— Мама! Ну, что ты...

Но Дарима будто не слышала.

— А если инженеровы дочки не хотят здороваться с дворниками, — продолжала она, — то пусть они к ним не ходят.

Тамара смутилась. Одно мгновение она колебалась: может, ответить дерзостью и уйти? Резкие слова так и просились на язык.

Но тут живо вмешалась Фатьма:

— Мама, что ты! Она не успела ещё поздороваться! А ты скорей кричать!

— Я не успела, — сказала Тамара, переломив себя, — только хотела...

Дарима что-то проворчала в ответ и вышла в кухню.

— Тамара, иди, садись к печке! — начала суетиться Фатьма, незаметно поглядывая на Зину.

Зина молчала. Тамара почувствовала, что она прервала какой-то разговор, подметила слёзы на глазах Антона. И, поглядев на Фатьму и на Зину, сказала:

— А что это у вас случилось? Антон плакал, что ли?

— Так, случилось... — уклончиво ответила Зина.

Но Фатьма не стала скрывать:

— Антону надо цветок в школу отнести. А...

Толчок под столом прервал её, она взглянула на Зину и всё поняла.

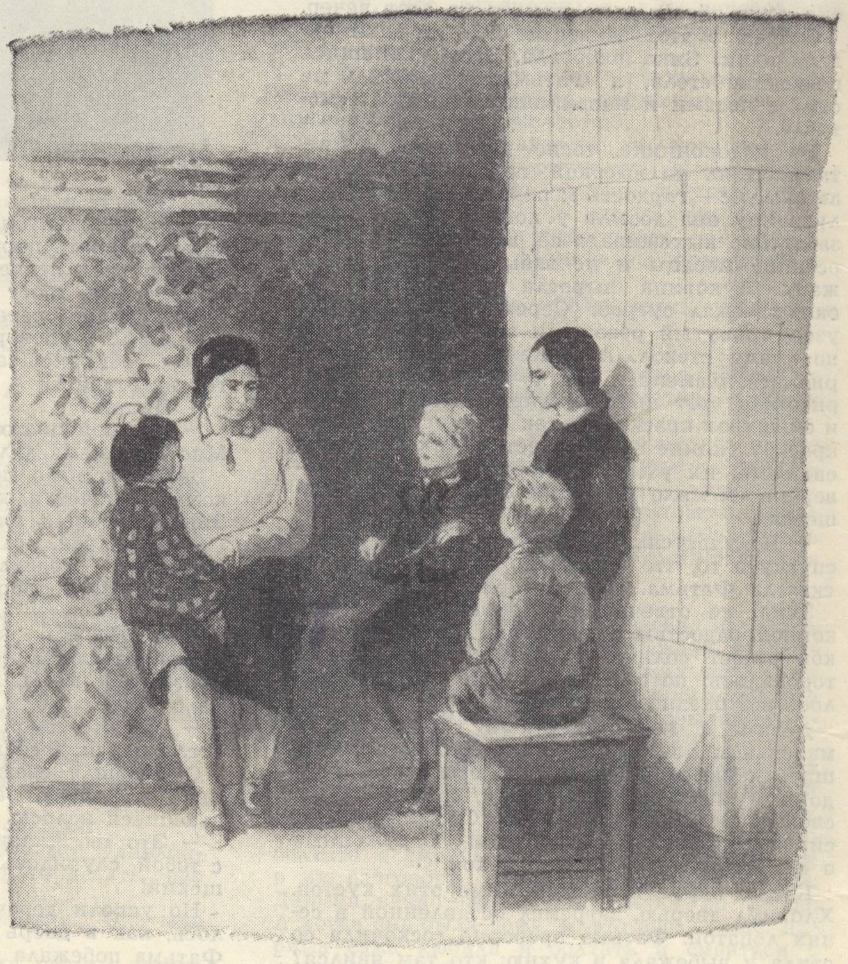
— ...цветок сломался!

Зина улыбнулась: хорошая подруга — Фатьма! Разве Зине хочется, чтобы все люди знали, что они не ладят со своей бабушкой!

— Вот так беда! — засмеялась Тамара. — Да если хотите, я вам розочку принесу! У нас есть розочка, летом цвести будет. Хочешь розочку, Антон?

Антон со вздохом покачал головой:

— Мне нужно мою луковицу... Она ничуть и не сломалась. Она расцветёт завтра.

— А теперь, Зина, расскажи, какой там сад нарисован.

— Не сломалась? — Тамара подозрительно посмотрела на Зину и Фатьму. Они что-то скрывают от неё, отстраняют её от себя. Отец сказал, что она сама виновата, что у ней нет друзей. А чем же она виновата? Вот она хочет, чтобы у неё были друзья, она пришла к ним, а они отстраняются, она мешает им. Тамара была не глупа, она понимала, что дружба не возникает так вот сразу, по одному только желанию. Видно, надо что-то сделать приятное людям, чем-то стать интересной для них...

— Девочки, что я придумала! — начала она с оживлением. — Давайте соберёмся все трое и пойдём в планетарий!

— А мы же в ту пятницу идём в планетарий всем отрядом! — напомнила Фатьма. — Ты забыла?

Тамара чуть-чуть растерялась, она не забыла, она просто этого не знала, потому что не интересовалась планом пионерской работы. Но тут же снова приняла оживлённый вид.

— А правда, я забыла! Но вот я что хотела сказать, девочки, а что, если... а что, если... — Тамара торопливо придумывала, что ей сказать. — А что, если бы нам поехать в Парк

культуры на каток? Я бы у мамы попросила на нас на всех денег...

— Мне отец сам даст денег,— возразила Зина,— только ведь у нас же свой каток близко...

— Ну, а зато там, знаете, как красиво!

Тамара с напускным оживлением говорила о том, как в Парке культуры весело, и как там интересно, и какая там музыка, и какие фонари...

Потом она заговорила о новой книге, которую ей принёс отец,— такая интересная, с картинками! А что, если её читать всем вместе, вслух?

Тамара говорила и чувствовала, что всё это зря. Девочки отвечали вяло. В ней начинали закипать раздражение и обида: как она старается, как она хлопочет, как она добивается их дружбы, а они только и ждут, когда она уйдёт. Гордость её взбунтовалась.

— Ну, ладно, я пошла,— сказала она и встала.

Подруги не удерживали её.

Тамара шла домой раздражённая, обиженная, уязвлённая.

— Вот я сегодня скажу отцу! — повторяла она.— Только всё я виновата, всё я! А если они меня не принимают!

Оскорблённое самолюбие напоминало ей слово за словом весь её неудавшийся разговор. И она понять не могла, как это случилось, что она пришла к девочкам, чтобы подружиться, а они не захотели. Ей всегда казалось, что лишь бы она захотела подружиться, а уж с ней-то, конечно, захотят! И вот почему-то нет! Но одного не могла понять Тамара, что настоящую дружбу нельзя добывать холодным расчётом и что даже самый недалёкий человек всегда почувствует, если ты подошёл к нему со сладкими словами, но с сердцем расчётливым и равнодушным.

— Ну, а что у меня, подруг, что ли, нет? — утешала себя Тамара.— Подумаешь, только они две на свете! С кем захочу, с тем и подружусь! А ещё со Стрешневой на ветке обещались! Вот сейчас приду домой и выброшу эту ветку!

С твёрдым решением тотчас же выбросить заветную дубовую ветку она вошла в свою комнату. Вошла и остановилась посреди комнаты: да вот дело-то в чём, где же эта ветка? Куда же её Тамара положила тогда? А ветки давно уже не было в доме. Ирина убирала комнату и вместе с мусором выкинула в тот же день, когда Тамара принесла её из лесу.

Дарима, как только за Тамарой закрылась дверь, вошла в комнату. Она была очень сердита.

Фатьма посмотрела на неё и покачала головой.

— Ой, мама, ты как маленькая всё равно! Ну, что ты сердишься? Ушла из комнаты. Разве это хорошо?

— Хорошо,— ответила Дарима.— Кого не люблю, на того глядеть не хочу.

Зина улыбнулась. Ох, тётя Дарима! Кого не полюбит, то уж не полюбит. И ничего тут не сделаешь.

Чтобы разогнать неприятное чувство, оставленное посещением Тамары, и восстановить всегда милую теплоту этой полной цветов и тишины комнаты, Зина сказала:

— А какую я книжку видела сегодня в библиотеке! Толстая, с картинками — «Садоводство»!

Зина знала, что надо сказать и на какую дорожку свернуть разговор. Дарима просияла, и полные её губы раскрылись для улыбки.

— А ну-ка, расскажи получше! А ну-ка, сядь сюда, к печке, белый пряничек, со мной рядышком и получше, получше расскажи!

Все, посмеиваясь от удовольствия, уселись к печке, на маленькую тахту. Рядом на табурете уселся Антон.

— Только Изюмки нет! — сказала Фатьма.

— А Изюмка тоже бежит,— вдруг сказал Антон.

Зина вскочила, а за ней Фатьма, и обе бросились к окну. По снежной дорожке от зелёной калитки мелкими шажками бежала Изюмка.

Зина вышла, встретила её.

— Я от бабушки убежала! — сообщила Изюмка в восторге.— Она велит: «Гуляй во дворе!» А я не хочу. Я сказала: «Пойду к Зине». И пошла! Меня Петушок проводил. А бабушка сказала: «Ну и, пожалуйста, иди, я без вас не заплачу». Я и пошла, потому что Петушок сказал: «Антон пошёл к Зине в зелёненький домик».

— Всё ясно,— сказала Зина.

А Фатьма, схватив Изюмку, принялась раздевать её, целовать, тискать, а потом сказала, что всё равно её съест когда-нибудь, потому что очень любит изюм. Дарима подняла Изюмку и усадила её к себе на колени.

— А теперь, Зина, расскажи, какой там сад нарисован.— Самой сладкой мечтой Даримы было стать садовником или хоть так поработать в каком-нибудь большом богатом саду.— Какие цветы сажают?

Зина бегло просмотрела книгу «Садоводство», но картинки были такие, что ей показалось, будто она сама побывала в этом необыкновенном саду. Она видела голубую полянку, засеянную незабудками и окаймлённую белыми цветами. Среди этой полянки, будто зелёные островки среди голубого озера, стоят кудрявые кустарники, и это очень украшает полянку. Она видела там яркие придорожные рабатки из крупноцветных циний, красных, оранжевых и жёлтых. Там были круглые и квадратные водоёмы с белыми чашечками и круглыми тёмными листьями лилий, плавающими на светлой воде. Там поднимались высокие кусты львиного зева богатых колеров — чисто белые, тёмнопурпурные, светлорозовые с меднокрасными и оранжевыми пятнами. Запомнилась ей вербена, прелестные зонтичные цветы которой припадали к земле на пришпиленных ветках и создавали огненно-красные, белые и тёмносиние бордюры.

И особенно — розы: чайные, бенгальские, ремонтантные... И вьющиеся розы, которые поднимаются по стенам здания, как плющ, и всё закрывают густой листвой и маленькими яркими цветами...

Все слушали рассказ Зины, будто сказку.

— Дочка, Фатьма, расти скорей! — крикнула Дарима.— Давай расти скорей, учись скорей, учительницей скорей делайся.

— Скоро вырасту, скоро! Только ты в бок меня не толкай,— смеясь, отвечала Фатьма.

— А когда скоро? — Изюмка вскочила и забралась на колени к Фатьме.— Завтра вырастешь?

— Вырасту!

— А с кого?

— Завтра — с маму, а послезавтра — со шкаф. А через неделю — с дерево!

Изюмка изумлённо глядела на Фатьму с минуту, а потом начала смеяться, потому что все засмеялись:

— А! Я знаю, ты шутишь!

— Вот как будет Фатьма у нас учительница, — начала мечтать Дарима, — то мы поедем с ней в большую школу, в село. И там у нас будет большой сад, и мы с ребятами там всё сделаем — голубую полянку сделаем и розы посадим!. Зина, принеси мне эту книгу, я пока буду учиться, как эти цветы сажать.

— Я тебе принесу,— пообещала Фатьма,— успокойся!

— А там луковицы красные тоже были? — спросил Антон.

Зина посмотрела на него:

— Антон, как же нам всё-таки с твоей луковицей-то быть? Не хочется мне отцу говорить...

— С какой луковицей?

Зина и Фатьма рассказали о затруднении, постигшем Антона.

— Вот какое дело,— сказала Дарима, покачав головой,— значит, не отнести нельзя. Обещал. А нести нечего. Вот так дело!..

Она посмотрела на свой красивый амариллис, полюбовалась им с минутку, будто желая, чтобы хоть в глазах у неё осталось отражение его красных лепестков, и тут же сказала:

— Бери, Антон, мой цветок и отнеси. А что думать?

— Бабушка сказала, что брать лучше, а отдавать хуже. Значит, тебе, тётя Дарима, хуже? — спросил Антон, и по глазам его было видно, что он решает очень важный для себя вопрос.

Зина покраснела, а Дарима рассмеялась:

— Ах ты, маленький мужичок-чудачок! Ишь ты, о чём он думает! Ну, а если мне хуже, тогда что?

— Тогда я не возьму.

Антон опустил глаза и засопел носом.

— Э! Сейчас заревёт! Сейчас заревёт! — указывая на него пальцем, закричала Изюмка.

— Не реви, Антон,— сказала Дарима,— кому — лучше брать, а кому — лучше отдавать. Вот если ты возьмёшь цветок и отнесёшь в школу, будет хорошо. Правда?

Антон охотно кивнул головой.

— А раз тебе будет хорошо, то мне от этого ещё лучше. Ты, Антон, понял?

Антон поднял голову, улыбнулся, и круглые глаза его просветлели. Яснее всего он понял одно: завтра утром он возьмёт цветок и отнесёт в школу, и будет всё, как он думал. Среди зелени загорится на окне красный цветок, и как все в классе будут радоваться, любоваться его цветком! И, может, из другого класса прибегут посмотреть. А учительница, наверно, скажет: «Вот как наш Антон Стрешнев любит свою школу!»

Антон соскочил с тахты и пощупал пальцами землю в горшке: не сухая ли?

— Подумаешь — садовод! — засмеялась Фатьма.

А Зина упрекнула:

— Эх ты, а «спасибо» за тебя кто скажет?

ВЕРА ИВАНОВНА РАЗГОВАРИВАЕТ С ЗИНОЙ

В школе жизнь шла своим чередом. Зина выправила свои отметки и снова заняла место среди первых учениц. Староста класса Маша Репкина с удовольствием отмечала это в своём дневнике, где записывала все классные дела и события.

Сима Агатова, председатель совета отряда, тоже перестала тревожиться за судьбу пионерки Зины Стрешневой. Зина охотно разрисовала стенную газету, занималась в кружке рисования, не пропускала сборов отряда, аккуратно выполняла все поручения, которые давались ей. Поручили ей навестить снова заболевшую Катю Цветкову — Зина навестила. И не только навестила, но сумела устроить так, что к Цветковой стали ходить каждый день то Шура Зыбина, то Фатьма, то Вера Кузнецова — одна из лучших учениц класса. И зорко следила, чтобы Катя ни на один день не осталась одна и без уроков до тех пор, пока та не выздоровела. Сделано это было тихо, без суеты. Так тихо, что даже и сама Катя не узнала, кто так неустанно всё это время заботился о ней.

Потом поручили Зине у подшефных малышей-первоклашек организовать классную библиотеку. В помощь ей дали Тамару Белокурову. Совет отряда не знал, как вовлечь Тамару хоть в какую-нибудь пионерскую работу. И решили соединить её с Зиной. Она-то уж подтянет Тамару!

Но Тамара, как только узнала, что её дают в помощь Зине, обиделась:

— Почему это меня ей в помощь? А может, её — мне в помощь?!

Сима хотела объяснить Тамаре, что Стрешнева любит малышей и лучше сумеет с ними сговориться, но Зина перебила её:

— Ну, какая мне разница? Пускай буду я в помощь ей!

Так и записали, как хотела Тамара. Но на деле всё-таки вышло, что всю работу вела Зина: объясняла ребятишкам, какие книжки надо принести, сама ходила по классам и просила, чтобы девочки приносили книжки для маленьких, у кого что есть. А потом сидела с первоклашками во время больших перемен, учила их обёртывать собранные книги, надписывать, подклеивать. Тамара иногда подходила к ним, глядела и опять исчезала. Ну, что это за работа — скука одна, и только! Зина любит малышей, ну пусть она с ними и возится. И Зина возилась. Понемножку собрали для малышей библиотечку. Вот они, какие чистенькие, аккуратные книжки стоят у первоклашек на полке! Дело делалось, и опять никто не слышал, когда и как оно сделалось. Не слышала об этом и Вера Ивановна.

Веру Ивановну мало интересовала эта тихая, незаметная девочка, Зина Стрешнева.

— Как ты живёшь? — спросила Зину Вера Ивановна.

Но всё-таки она исполнила просьбу Елены Петровны и поговорила с ней. Она подозвала её к столу перед тем, как начать занятия. Зина, немножко оробев, подошла. Почему её зовут к столу перед всем классом?

— Как ты живёшь? — спросила Вера Ивановна.

Зина съёжилась под её светлым холодным взглядом.

— Ничего,— сказала она.

— Теперь у тебя есть время делать уроки?

— Да. Теперь есть время.

— Но ты помогаешь бабушке?

— Помогаю.

— Значит, всё уладилось.— Вера Ивановна нашла, что тут не лишне улыбнуться, тонкие бескровные губы её раздвинулись и показали белизну превосходных зубов.— Ну и отлично! Садись. Девочки, начинаем урок.

Итак, в школе у Зины дела шли своим чередом. Отметки получались хорошие, пионерские поручения честно выполнялись. Зина была чисто одета и никогда не опаздывала на занятия. Всё было хорошо.

И никто не замечал, что Зина давно уже не ходит на каток, что она редко смеётся, что она бледна, задумчива, всегда озабочена чем-то, будто носит в душе какую-то тяжесть и устала от этой тяжести. И всегда она спешила домой. Кончаются уроки — и она бежит, как будто у неё дома пожар.

— Ах, нелюдимка эта Стрешнева! — сказала однажды Тамара Белокурова, глядя вслед Зине, которая быстрым шагом шла впереди.

— И правда,— кивнула закутанная в пуховый платок худенькая, похожая на цыплёнка Катя Цветкова,— когда ко мне приходила, то была какая-то, ну... дружная. А теперь какая-то, ну... недружная. Всё почему-то молчит...

— А потому что нелюдимка,— подтвердила Тамара,— и воображала! Они с Фатьмой всё время воображают.

Вдруг крепкий снежок ударил ей в спину. Тамара живо обернулась. Шура Зыбина, весёлая задира, Аня Веткина и тоненькая, с длинной косой Соня Ремезова, собравшись в сквере, смеясь, хватали снег и лепили снежки.

— А, вот как! — Тамара перебежала дорогу и, увёртываясь от снежков, сама принялась хватать снег. Тамара была ловка и проворна и так закидала девочек снежками, что те закричали и запросили пощады.

Катя Цветкова осталась на тротуаре и, улыбаясь, смотрела на снежный бой. Сама она, нежная и слабая, вступить в этот бой не решалась. Раза два она взглянула в сторону Зины. Мелькнула смутная мысль: а может, догнать, остановить или пойти с ней вместе? Зина славно помогала Кате заниматься, когда она была больна... Но синяя шубка Зины уже исчезла за углом. А девочки так шумно и весело сражались, и смотреть на них было так интересно, что Катя осталась стоять на тротуаре.

Зина сегодня возвращалась домой одна. Фатьма зашла в библиотеку, а Зина не могла её дожидаться. Если задержишься где-нибудь, то бабушка обязательно скажет:

— Опять пробаловала где-то? Тут с ног сбиваешься, а она, как маленькая, бегает по улицам. Распустила вас мать-то!

Сначала Зина защищалась, возражала. Но постепенно сама, не зная, как, всё больше и больше подчинялась тяжёлой воле бабушки. Бабушка считала, что ходить на каток — это мальчишеское дело и незачем Зине туда ходить, только одежду рвать.

...Искромётная радость катка, летящие по льду конькобежцы, весёлые, румяные лица, вьющиеся снежинки, музыка... И сама летишь, как птица,— коньки несут тебя, они словно рады разбегу, который даёт нога, они мчатся, еле касаясь льда, а у тебя замирает дух и от быстроты и от какого-то ни с чем не сравнимого счастья! А рядом бегут девочки-подруги и догоняют друг друга, перегоняют, кружатся или, взявшись за руки, плавно идут, чуть склоняясь то в одну сторону, то в другую... И какая отдохнувшая, с какой весёлой душой возвращаешься всегда с катка!

Так было всегда. А теперь не так. Теперь только лишь Зина снимет коньки, только выйдет из ворот парка на улицу, как улыбка уже пропадает у неё, и чем ближе подходит к дому, тем тяжелее на сердце. Скрывая тревогу, Зина прощается с подругами, стараясь казаться весёлой. Но остаётся одна с Фатьмой, и Фатьма видит, как сдвигаются её тоненькие брови и поджимаются губы.

— Боишься бабушку? — спрашивает Фатьма.

— Боюсь,— тихо отвечает Зина.

И обе они молча идут до дома. Фатьме жалко Зину, но что же сделаешь? А Зину охватывает тоска от мысли, что её сейчас опять начнут бранить дома.

И дома начинают бранить.

— Уроки бы учила получше,— говорит бабушка и, опустив на колени шитьё или вя-

занье, укоряюще смотрит на Зину.— На что надеешься? Ты уже большая, пора за ум браться. Нешто можно целый вечер без дела бегать? Ведь ты сирота, должна вот как за дело цепляться!

Бабушка бранит. А ребятишки, как только появляется Зина, оба бросаются к ней, будто неизвестно, сколько времени её не было дома. Видно, скучают они без неё, видно, без неё им и холодно и одиноко... Ведь она их старшая сестра!

Тяжело каждый раз слушать упрёки. И жалко ребятишек. И Зина перестала ходить на каток. Нет, не внесла деловитая красивая бабушка в дом тепла, которое так нужно было детям!

Постепенно бабушка Устинья вытеснила из дома и её подруг. Особенно ей не нравилось, что Зина дружит с Фатьмой.

— Ну, что ты не найдёшь себе подружки настоящей? Нешто это подруга — дворникова дочь! Какая от неё польза? А ты бы вот позвала к себе директорову-то или инженерову — вот бы я сказала, что у тебя голова есть. Но гляжу: нет у тебя головы, как и у матери не было. Эх-ма! Людей ведь тоже надо себе подбирать хороших, глядишь, потом пригодятся в жизни, помогут, устроят на хорошее местечко: ведь ты сирота!

Зина только глядела на неё отчуждёнными глазами и молчала, крепко поджав губы. Она уже по опыту знала, что спорить не надо. Бабушку ни в чём нельзя было разубедить. Лучше всё это пережить молча — и обиду, и возмущение, и презрение, которое Зина смутно чувствовала, но не хотела признаться себе, что это чувство копится в её сердце, как горький и тяжёлый груз. Дружить из расчёта! Не водиться с Фатьмой потому, что у неё мать — дворничиха! Если бы мама слышала это! И если бы отец это знал!

А отец ничего не знал. Он чувствовал, что в доме нет настоящего мира и покоя. Но, может, и не признаваясь самому себе в том, что не хочет знать настоящей правды, был доволен и тем, что внешний мир был сохранён. Как-нибудь, как-нибудь. Ну, а что же делать? Жить-то на свете надо! И ведь всё-таки детям лучше с бабушкой: они умыты, они сыты, они одеты... Иногда он спрашивал, делая весёлое лицо:

— Ну, дочка, как у нас с тобой дела?

— Ничего, папочка. Всё хорошо,— отвечала Зина, улыбаясь.— Пятёрку по русскому получила.

— Молодец! Значит, пятёрка?

Отец гордился и радовался: вот и опять Зина учится на пятёрки! Но он замечал в её глазах затаённую печаль, замечал, что нет в ней прежней весёлости, и, подавляя вздох, говорил сам себе: «Что ж делать! Что ж делать! Мать из могилы не поднимешь».

Зина торопилась из школы домой. Хрусткий, слегка подтаявший снег резко блестел на солнце. В воздухе бродили неясные запахи, напоминающие о весне. О том, что весна где-то близко, напевали и тоненькие капели, падавшие с пригретых крыш на солнечной стороне.

Ох, как хорошо сегодня! Как не хочется идти домой! Такие дни, когда что-то ещё неизвестное, неуверенное, тревожное и радостное происходит в природе, такие дни Зина тонко чувствовала и любила их. Нежное предчувствие весны волновало и тревожило её. Гудок маленького паровозика снова, как и в прежние годы, звал куда-то в неизвестные страны, полные чудес и радостных неожиданностей...

На крышах, под застрехами, на мостовых и на деревьях азартно щебетали отогревшиеся на солнце воробьи. От этого весёлого птичьего щебета и от звона капелей, от их огнистого блеска будний день казался праздником. Зина замедлила шаг, а потом неожиданно для себя свернула на другую улицу — пройдёт полквартала и вернётся к дому с другой стороны. Хотелось ещё послушать воробьёв и посмотреть на капели, ведь можно же иногда хоть немножко опоздать из школы!

Зина прошла полквартала, хотела уже свернуть переулком на свою улицу — и вдруг из-за угла появилась группа девочек-семиклассниц, весёлых и оживлённых. И среди них Зина увидела Елену Петровну.

Елена Петровна тоже увидела Зину. Она легонько отстранила своих семиклассниц:

— Стрешнева! Иди-ка сюда, девочка!

Зина, застенчиво и радостно краснея, подошла к своей прежней учительнице. От этой встречи день стал ещё более праздничным.

— Как ты живёшь, Зина? — сказала Елена Петровна, положив ей на плечо руку в белой шерстяной перчатке и заглядывая в глаза.— Только скажи правду! А?

Зина немножко помялась:

— А что сказать?

— Скажи, всё ли хорошо у тебя дома? Справляетесь ли вы с хозяйством? Как ребятишки?

— Всё хорошо,— нерешительно улыбаясь, ответила Зина.— У нас ведь теперь бабушка...

— А учишься как?

— Все пятёрки. Только четвёрка по истории.

— А с бабушкой ладите?

Зина взглянула на Елену Петровну, взглянула на девочек, с любопытством обступивших её, и опустила глаза. Очень хотела бы она рассказать Елене Петровне всё, что накопилось у неё на сердце, спросить, как же ей быть дальше и как поступать сейчас, но вместо всего этого она сказала негромким и каким-то пустым голосом:

— С бабушкой ладим.

Тонкая морщинка появилась у Елены Петровны между бровей. Она отняла свою руку от плеча Зины:

— Я как-нибудь зайду в гости к твоей бабушке, ладно?

— Ой, хорошо бы! — Зина вспыхнула от радости.

— Зайду, зайду.

И, уже пройдя несколько шагов, остановилась и вернулась к Зине:

— А Вера Ивановна знает, как ты живёшь? Она побывала у вас? Она познакомилась с твоей бабушкой?

— Нет, она у нас не была,— тем же пустым голосом сказала Зина,— а со мной разговаривала. Да, разговаривала.

Елена Петровна улыбнулась криво уголком

рта, качнула головой, будто укоряя кого-то, и, простившись с Зиной, пошла со своими девочками дальше.

«Вера Ивановна разговаривала со мной...— Зина вспомнила, как учительница допрашивала её, вызвав на середину класса,— да, разговаривала. Спрашивала обо всём... Она наша руководительница. Я должна советоваться с нею. Может, пойти к ней, да и, правда, рассказать обо всём, что у меня дома?»

И тут же почувствовала, что к этой руководительнице она никогда не пойдёт и ничего ей не расскажет. Вера Ивановна разговаривала с ней. А какая была бы разница, если бы она с Зиной не разговаривала?

КАК БЫТЬ ТАМАРЕ!

Николай Сергеевич, отец Тамары, сегодня что-то очень рано пришёл с работы. Антонина Андроновна встревожилась, она даже привстала с дивана, хотела пойти к мужу узнать, не заболел ли. Нет ли каких неприятностей по работе? Но, к её удивлению, Николай Сергеевич сам постучался к ней.

— Что-нибудь случилось? — спросила Антонина Андроновна.

Николай Сергеевич был задумчив и как будто чем-то взволнован, но лицо его не выражало ни тревоги, ни горести. Однако он ответил, испытующе глядя на жену:

— Да, случилось.

Антонина Андроновна сейчас же встала и закрыла дверь в комнату Тамары. Но было поздно. Тамара уже услышала это пугающее слово «случилось». Она легонько, чтобы не зашуметь, отодвинула стул, вышла из-за стола и притаилась у двери.

— ...Ничего страшного,— продолжал отец,— я уезжаю в деревню. В колхоз.

— Что?! — вскрикнула Антонина Андроновна.— Как уезжаешь? Как это так? А почему мне ничего не сказал?

— Вот говорю.

— Но почему ты говоришь, когда уже решил? Я бы сходила к директору, в партком! Я бы им доказала!..

— Вот поэтому я и не сказал тебе раньше.

Тамара невольно нажала ручку двери, и дверь открылась.

— Тамара, иди отсюда! — резко сказала мать.

Но отец распахнул дверь:

— Нет, нет. Зачем же ей стоять за дверью и подслушивать? Пусть лучше вместе с нами решает, как нам быть дальше. Тамара, ты слышала, о чём разговор?

— Да,— покраснев, созналась Тамара.

— Ну, что же ты об этом думаешь?

— А что она может думать? — раздражённо начала Антонина Андроновна.— Она может думать только одно, что отец у неё — бессердечный человек, что он бросает семью на произвол судьбы — как хотите, так и живите!

— Почему же бросаю? — пожав плечами, сказал отец.— Мы поедем все вместе.

Антонина Андроновна вскочила:

— Что? Я поеду с тобой? Я?!

Трудно передать, сколько изумлённого возмущения звучало в её голосе!

— Ну да! — В глазах Николая Сергеевича блеснули насмешливые огоньки.— А почему же нет? Ты тоже можешь принести немало пользы колхозу: ты ведь работала когда-то диспетчером.

— Ты с ума сошёл! — задохнувшись, сказала Антонина Андроновна.— Что вспомнил! Ты хочешь, чтобы я, взобравшись на гору, снова в яму свалилась? Когда это я работала диспетчером? Когда ещё глупой девчонкой была! А теперь! Да ты посмотри на меня, на мои руки...— Она протянула Николаю Сергеевичу свои белые, с красными ногтями руки, давно не знавшие никакой работы, показала их ему, а потом всплеснула ими.— Ну, нет! Не могу говорить. Ты с ума сошёл!

— Значит, поеду один.— Отец уселся в кресло, медленно вытащил папиросы, хотел закурить, но, вспомнив, что здесь нельзя курить, потому что на мебели светлая обивка, спрятал папиросы в карман.— Да,— повторил он,— всегда один.

— Папочка, а я? — вдруг жалобно сказала Тамара.

— Ты? — Отец внимательно поглядел на неё.— Ты?

Николай Сергеевич глядел на свою дочь так, словно в первый раз видел её. Хорошенькая. Яркие глаза. А что в этих глазах? Что в этой душе? Какая она, эта душа?.. Николай Сергеевич отвёл взгляд, он не знал, что ответить Тамаре, он только сейчас почувствовал, что девочка выросла без него, что он, отойдя от жены, отошёл и от дочери... А дочь уже большая, она уже о многом думает, многое чувствует. Он отдал её матери, которая ничему хорошему — ни любви к труду, ни благородным поступкам, ни стремлению к знаниям,— ничему не может научить их дочь. Он знал это! Знал — и устранился. Как же это он, сам готовый бросить всё: и хорошую работу, и благоустроенную жизнь, и общение с товарищами, которое он высоко ценил,— он, готовый оставить всё это ради своего долга перед Родиной, забыл о своём долге перед дочерью? А ведь она человек! Каким путём пойдёт она в жизни? С одной стороны — пионерский отряд, школа. С другой — мать, для которой нет ничего выше материального благополучия. Кто победит? И кого слушаться Тамаре? А если победит мать, то в жизнь войдёт вторая Антонина Андроновна...

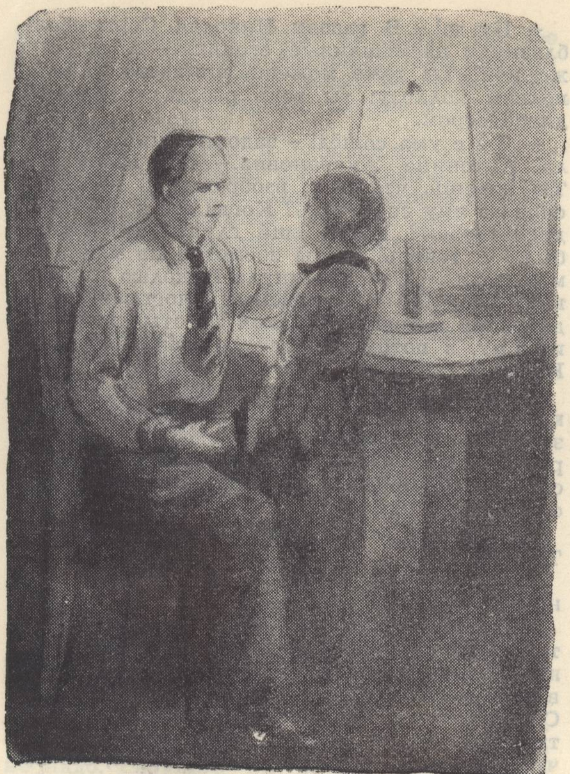
— Это ужасно! — вырвалось у Николая Сергеевича.

— Да, это ужасно,— подхватила Антонина Андроновна,— тебе уже обещали квартиру в высотном доме. А теперь что же? Значит, останемся в этой? И сколько ты там будешь получать? Имей в виду, что сокращать расходы я не намерена!

Николай Сергеевич встал и, не ответив, вышел из комнаты.

— Вот, вот! — закричала Антонина Андроновна.— Теперь запрётся! И смотрите, он даже не возражает, что я остаюсь!

Она вскочила и, шумя шёлковым халатом, побежала вслед за ним, оскорблённая, покрасневшая от гнева. Тамара, насупившись, со сдвинутыми бровями, вышла в прихожую, оделась и ушла на улицу. Недоконченные уроки остались на столе.

Тамара улыбнулась по-детски радостно, подбежала к отцу, схватила его за руку...

Тамара шла, куда несли ноги. Она не видела ни красивых витрин с пёстрыми шелками, которые обычно любила разглядывать, ни ярких афиш кино, ни прохожих, спешащих куда-то... Ей не хотелось видеть никого из своих подруг. С кем из них можно поговорить о том, что происходит у неё дома? Кому из них она сознается, как ей тоскливо, как ей страшно?.. Отец уходит от них... Хоть он и говорит, что едет только на работу, но это неправда, он уходит навсегда.

«Почему навсегда? — старалась разубедить себя Тамара.— Почему это? Разве он сказал?»

Нет. Не сказал. Но разве не видит Тамара, как он презирает её мать? Да, они оба не обращают внимания на Тамару, считают, что она ещё маленькая и не понимает ничего, а Тамара всё понимает!

И как же будет теперь? Вот всё «папка» да «папка»! Папка что-то там делает, где-то работает, живёт какой-то своей жизнью... Ну и пусть работает! Ну и пусть живёт! Но всё-таки он есть. Он с ними. Его присутствие необходимо в жизни. А как же иначе? Как же это может быть, что у Тамары не будет отца!

Тамара сама не знала, сколько времени ходила она по улицам. Уже зажглись фонари, когда она вернулась к своим воротам. Раздевшись, Тамара неслышно подошла к дверям отцовского кабинета. Там было тихо. Тронула ручку — дверь заперта.

Из кухни выглянула Ирина.

— Ты что же от обеда убежала? — сказала она.— Садись, поешь. Я тут для тебя котлету отложила.

— Почему ты? — Тамара холодно покосилась на неё через плечо.— Не ты, а мама.

— Есть когда маме сейчас думать о тебе! — проворчала Ирина, собирая обед на краешке стола.— То не думают о человеке, топчут человека, можно сказать. А потом начнут истерики устраивать, да к начальству бегать.

«Опять к директору пошла.— Тамара молча сдвинула брови.— Опять кричать там будет. Ой!»

Тамаре было больно за мать, её оскорбляло поведение матери, истерики, крики... Но тут же вскипало и раздражение. А почему не кричать? Надо кричать! Раз они портят всю нашу жизнь, надо кричать! Им не нравится? Ну и пусть не нравится. Зато задаст им жару, так и надо!

Тамара проснулась ночью от того, что услышала за стеной шаги отца. Отец шагал взад и вперёд по комнате, чиркал спичками, ломал их и снова чиркал,— видно, папироса не закуривалась.

Тамара встала, надела халатик и постучалась к отцу.

— Ты что? — удивился отец.— Почему не спишь? Третий час...

— А ведь ты не ответил мне...— сказала Тамара, глядя ему в глаза.— Ты уедешь?

— Уеду.

— Ты уедешь... Мама останется. А я? Я как? Ты обо мне забыл?

— Именно о тебе я думаю сейчас... Ну, что же? Сначала я поеду один, огляжусь, устроюсь. А потом, если вы с матерью захотите, приедете ко мне. Впрочем, мать не приедет. Может быть, так только, навестить...— добавил он, помолчав. — А ты... Я-то очень хотел бы, чтобы ты жила около меня.

— А если я не приеду,— значит, мы тебя больше и не увидим никогда? — продолжала спрашивать Тамара, не спуская с отца блестящего, напряжённого взгляда.

— Почему же это? — с удивлением ответил отец.— Я буду приезжать... Как дела позволят, так и приеду.

— Значит, ты не навсегда?

— Навсегда? Почему это пришло тебе в голову?

— Значит, ты не... ты не хочешь нас бросить?

— Глупости какие!

Тамара улыбнулась по-детски радостно, подбежала к отцу, схватила его за руку и приложилась лицом к этой жёсткой, пахнущей табаком руке. Отец осторожно отстранил её.

— А хорошо бы мы там жили! — сказал он, и Тамара, может быть, в первый раз увидела, как ласково и мечтательно умеет улыбаться отец.— Сколько бы ты интересного увидела! Деревня, колхоз — это же огромный мир, которого вы, городские школьники, совсем не знаете. Вот если бы ты там пожила, как бы это тебя обогатило! И ум твой и душу. И уж тогда-то,— отец весело усмехнулся,— ты бы свою выставку не завалила!

— Я приеду к тебе, папочка! — прошептала Тамара.

Долго они ещё говорили вполголоса о том, как будут жить в деревне. Тамара будет хо-

дить за водой на речку, будет берёзовым веником подметать избу, ходить за ягодами с колхозными девчонками...

Уже под утро, забравшись в свою постель, Тамара продолжала мечтать. Как рады будут ей эти колхозные девчонки! Она расскажет им о Третьяковской галерее, о планетарии, о пионерских сборах, которые устраивались у них в школе, о книгах, которые она читала... да мало ли! Разве они там, в колхозе, знают столько, сколько она знает?

И, уже засыпая, Тамара подумала:

«Надо маму попросить, чтобы мне сшила несколько сарафанчиков... несколько новеньких сарафанчиков... пёстреньких, цветочками... только чтобы модные были...»

Во сне она видела себя идущей по зелёному лугу, нарядной, как Золушка на балу. А вокруг неё колхозные девчонки, загорелые, в длинных, неуклюжих платьях, в платочках, идут и дивятся, какая красивая Тамара, какие у неё кудри, какое лицо белое, какое платье нарядное!.. И все они ждут: что велит им Тамара, то они сейчас же и сделают!

БАБУШКА ГОВЕЕТ

Бабушка за обедом не стала есть мяса. И от молока тоже отказалась.

— Ешьте, ешьте,— необычно кротким голосом сказала она Зине и Антону,— а мне нельзя мяса.

— Ты заболела? — спросил Антон.

Бабушка улыбнулась:

— Нет, глупый. Я говею. Мне скоромного нельзя. Я вот кусочек рыбки съем — и довольно с меня.

Антон с любопытством глядел на бабушку:

— А как ты говеешь? Покажи, бабушка!

— Ах, глупенький,— бабушка снисходительно погладила его по голове,— говею, ну, пощусь, значит. Скоромного не ем. Вот мяса не ем.

— А почему?

— Ну, потому что мясо — убитого животного. А боженька убивать не велел.

— А рыба не убитая?

Антон хотел понять всё и ничего не понимал. Он вопросительно поглядывал на Зину: может, она объяснит? Но Зина молчала. Ей и самой было непонятно: почему это мясо нельзя есть, а рыбу можно? И почему рыбу можно, а молоко нельзя? Да и кому это было понятно?

Бабушка рассердилась бы, да ей и сердиться в эти дни было нельзя. Вернее, рассердиться-то она рассердилась, но показать этого не показала. Только высоко подняла свои круглые брови и сказала:

— Согрешишь с вами!

А потом оделась во всё тёмное, покрылась чёрным шерстяным полушалком и отправилась в церковь.

— За Изюмкой сходи! — сказала она Зине.— Отцу обед разогрей и подай! Я не скоро приду: сегодня служба долгая. Страстная неделя идёт.

Бабушка ушла. Зина как-то вдруг встрепенулась. Ушла бабушка, и снова она почувствовала себя дома, как прежде. Вот они, их чистые, милые комнаты. Вот они с Антоном садятся за стол делать уроки. Зина запела весёлого «Чибиса», Антон подхватил,— правда, неуклюже подхватил, у него не было слуха,— и никто не остановил их, не сказал, что на страстной неделе петь нельзя, потому что грех. Антон, увлекшись песней, вздумал дирижировать пеналом, но потерял равновесие и свалился со стула. Он хотел было скривить губы, но Зина принялась так весело хохотать, что и Антон засмеялся. Они смеялись, болтали, ловили друг друга, бегая вокруг стола. Они были дома!

— А если бы страстная неделя тянулась долго, долго,— сказал Антон,— хорошо бы, да? Бабушка всё ходила бы и ходила бы в свою церковь. Да?

— Ты глупости, Антон, болтаешь,— ответила Зина.— Давай-ка за уроки садись.

А сама вздохнула и подумала: «Да, хорошо бы!»

Зине нравилась страстная неделя: бабушка очень мало бывала дома, держалась тихо, кротко. Не вспоминала маму недобрыми словами, как привыкла делать в последнее время. Не жаловалась отцу на зинину грубость, на её плохой, угрюмый характер. Только одно не нравилось Зине в эти дни: бабушка слишком много говорила о боге. Бог так и вертелся у неё на языке: то бог знает, то бог спасёт (от чего спасёт?), то бог поможет. Так уж божественно она была настроена. И даже когда Зина нечаянно, встретясь в дверях, толкнула бабушку и сказала: «Прости, бабушка!» — бабушка не прикрикнула: «Нешто можно так носиться по квартире?!» — а и тут ответила: «Бог простит».

«Бог простит! — усмехнулась про себя Зина.— А бог-то тут при чём?»

И ей трудно было понять, как это может взрослый человек верить в какого-то бога, которого никогда не видел и не слышал, и почему это считают, что этот невидимый бог должен участвовать во всех их делах? Вот он даже и Зину должен прощать за то, что она нечаянно толкнула бабушку!

В пятницу, придя из школы, Зина застала в квартире разгром. Бабушка только что вымыла окна. Таз с грязной водой стоял среди пола. От окон к двери текли ручьи. Коврики собраны в кучу. Всё, что обычно висело на стенах,— картина с избушкой на морском берегу, фотографии, календарь с левитановской осенью на папке, портреты Ленина и Пушкина — всё лежало на столе. Бабушка щёткой, закутанной в тряпку, обметала потолок.

У Зины чуть не выпали книги из рук:

— Бабушка, что это?

— А то,— ответила бабушка,— бери тряпку да протирай все картинки. Накопили тут грязи. Нешто можно всё так-то оставить к светлому-то христову воскресенью?

Бабушка устала и, забыв, что постится и говеет, прикрикнула на Зину. Зина поспешно разделась и, взяв чистую тряпочку, принялась перетирать рамки картин и фотографий.

Вскоре пришёл и Антон. Он долго возился в прихожей, потому что пришёл весь в снегу и спешил стряхнуть пальто и обмести валенки, пока бабушка не увидела. Он вошёл в комнату красный, с красными руками, с живыми искорками смеха, ещё дрожащими в

его больших глазах. Они только что лупили снежками друг друга и сажали друг друга в сугроб. Оттого и получилось, что Антон сегодня очень долго шёл из школы. И до чего же захотел он есть! Прямо тарелки три супу съел бы и пять чашек молока выпил бы!

Но в доме и не пахло обедом.

— У-у...— разочарованно протянул Антон.— А обедать когда же?

— Уберёмся и обедать будем. Не помрёшь,— ответила бабушка.

— А какой праздник — Первое мая?

— Ох, ох! — вздохнула бабушка.— Растут, как трава в лесу! Какое же Первое мая, когда апрель только ещё начался?

Она взяла у Зины тряпку, а ей велела вешать уже протёртые фотографии.

— А больше и праздников не знаете? — продолжала бабушка.— Ох, ох, согрешишь с вами! Воскресенье христово, пасху не знают! Христос воскреснет из мёртвых послезавтра, понимаешь или нет?

Антону стало интересно:

— Бабушка, а как он воскреснет из мёртвых? Из гроба вылезет, да? А ты пойдёшь смотреть? А не побоишься?

— Замолол языком! — прервала бабушка и присела отдохнуть.— Нешто он сейчас воскресать будет? Он уже почти две тыщи лет тому назад воскрес. Встал из гроба и вознёсся на небо. Вот этот день мы и празднуем. Понял теперь?

— А Илья с лошадьми на небе? — продолжал спрашивать Антон; он любил сказки, и то, что рассказывала бабушка, было ему интересно, как всякая сказка.

— И Илья-пророк на небе,— уверенно сказала бабушка, будто она сама только что оттуда.

— А ещё кто?

— А ещё бог Саваоф, ангелы и архангелы.

— Бабушка! — не выдержала Зина. — Да где же это небо? Ведь небо — это воздух, атмосфера. А облака — туман, влага. Где же, на чём эти ангелы-архангелы живут? Неба-то ведь нету!

— А уж это не наше дело знать, где они живут,— отмахнулась бабушка. — Нешто может человек всё знать? Ему это не дано.

— Бабушка, а ты завтра тоже в церковь пойдёшь? — помолчав, спросил Антон. Он уже прикинул: если бабушка уйдёт, он позовёт Петушка из пятого номера, и они будут играть в землю и в луну. Сегодня учительница в школе показывала им глобус и объясняла, как вертится земной шар вокруг солнца и как вокруг земного шара вертится луна. Сначала на глобусе объясняла. А потом всё изображали сами ребята. Костя Апрелин был солнце, Ваня Мешалкин — земной шар, а он, Антон Стрешнев, представлял луну. Костя Апрелин стоял среди класса, Ваня тихонько ходил вокруг него, а Антон ходил вокруг Вани и вместе с ним вокруг Кости. Вот получилось весело! Антону очень хотелось ещё раз поиграть в эту игру, пускай Зина посмотрит, и тогда она тоже узнает, как земля и луна кружатся вокруг солнца!

Он жадно ждал, что скажет бабушка. И бабушка, к его удовольствию, ответила:

— Обязательно пойду. Обязательно пойду, Антоша. Исповедаться. Причаститься святых таин.

— Каких таин?

— Тела и крови христовой причаститься.

Антон молча вытаращенными глазами глядел на бабушку.

— Ну что вытаращился? Очень просто. Батюшка положит в чашу просвирку, кусочками нарежет. А потом вина нальёт. А потом помолится — дух святой и сойдёт в чашу. И станет просвирка телом божьим, а вино станет его кровью.

— Значит, ты, бабушка, будешь его тело есть и кровь пить? — со страхом спросил Антон.

— Тьфу, греховодники! — рассердилась бабушка и встала.— В такие дни в грехи вводят! Давай пол мыть,— обратилась она к Зине,— а то ещё мне пасху делать надо, кулич ставить. Ох, женился бы, что ли, отец, молодая-то хозяйка всё сделала бы, а мне-то уже трудно!..

Зина побледнела. Отец женился бы! Как это отец женился бы?.. Молодая хозяйка...

— Ну, что ж ты стала? — сказала бабушка. — Бери тряпку. Вдвоём-то поскорее управимся.

К приходу отца в квартире было всё чисто, всё блестело. Наступил вечер, а у Зины из головы не выходили бабушкины слова. Она ждала того часа, когда уляжется бабушка, она непременно должна была узнать у отца: может, он и правда думает жениться? Зина страдала от этой мысли, она не могла себе представить чужую женщину вместо своей милой мамочки.

По её задумчивости, по тревожному блеску её глаз отец видел, что Зине о чём-то надо поговорить с ним. И он не ложился, а сел за учебники и ждал, когда все улягутся, а они сядут с дочкой на диван, как садилась с ней когда-то мама, и поговорят по душам.

Зина была благодарна отцу, что он вот так, без слов, понимает её.

Бабушка обметала потолок.

— Папа, — начала она сразу, — ты женишься?

Отец в изумлении откинулся на спинку дивана.

— Значит, нет ещё?

— Конечно, нет,— пожал плечами отец.— Откуда это?

— Бабушка сказала, что ей трудно... что молодая хозяйка нужна... Всё делать...

Отец улыбнулся:

— Эх ты! Да что ж я — какой-нибудь царский единоличник, жену в хозяйство для работы брать? Это так раньше бывало: мужик жену в дом приводил: печку топить некому. И лошадь так же покупал: пахать не на ком. Значит, ты думаешь, что и я от того мужика недалеко ушёл? А?

Отец засмеялся. Зина засмеялась тоже, у неё отлегло от сердца.

— Может быть, когда-нибудь и женюсь. Чего не бывает! — помолчав, задумчиво сказал отец.— Если встретится хороший человек... Если она моих ребят будет любить. И если мы все друг друга будем любить... Как ты на это смотришь?

— И если она мамочку нашу будет любить...— вздохнув, добавила Зина.

— О, уж это-то обязательно,— подтвердил отец,— но это, может, будет... А может, и не будет никогда. Вот ты, дочка, вырастешь и узнаешь тогда, что человек человека по заказу не выбирает, а что скажет сердце, то и будет. А сердца-то наши, сама знаешь... ничего прежнего... ещё не забыли...

Голос у отца прервался. Он встал и начал ходить по комнате от окна к двери, от двери к окну.

«Опять папку расстроила! — укладываясь спать, сердито пеняла Зина самой себе.— Ничего потерпеть одна не можешь, скорей уж отца расстраивать!»

Но всё-таки то, что сказал отец, её глубоко успокоило.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЗИНОЙ

Утром Зина слышала, как бабушка, вставая, охала и кряхтела:

— Ох, ох, батюшки, кровные... Как поясницу-то разломило!

— А не надо бы вчера тут целую баню устраивать,— сказал отец.— Замучилась вчера — вот и болеешь! Чего ради?

— Как «чего ради»? Ты-то ещё, греховодник! Завтра пасха, а он — «чего ради»! Ох, ох, пойти тесто посмотреть, подходит ли?

В школе тоже кое-где бродили разговоры о завтрашнем празднике христианской церкви.

— Девочки, а у Белокуровых пасху справляют! — сообщила курносая, вечно оживлённая, вечно всё знающая Аня Веткина.— Отец — коммунист, а они пасху справляют!

Тамара услышала.

— Ничего подобного! Мы ничего не справляем,— возразила она, пожимая плечом.— Просто мама велела сделать пасху и кулич испечь. Что ж такого? Просто вкусные вещи. Отчего ж не поесть, если вкусно? Вот ещё! Мы же их в церковь не понесём!

— А правда, девочки, что ж такого? — улыбаясь, сказала Шура Зыбина.— Если бы у нас мама сделала, я бы тоже поела! Творог сладкий с изюмом, ещё с чем-то... Ну, вкусно до чего!

— А что, сладкий творог можно только именно в этот день есть? — горячо вмешалась в разговор принципиальная Сима Агатова.— А в другие дни нельзя? Вон у нас в молочной очень часто бывает сладкий творог с изюмом — купи да ешь!

— Ну, уж в этот день...— как-то осторожно, поджимаясь, промямлила Ляля Капустина, последнее время так и ходившая по следам Тамары.— В этот день... как все...

— Как все? — вспылила Сима.— Кто это все?

— Ну... народ. — Ляля взглянула на Тамару.— Подумаешь, какое дело!..

— Народ! — вмешалась Маша Репкина.— Народ уже давно никаким богам праздники не справляет. Эх вы, а ещё пионерки!

Маша круто отвернулась от них, взяла под руку Симу, а другой рукой — Зину, которая молча стояла тут же, и они все трое пошли по широкому голубому коридору. В конце коридора сияло огромное, переполненное солнцем окно.

— Пионерки тоже! — повторила Маша.— Им всё равно, лишь бы вкусно. Они, если хочешь, и в церковь пойдут!

— Это нечестно, то, что они говорят,— возмущённо сказала Сима.— Пионерки не должны так думать и так говорить! Зина, почему ты молчишь?

— Я думаю,— негромко сказала Зина,— а что может Тамара сделать... если её мама захотела кулич испечь? Ведь она у Тамары не спросилась же!

— Ну и правильно! Ну и, конечно, не спросилась. Ну, а у Тамары, у пионерки, должно быть своё отношение к этому? Должно! А у неё нету. Ей лишь бы послаще чего, самое главное! Её это и не волнует даже. По-твоему, это по-пионерски?

— Нет! — согласилась Зина. — Конечно, не по-пионерски!

Зина сказала и тут же проверила себя: а она разве бабушкину куличу не радуется? И, к успокоению своему, почувствовала: нет, не радуется. Бабушка своими церковными разговорами так замучила её и так устала она, Зина, бояться, что все эти церковные обрядности заинтересуют и увлекут ребят, что они вдруг вместе с бабушкой начнут веровать в бога и молиться. Зина так устала от этого, что и кулич и пасха казались ей чем-то враждебным, как опасная приманка в западне. Нет, Зина ничему этому не радовалась!

Они шли по коридору, а Тамара и Ляля глядели им вслед, внутренне смущённые. Но смущения своего они даже и друг другу показать не хотели.

— Подумаешь! — сказала Тамара. — Уж очень умные, чересчур!

— Подумаешь! — повторила и Ляля, не зная, что бы такое сказать ещё, но ничего не придумала и опять повторила: — Подумаешь!

Зина была согласна и с Симой и с Машей. Пионер должен быть принципиальным всегда и во всём. Но она не знала, какое испытание ждёт сегодня её самоё.

Дома по всей квартире плавал запах сдоб-

ного теста. В комнатах было празднично прибрано, стол накрыт самой лучшей скатертью с жёлтой каймой: эту скатерть мама стелила только на Новый год, на Первое мая и на Октябрьскую. В спальне перед бабушкиной иконой горела маленькая зелёная лампадка.

Бабушка лежала на диване.

— Пришла? — окликнула она Зину. — Ох, ох... Вот и хорошо! Придётся тебе, Зина, мне услужить сегодня... Прямо не разогнусь после вчерашней-то уборки. Не знаю, как сегодня заутреню выстою...

— А может, тебе бы не ходить сегодня в церковь, бабушка? — сказала Зина.

— Что ты! Да нешто можно! — Бабушка села на диван и опять охнула. — Ведь такой праздник!

— А что надо сделать-то? — спросила Зина, прикидывая в уме, что такое понадобилось бабушке.

— Сходи, матушка, в церковь, освяти куличик, — ласково сказала бабушка. — Ох... сама никак не могу!

Зина повернулась к бабушке и уставилась на неё изумлёнными глазами:

— Что?!

— Ну, что-что! — со скрытой досадой сказала бабушка. — Как будто и невесть что говорю! Сходи, говорю, в церковь, тут недалечко, не на край света посылаю, да освяти кулич — вот и всё, и ничего больше! Кабы я сама могла, разве бы я просила?

— Я не умею куличи святить, — бледная от возмущения, ответила Зина и отошла к своему столу. Ещё этого не хватало, чтобы Зина, пионерка, пошла в церковь кулич святить!

Но бабушка не собиралась уступить Зине.

— А и уметь-то нечего! — возразила она непреклонным голосом. — Вот завяжу тебе в платочек, да и отнесёшь. А там уж что люди, то и ты. Поставишь, куда надо. Покажут! Батюшка придёт, побрызгает святой водой — и всё. Возьмёшь и обратно принесёшь.

— Бабушка, я пионерка, я не могу ходить в церковь! — сказала Зина, как могла спокойнее. — Я не могу. Это нечестно!

— Эх, выдумки какие! — Бабушка начала понемногу давать волю своему раздражению. — Нечестно своей бабушке услужить! Бабушка-то вон не посчиталась, дом свой бросила да к вам приехала... А вот заболела — и конец. Оставайся без праздника!

— Бабушка, пусть Анна Кузьминична снесёт!

— Снесёт она, как же, греховодница такая! — бабушка махнула рукой. — «Давай, — говорит, — я твой кулич из-под крана попрыскаю, а поп-то, — говорит, — нешто не такой же водой прыскает!» Всё ведь на смех — вот в Москве народ-то какой! Ну, что ж поделать, видно, без праздничка оставаться... Да, видно, пора и монатки свои собирать, да и отправляться опять из земли халдейской в землю ханаанскую... Домой, восвояси. Там хоть соседи вокруг меня, а тут? Вот и в родной семье, а одним-то одна, некому кулича освятить!

Зина молчала. Слушала. Так и решила отмолчаться. Но угроза бабушки о том, что она уедет восвояси, испугала её.

— А папа? — живо сказала она. — Папа тебя не пустит.

Бабушка тотчас поняла, в какую точку надо бить.

— Ну, уж нет! — покачала она головой. — Никто меня не удержит. Отцу твоему, конечно, приятности мало. Нешто хорошо? Родную мать из дома выжили! Вот каких деток воспитал! Ну, а мне что? Мне и дома на печи не дует. Только молча я не уеду. Всё отцу выложу. Один-то раз, единственный, бабушка попросила — и нá тебе, сделать не хочет!

Зина нахмурилась, опустила голову и угрюмо смотрела, как мимо стекла падает капель. Опять отца расстраивать, опять неприятности ему... А мама сказала: «Береги отца!» Так-то она бережёт его?

А вдруг бабушка и в самом деле соберётся да уедет... И опять Зина закрутится с хозяйством, и опять съедет на тройки, а ребята снова когда пообедают, а когда так кое-что поедят... Всё-таки с бабушкой в доме порядок. И ребятам лучше.

И, как всегда, когда у человека ослабевает воля и когда он устал от сопротивления, начинают появляться откуда-то мелкие, компромиссные доводы, которые могут вывести из трудного положения.

«Может, сходить, освятить ей этот кулич? — подумала Зина. — Ну, что я, от этого сразу верующая стану, что ли? Ну, она верует, ей это нужно... А если бы она меня за лекарством посылала, я ведь пошла бы! Должна же я, правда, делать, если бабушка велит... Она же всё-таки моя бабушка. Я обязана...»

Но главная мысль, которая диктовала ей это, была та, что вот сходит она с куличом — и в доме всё будет тихо, и никто никуда не уедет, и отец не расстроится...

Бабушка раза два взглянула на Зину и достала из кармана своего фартука носовой платок.

— Ну, что ж! Значит, я без праздничка... — Бабушка приложила платок к глазам. — Значит, так и останусь...

— Бабушка, я пойду! — остановила её Зина. — Где твой кулич?

Бабушка всхлипнула ещё разок и сразу перестала плакать, как ребёнок, которому дали то, что он просил. Кулич уже был приготовлен — высокий, с тёмными глазками изюма и с белой сахарной поливой наверху. На этой поливе лежали две буквы из румяного теста: «Х.В.» — «Христос воскрес».

«Ну и зачем это всё надо ей, — с тоской думала Зина, принимая белый узелок с куличом, — если никакой Христос никогда и нигде не воскресал? Ведь она уж большая, старая даже, а как же она может этому верить?»

— А ты переулочком, — учила бабушка Зину. — Не ходи по улице-то... Переулочком, а потом проходным двором. Вот тебя и не увидит никто, уж коли тебе совестно с куличом идти.

Зина, не отвечая, оделась, засунула поглубже под пальто свой пионерский галстук и, взяв поудобней белый узелок, вышла из дома.

Зина шла по улице с опущенными глазами, и ей казалось, что все прохожие глядят на неё, качают головами, улыбаются насмешливо или осуждающе сдвигают брови. Сверкало солнце в лужах, чирикали воробьи, где-

Зина шла, ничего не видя и ничего не слыша, с опущенными глазами и крепко сжатым ртом.

то звонко лаяла собака, смеялись мальчишки, гукали автобусы, покрикивал на заводском дворе маленький паровозик... Весна, заполняя улицы, делала их шумными и весёлыми.

Зина, ничего не видя и ничего не слыша, с опущенными глазами и крепко сжатым ртом пробиралась к церкви. Ах, если бы сделаться ей маленькой-маленькой, такой, что прошла бы она по улицам и никто бы её не увидел! Иногда Зина поднимала голову и быстро оглядывалась вокруг, не идёт ли по улице кто из знакомых девочек, не следят ли за ней чьи-нибудь глаза.

В глухом переулке было тихо. Шли пожилые женщины, шли старушки с такими же белыми узелками в руках... Вот ещё и дяденька какой-то идёт, тоже с куличом.

Из-за крыш маленьких старинных домов наконец показались круглые купола притаившейся здесь церкви. Кресты ярко блестели на солнце: один повыше, другой пониже. На тот крест, что пониже, вдруг, взлетев, уселась пара шустрых воробьёв, прочирикала что-то и улетела снова...

Зина, успокоенная тем, что церковь уже близко и что ей, к счастью, никто по пути не встретился, проводила взглядом этих воробьёв и улыбнулась им. Но тут же будто кто толкнул её. Зина оглянулась и увидела Тамару Белокурову. Тамара шла откуда-то со своей матерью. Зина прибавила шагу, надеясь свернуть за угол, пока Тамара не увидела её. Тамара в этот момент обернулась в её сторону и приподняла руку в пёстрой рукавичке... Увидела? Нет?

«Нет, наверно, нет!»

Зина быстро, не оглядываясь, свернула в заросший деревьями двор церкви и скрылась в холодном полумраке её больших раскрытых дверей.

Тамара Белокурова и её мать возвращались с вокзала. Они провожали отца. Антонина Андроновна отпустила машину. После волнений сегодняшнего дня лучше было пройтись и подышать воздухом, тем более, что на улице солнечно и на тротуарах почти сухо, можно вполне пройти, не замочив и не испортив туфель.

У Антонины Андроновны были заплаканы глаза. Поплакать пришлось и утром, когда она увидела, что Николай Сергеевич всё-таки уезжает, несмотря на её сопротивление. И у поезда тоже поплакала: всётаки уезжает муж из дома. И хотя не в какие-то дальние страны, а всётаки уезжает же!

Но ссоры и объяснения кончились. Сначала Антонина Андроновна была уверена, что Николай Сергеевич никуда не поедет, если не поедет она. Но он решил ехать. Тогда Антонина Андроновна приготовилась к отпору: Николай Сергеевич, конечно, будет требовать, чтобы она поехала с ним. Смешной слепец! Он ничего не видит! Он не видит, что жена так перегнала его в своём культурном развитии, что она уже не может жить без ванны, без своей спальни, без хороших ателье, без парикмахерской, наконец! А ему, которого попрежнему так и тянет к каким-то слесарям да прокатчикам, а теперь ещё вот и к трактористам, ему, бедному, отсталому, ничего этого не нужно!

Антонина Андроновна приготовилась к отпору, но никакого отпора давать не пришлось. Николай Сергеевич даже и не подумал настаивать. Отказываешься? Не хочешь ехать? Ну, что ж, оставайся дома! Её глубоко задело это.

— Ты что же, просто убегаешь от меня? — сказала она.— Что всё это значит?

— Я иду работать туда, куда приказывает мне идти моя партийная совесть,— сдержанно, но настойчиво ответил Николай Сергеевич; он собирал свои вещи и укладывал их в чемодан.

— Так это, что же, ты, значит, разрушаешь советскую семью? Перестань возиться со своими рубашками и отвечай мне. Я серьёзно тебя спрашиваю.

И что же? Николай Сергеевич не смутил-

Мать вынула душистый платочек и начала плакать.

ся и ничего не стал отрицать. Он вдруг сказал:

— А у меня семья уже давно разрушена!

Антонина Андроновна ничего не поняла. Почему он так сказал? Но она пожала плечами и ответила:

— Глупости!

Ну, он и поехал. Ну, и хорошо, что московская квартира осталась нетронутой. Надо вот сменить коврик в столовой — не зайти ли ей сейчас по пути в Мосторг?

А Тамаре было по-настоящему и больно и грустно. Отец уехал. Он поехал куда-то в колхоз, в МТС, на «передний край», как он сказал ей однажды.

— Ты, значит, приедешь ко мне? — спросил он Тамару, уже стоя на площадке вагона. — Обещаешь?

— Обещаю! — крикнула Тамара.

И невольные слёзы нечаянно выкатились из её глаз.

Поезд тронулся. Мать вынула душистый платочек и начала плакать. Тамару раздражало это, она знала, что мать плачет потому, что так полагается, потому, что провожающие должны плакать, когда уезжает кто-нибудь близкий. Прищурив глаза от ветра, Тамара, не отрываясь, глядела вслед поезду, который всё уменьшался и уменьшался, убегая вдаль.

Тамару последнее время мучили противоречивые чувства. Словно два разных человека, совсем непохожих друг на друга, боролись и спорили в ней. То её тянуло к отцу — ей хотелось покрепче подружиться с ним, его слова заставляли её задумываться над собой, над своими поступками. Она чувствовала, что отец идёт по какому-то хорошему, настоящему пути в жизни, что он делает какое-то важное и нужное дело и счастлив этим и что счастье это у него какое-то хорошее, большое...

А бывало, что ей становилось трудно с отцом: и всё-то она не такая, и всё-то она не так делает... А что плохого, если ей хочется утром полежать в постели? И что такого, если Ирина ей почистит ботинки? Ирина обязана ей чистить ботинки, это и мама говорит!.. И вообще с мамой легче, для неё и тамарины пятёрки не обязательны, даже можно иногда и в школу не пойти, только скажи, что голова болит... А главное, что у мамы Тамара всегда права, а не правы учителя, которые ставят ей плохую отметку, и не правы подруги, если они не дружат с ней, и не прав отец, если требует, чтобы она сама чистила себе ботинки...

Но сейчас Тамара шла, растроганная разлукой с отцом, и не помнила ничего, что было трудного в отношениях с ним. Сейчас дома пустой кабинет с закрытой дверью. Эта дверь так и будет закрыта и сегодня, и завтра, и неизвестно ещё сколько дней...

В это время она увидела Зину Стрешневу, которая торопливо переходила через дорогу. Тамара заметила, что она несёт какой-то узелок, но сначала не поняла, что это такое...

— Люди куличи понесли святить, — сказала мать, будто немножко завидуя им.

И Тамара поняла: Зина несёт кулич в церковь. Она невольно подняла руки и всплеснула ими, слегка хлопнув пёстрыми рукавичками. И мгновенно всё её нежное и грустное настроение исчезло. Воспоминание о том, как вчера девочки так пренебрежительно отнеслись к ней за то, что она похвасталась своими куличом и пасхой, — это воспоминание словно опалило её.

«А! Вот как! — с торжествующей улыбкой подумала она. — У меня к куличам пионерского отношения нет! А у них есть, у них вот есть! Ага! Куличики в церковь носите?»

— Мама, мама, ты послушай! — нервно и горячо начала объяснять Тамара в ответ на недоумевающий взгляд матери. — Я вчера только сказала, какие у нас вкусные кулич и пасха, а уж они начали: «Не по-пионерски! Куличу и пасхе радуешься! А ещё пионерка!» А теперь гляди-ка, гляди, — Тамара засмеялась, — вон она! Кулич в церковь понесла! Вот это да! По-пионерски!

— Ну, вот ты и скажи об этом где надо! — сказала мать. — В следующий раз узнают, как над тобой смеяться!

— Конечно, скажу, — ответила Тамара. — А что, скрывать буду?! Уж я-то знаю! Я не только в нашем отряде скажу. Что наш отряд?

Я прямо старшей вожатой скажу. Вот они узнают завтра, как настоящие пионеры поступают!

ЗИНУ СУДЯТ ТОВАРИЩИ

Это было в субботу. А в понедельник Зина пришла в школу и сразу поняла, что уже весь класс знает о том, что она ходила в церковь. Девочки шушукались у неё за спиной, переглядывались, умолкали, когда она к ним подходила.

— Все говорят, что ты с куличом в церковь ходила...— шепнула ей Фатьма на первом же уроке.— Вот что выдумали!

— Они не выдумали,— ответила Зина.

Фатьма, слегка отодвинувшись, посмотрела на неё:

— Ты ходила в церковь?

— Да.

Иван Прокофьевич прервал объяснение задачи и покосился из-под очков в их сторону:

— Если некоторые думают, что я объясняю задачу для собственного удовольствия, то они ошибаются.

Зина сидела молча, с неподвижным лицом. Казалось, она внимательно слушает задачу и думает только о том, как бы понять лучше и запомнить объяснения учителя.

Но Зина думала совсем о другом. Она вся замирала от мысли, что уронила своё пионерское достоинство и что теперь уже ничего поправить нельзя. Сегодня или завтра — всё равно когда! — её вызовут на совет отряда. И будут спрашивать, и будут стыдить её, и будут удивляться, как могла она так поступить. И вся школа будет знать об этом... Уже знает, наверно. И Елена Петровна... Ах, если бы она пришла тогда к ним домой! А ведь она обещала...

И только одна Фатьма понимала, что́ переживает подруга, и её горячие тёмные глаза всё время наливались слезами.

— Я знаю,— шепнула она, когда Иван Прокофьевич отошёл к доске,— это всё твоя бабушка.

Зина не отвечала.

Фатьма не могла дождаться перемены. И как только зазвонил звонок и Иван Прокофьевич вышел из класса, Фатьма набросилась на Зину:

— Почему я не знала ничего? Почему мне не сказала? Ну, почему это, а?

— А зачем тебе говорить? — возразила Зина.— Я нарочно не сказала. Пусть я одна буду виновата...

Они вышли из класса вместе. Фатьма крепко держала её за руку. Тут же к ним подбежала Шура Зыбина:

— Зина, правда, что ты в церковь кулич носила?

— А кто это сказал? — сердито вступилась Фатьма.

— Ну, я так и знала! — У Шуры просветлело лицо.— Конечно, наболтал кто-то.

— Не наболтал кто-то, а Тамара сама видела! — К ним подошла Сима Агатова, хмурая, будто обиженная.— Зина, что ж ты молчишь? Если неправда, так... Я тогда Белокуровой за клевету...

— Я правда ходила в церковь,— сказала Зина.

Сима сразу умолкла, а Шура испуганно охнула.

— Девочки, её бабушка заставила! — горячо заговорила Фатьма.— А если бы у вас была такая бабушка? Вот заставила бы — и тоже пошли бы!

— Никогда бы меня никто не заставил! — гордо возразила Сима.— Никогда и никто!

Незаметно подошла Маша Репкина. Она стояла и слушала. А потом сказала, как всегда, отчётливо и твёрдо:

— Надо обсудить на звене.

— Нет, не на звене,— Сима отрицательно покачала головой,— на совете отряда надо.

— Да что вы, девочки! — вскипела Фатьма.— Прямо уж суд какой-то хотите!.. А если бабушка велит?

— Мало ли кто что велит! — возразила Маша.— Мы должны прежде всего думать, что нам красный галстук велит!

— Девочки, жалко...— заступилась за Зину Шура.— Обсудим на звене — и хватит!

— Нет, не хватит! — ответила Сима.— Стрешнева — член совета отряда, актив... Нет!

Перемена кончилась, разговоры прервались. Сима с упрёком сказала Зине:

— Эх ты! А я тебе больше всех верила!

И отошла, будто Зина очень обидела её лично.

С каждым уроком, с каждой переменой, с каждым часом Зина чувствовала, как вокруг неё нарастает тревожное и тягостное внимание. Она ловила любопытные взгляды, отрывки разговоров:

— А что будет?

— Наверно, на совет отряда...

— А говорят, Ирина Леонидовна хочет прямо перед всей дружиной галстук снять...

Зина, услышав это, машинально схватилась за концы своего галстука. Но тут же и разжала руку. А может, они правы... Может, с неё и правда надо галстук снять...

Она ждала, что её вызовет к себе Вера Ивановна, и готовилась всё рассказать ей и всё объяснить. Но Вера Ивановна была занята на уроках в других классах. И лишь встретив Зину в коридоре на одной из перемен, сказала:

— Нехорошо, нехорошо ведёшь себя, Стрешнева!

— Вера Ивановна, я...— начала было Зина.

Но Вера Ивановна не стала слушать. Она спешила в учительскую, потому что не успела подготовиться к следующему уроку и потому что считала лишним выслушивать всякие объяснения и оправдания: провинившиеся всегда оправдываются!

Девочки то одна, то другая подходили к Зине — кто с любопытством, кто с сочувствием, кто с осуждением... Лишь Тамара Белокурова держалась в стороне. Она словно не видела Зину. А Зина смотрела на неё издали и всё как будто старалась понять: что же это за человек — Тамара Белокурова, с которой они обещались дружить на всю жизнь?

«Она видела меня, она должна была сообщить,— думала Зина.— Да, должна! Нет! Она настоящая пионерка!»

Так говорила себе Зина, но сердце её по-

чему-то не принимало этих слов. Всё правильно, и что-то не то! И что-то не так!

«Ну, если она настоящая пионерка,— Зина продолжала спор с самой собой,— то подойди к ней и скажи ей какое-нибудь хорошее слово: ведь она же поступила правильно!»

Но сердце её тут яростно протестовало:

«Нет! Я не могу подойти к ней! Я не могу сказать ей хорошего слова! Она сто раз права, а я не могу! И не хочу! И не буду!»

К концу дня Зина так устала от всех этих переживаний, что на последнем уроке сидела, ничего не понимая. Ботаника — любимый предмет. На какие-то несколько минут раскинулась круглая голубая полянка с бело-розовым бордюром вербены и островками зелёных кустов... Но тут на её парту упала туго сложенная записочка: «Тамара бегала к вожатой, чтобы тебя вызвали на дружину. Я буду за тебя заступаться. Шура».

Зине стало тяжко и душно, как перед грозой. Перед всей дружиной! Что делать? Может, взять вот сейчас, да и убежать из школы?!

Ирина Леонидовна, в то время как шёл урок, сидела одна в пионерской комнате. Брови её были озабоченно сдвинуты.

«Надо будет организовать это как следует,— думала она, записывая план будущего совета дружины.— Стрешневу можно будет поставить первым вопросом. Нет, лучше последним, а то, пожалуй, из-за неё сорвётся весь план».

Ирина Леонидовна ни за что не созналась бы даже себе самой, что она чуть-чуть рада тому, что произошло с Зиной. Не потому, что ей не нравилась Зина и что она хотела ей зла, но потому, что этот случай даёт ей возможность показать свою высокую принципиальность, показать свою активность как старшей вожатой, которая строго следит за воспитанием своих пионеров. Можно будет и о Тамаре Белокуровой сказать: так вот, принципиально должен поступать пионер. Это будет наука и другим, которые вздумают тайком сбегать в церковь. Можно также поговорить и о лицемерии, когда на словах говорится одно, а на деле делается другое, и привести в пример Зину... Вообще этот совет дружины можно сделать очень содержательным и интересным!..

Неожиданно в пионерскую комнату вошла Мария Васильевна. Ирина Леонидовна вскочила:

— Как хорошо! А я только сейчас хотела рассказать вам, что я решила сделать!

— Вот и я, голубчик, услышала, что вы тут что-то решили. Может, вы сразу мне и расскажете? — ответила Мария Васильевна, грузно усаживаясь за узкий, покрытый кумачом стол.

Ирина Леонидовна начала рассказывать о том, что будет у неё на совете дружины, который она соберёт завтра или послезавтра. Свежие, гладкие, как яичко, щёки порозовели — с таким увлечением она рассказывала!

Мария Васильевна слушала, опустив глаза. И вот когда Ирина Леонидовна, закончив свою речь, подняла от своей записки взгляд, то увидела, что Мария Васильевна стара и больна, что лицо у неё жёлтое, что губы сложены устало и печально. Но всё это пропало, как только Мария Васильевна подняла свои лучистые глаза.

— Дружок мой, всё это очень интересно,— сказала она, глядя куда-то прямо в душу молодой вожатой.— Только мне кажется, что об одном-то вы забыли.

— О чём? — Ирина Леонидовна живо приготовилась записать то, что скажет Мария Васильевна.

— О человеке. О Зине Стрешневой,— сказала Мария Васильевна.— О ней-то вы, дитя моё, совсем не подумали!

— А ей будет наука, Мария Васильевна! — возразила вожатая.— Надо же воспитывать!

— Да, надо. Конечно. Но вот, знаете, одно деревцо гнётся, а другое ломается. Боюсь, что это деревцо вы как раз сломаете.

Ирина Леонидовна растерялась и огорчилась.

— Но это и другим было бы полезно...

— Другим полезно! — Мария Васильевна покачала головой.— Но разве для пользы тех, других, необходимо быть беспощадным к этим? Значит, вы решили сделать Стрешневу подопытным кроликом, которого кладут под нож? Что она переживёт, неважно? А она получит глубокую травму. Уверяю вас.

Ирина Леонидовна нервно постукивала карандашом, думала и хмурилась.

— Подумайте, подумайте об этом хорошенько, дитя моё,— сказала, вставая, Мария Васильевна.— За эти два дня можно многое передумать и перерешить...

Но думать два дня Ирине Леонидовне не пришлось. Прозвенел последний звонок, и почти тут же, не успела Мария Васильевна ещё и уйти, в коридоре послышался топот бегущих ног, и в дверь торопливо застучали. Ирина Леонидовна крикнула:

— Войдите!

И в комнату не вошли, а ворвались девочки из шестого — маленькая Катя Цветкова и курносая, красная от возмущения Аня Веткина:

— Ой, ой! Ирина Леонидовна!..

Увидев Марию Васильевну, девочки осеклись, замолкли.

— Что случилось, дети? — спросила Мария Васильевна.

— Ой! Там у нас Фатьма Рахимова Тамару отколотила! — сообщила Аня.

— Ага! Тамару отколотила! — подтвердила и Катя.

Ирина Леонидовна вскочила:

— Я иду! Девочки, бегите вперёд! Пусть весь отряд останется, погодите расходиться!..

Каблучки Ирины Леонидовны мелко застучали по коридору. Она бы и сама побежала бегом, но для старшей вожатой это было несолидно.

А Мария Васильевна заторопилась в учительскую. Она подошла к Елене Петровне, которая, собираясь уходить, надевала перед зеркалом свою мягкую серую шляпу, и сказала негромко:

— Зайдите, дружок, в шестой класс. Кажется мне, что ваше присутствие там сейчас необходимо.

Елена Петровна тревожно взглянула на неё и, ни о чём не расспрашивая, сняла шляпу и поспешно вышла из учительской.

Отряд не пришлось собирать, все собра-

лись сами. Ушли только трое: одна — потому что ей надо было к зубному врачу, другая — потому что не была пионеркой, третья — потому что тоже не была пионеркой и кроме того потихоньку носила на шее крестик, который повесила мать.

Зина сидела бледная, тревожная. Она оглядывалась то на одну, то на другую свою подругу и чем-то очень напоминала птицу, только что пойманную и посаженную в клетку. Милые, почти родные лица подруг казались ей чужими. Она не знала, что они сейчас думают и что будут говорить о ней. Она знала только, что думает и что будет говорить Фатьма. Но Фатьма и сама сейчас очень провинилась, она обругала Тамару «крысой» и два раза ударила по спине, да так крепко ударила, что Тамара отлетела к доске и чуть не опрокинула доску. Фатьма сидела красная, злая, как петух, который только что подрался и готов подраться опять, если его затронут.

У Тамары был вид человека очень оскорблённого. На ресницах блестели слёзы, но их было так мало, что Тамара не спешила их вытирать: пусть же все видят, как её обидели!

Девочки волновались, переговаривались. Вожатой отряда Оле Парфёновой с трудом удалось их призвать к порядку. И несмотря на то, что сбор уже начался, и на то, что Вера Ивановна сидела тут же и холодно поглядывала на нарушителей тишины, всё-таки то в одном, то в другом углу вспыхивали шёпоты и споры.

К столу вышла Маша Репкина. Зина тотчас устремила на неё глаза, будто сейчас вся её жизнь зависела от того, что скажет Маша Репкина.

— Фатьма говорит, что Зина пошла в церковь потому, что ей бабушка велела,— сказала Маша.— Но Зина всё равно не должна была ходить. Я предлагаю её вывести из совета отряда.

Потом встала Сима Агатова, и Зина так же внимательно, не дрогнув ресницами, стала глядеть на неё, как только что глядела на Машу, будто хотела понять и не могла понять, как это так случилось, что её близкие подруги стали сегодня её судьями.

— Нет, товарищи! — В голосе Симы слышались и горечь и обида.— Вывести из совета отряда мало! Что вывести надо, то тут даже и спорить нечего. Пионер, который ведёт себя в жизни не так, как полагается настоящему пионеру, не достоин носить такое почётное звание! Но я считаю, что надо серьёзно отнестись к этому. Стрешнева опорочила звание пионера. Что она делает, когда идёт в церковь? Она поддерживает церковь, поддерживает суеверия, поддерживает то, против чего мы боремся. Так почему же она должна носить звание пионера, почему она должна носить на груди красный галстук, частицу великого знамени нашей Коммунистической партии?

Общий вздох прошёл по классу. Девочки снова заспорили, зашумели. К столу подошла Шура Зыбина.

— Девочки, это неправильно! — взволнованно заговорила она. — Зина — хорошая ученица... Хорошая пионерка!..

— Вот так хорошая пионерка — в церковь ходит! — крикнула с места Ляля Капустина.

— А вот и да! А вот и всё-таки хорошая пионерка! — повторила Шура Зыбина, и девочки в первый раз увидели, как всегда спокойные и ясные глаза её вдруг сердито засверкали.— А вы... а вам... лишь бы на зло!.. Нечего придираться, а вы придираетесь!..

Шура не могла больше говорить, слёзы подступили к её горлу, и речь получилась отрывистой и неубедительной.

У дверей на краешке парты тихо сидела Елена Петровна. Никто не слышал, как и когда она вошла. Она сидела, склонив свою каштановую с золотым отблеском голову, и слушала. Выслушав Шуру, она незаметно улыбнулась своим мыслям:

«Да. Это не бутон цветка, которому всё на свете хорошо». — Но тут же и нахмурилась.

У стола уже стояла Тамара.

— Товарищи,— начала она слабым голосом, каким и подобает говорить человеку, избитому и оскорблённому,— товарищи, что это у нас за отряд? Ты поступаешь принципиально: видишь, что пионерка нарушает... просто позорит отряд — идёт в церковь с куличом, и ты приходишь и говоришь кому следует, а тебя за это бьют!.. Да ещё крысой обзывают!

— Конечно, крыса! — вдруг крикнула Фатьма.

На Фатьму зашикали. Ирина Леонидовна, сидевшая за столом, укоризненно покачала головой.

— А за это... — голос Тамары сразу окреп. — Я считаю — перед лицом всего класса говорю это — надо исключить из отряда Стрешневу и Рахимову. Нам таких пионерок не надо!

Девочки зашумели. Кто-то кричал: «Это тебя надо исключить!» Кто-то требовал слова, кто-то объяснял, что тогда надо половину отряда исключить, потому что многие ели и куличи и пасхи, а значит, тоже справляли христианский праздник.

— Дайте мне слово,— попросила Катя Цветкова.— Зачем же сразу исключать? По-моему, неправильно!..

— Неправильно! Неправильно! — послышались отдельные голоса.

— Товарищи, давайте проголосуем,— предложила Ирина Леонидовна.— Только давайте будем высоко принципиальными. Иногда дружеская привязанность мешает нам отнестись к решению объективно и принципиально. У нас в отряде юных пионеров этого не должно быть. Ставлю на голосование: оставить Стрешневу в пионерском отряде или исключить? Кто за то, чтобы исключить, прошу поднять руку.

Класс замер. Девочки переглядывались друг с другом, ошеломлённые тем, как повернулось дело. Тамара подняла руку. Зина, увидев, как поднялась её рука в белом кружевном нарукавничке, встала и вышла к столу. Она решила, что всё кончено. Если бы она оглянулась на класс, она бы увидела, что поднялось всего три или четыре руки. Но она не оглянулась. Почти никого не видя, она подошла к столу, машинально развязала свой галстук, сняла его и положила на стол. И, глядя прямо перед собой пустыми глазами, она повернулась и пошла из класса.

— Товарищи, что вы делаете?!

Голос Елены Петровны, гневный и негодующий, прозвучал в полной тишине. Елена Петровна встала и вышла на середину класса.

— Зина, вернись! — сказала она. — Тебе уходить рано. Ещё не все высказались.

Зина нерешительно остановилась и, не зная, что ей делать, отошла в сторонку, к доске.

Ирина Леонидовна растерялась. Она только стучала карандашом по столу, но что дальше делать, не знала. Таких неожиданных случаев в её жизни ещё не было.

Но тут вдруг заговорила Вера Ивановна.

— Елена Петровна, позвольте напомнить, что руководительницей шестого класса являюсь я, — сказала она, поднимая брови.

— Я помню об этом, — еле сдерживаясь, ответила Елена Петровна, — и удивляюсь, почему же вы, руководительница, молчите!

— Так вы бы хоть попросили слова... Нельзя же так анархически. Как хотите, — Вера Ивановна пожала плечами, — но это не сбор. Это базар какой-то.

— Хорошо, — согласилась Елена Петровна. Она понимала, что учителям ссориться при ученицах нехорошо, и, обернувшись к Ирине Леонидовне, попросила: — Дайте мне слово.

Елена Петровна подошла к столу и встала рядом с Ириной Леонидовной и Олей Парфёновой, которая во время этого бурного сбора совсем стушевалась.

— Что вы делаете, товарищи? — начала Елена Петровна. — Что вы делаете? Я много лет знаю Зину Стрешневу, я знаю её с первого класса, она пришла ко мне вот такой крошкой... И на протяжении всех школьных лет я видела, как растёт этот человек, как он ведёт себя в жизни, так же, как видела всех вас. Я была с вами, и с ней тоже, в те дни, когда вы готовились вступать в пионерский отряд. И в тот день я была с вами, когда вы давали своё торжественное обещание. И я и вы — мы все знаем нашу Зину Стрешневу. И теперь я вас спрашиваю: была Зина плохим товарищем?

— Нет! Не была! — вразнобой ответил отряд. — Она хороший товарищ. Она всегда заниматься помогала, кто отставал!

— И была ли она плохой пионеркой? Может, она несерьёзно, или нечестно, или пренебрежительно относилась к своим пионерским обязанностям, к поручениям, которые давал ей отряд? Оля Парфёнова, ответь ты на это! Ты вожатая отряда.

Оля Парфёнова встала:

— Зина всегда выполняла поручения... И никогда не спорила. Всегда хорошо выполняла.

— Так была ли она плохой пионеркой? Может, она обманывала учителей?

При этих словах Тамара Белокурова покраснела и опустила глаза.

— Может, она бросала друга в беде? Может, она когда-нибудь лицемерила?

— Нет! Нет! Нет! — кричали девочки в ответ на слова Елены Петровны. — Она мне помогала, когда я была больная! И мне тоже! Она никогда не обманывала!..

— А вот теперь я и хотела спросить Симу Агатову, нашу умную и честную Симу: как же ты, Сима, председатель совета отряда, так легко, так не задумываясь, предложила исключить из отряда хорошую пионерку только за то, что она ошиблась?

— Я думала... — хмуро ответила Сима, — я весь день думала... И я думала, раз не по-пионерски поступает, то зачем же ей быть в отряде? И... — губы у Симы дрогнули, — я... мне было очень обидно... Я ей больше всех верила... А она!..

Сима замолчала.

— Конечно, это обидно, — согласилась Елена Петровна, — только надо помнить, и крепко держать себя, и смотреть, чтобы личная твоя обида не решала судьбы товарища. А ты, Сима, это проглядела. Ну, это ничего. Ты хоть и очень ошиблась, всё-таки останешься лучшим товарищем Зине. Это я знаю. Но вот хотелось бы мне поговорить сейчас о другой девочке...

Все обернулись и поглядели на Фатьму.

— Хотелось бы мне поговорить о Тамаре Белокуровой.

Тогда все глаза обратились на Тамару. Вера Ивановна удивлённо пожала плечами и поджала и без того тонкие губы.

— Вот ты, Тамара, — Елена Петровна стояла прямо перед Тамарой и глядела ей в лицо. Тамара хотела бы отвернуться, но было некуда, и она принялась внимательно разглядывать царапинку на парте. — Вот ты, Тамара, увидела Зину с куличом. А почему же ты не побежала за ней, не остановила её, не поговорила с ней? Почему же тебе так нужно было, чтобы об этом непременно узнала вся школа? Разве не довольно было бы поговорить со своим вожатым отряда? Но нет, тебе непременно нужно было прежде всего бежать к старшей вожатой, устраивать вот такое судилище! Поступают так настоящие друзья? Нет, не поступают! И вот я знаю, что ты обещала Зине дружбу на всю жизнь, ты обещала не покидать друга в беде. А когда у Зины случилась беда, где ты была в это время? Почему тебя не было с нею в те дни, когда твоему другу была необходима твоя помощь? Так поступают настоящие друзья? Нет! Не поступают! И не так давно слышала я такую речь. Ты, Тамара, держала конец своего пионерского галстука и говорила: «Если я окажусь плохим другом — снимите с меня его!» Так вот должна тебе сказать, Тамара, что ты оказалась плохим другом. И если придавать значение твоим громким словам, то надо бы сейчас этот галстук с тебя снять!

Сдержанный гул прошёл по классу.

Тамара сидела красная, не поднимая головы. Ей уже казалось, что к ней сейчас подойдут и снимут галстук. Однако её испугало не то, как это она вдруг останется вне пионерского отряда. Это ей сейчас пока в голову не приходило. Она боялась, как это на глазах всех с неё снимут галстук и все будут глядеть, шептаться, может быть, насмешничать...

Но никто не подходил к Тамаре и не снимал с неё галстука. И как только внимание было отвлечено от неё, она, искоса поглядывая по сторонам, снова подняла голову и, спокойная, только чуть румянее, чем всегда, сидела так, будто ничего особенного не произошло и ничего плохого о ней не было ска-

зано. Зина, которая понемножку пришла в себя, поглядела на неё в эту минуту и была поражена: Тамара сейчас, как две капли воды, была похожа на свою мать — та же осанка, тот же уверенный, чуть снисходительный взгляд, то же спокойствие.

Зина отвернулась. Видно, Зина всё-таки была плохой пионеркой. Хоть сто раз повтори ей, что пионеры должны дружить и крепко стоять друг за друга, с пионеркой Тамарой Белокуровой она больше дружить не могла.

— Я не хочу сказать, что Зина совсем не виновата,— горячо и гневно говорила между тем Елена Петровна.— Конечно, мы знаем, что Зина это сделала не потому, что она верует в бога, не потому, что действительно считала нужным нести в церковь кулич. Она сделала это потому, что так велела бабушка. Старших надо уважать. Старших надо слушаться. Это так. Но нельзя забывать и о том, что вы пионерки, что вы носите красный галстук на груди. Вступая в отряд, в чём вы торжественно обещались перед лицом своих товарищей? Верно служить делу нашей партии. Подумайте, какое высокое, какое большое обещание вы дали! Можете ли вы нарушать это обещание? Нет, не можете. Ни на один шаг вы не можете отступать от своих пионерских принципов. И если уж пришлось так, если старшие говорят противное этим принципам,— выбирать не приходится. Трудно противостоять иногда, но что ж делать! Надо противостоять. Павлику Морозову было нелегко идти против своего отца, но он не уступил, не сдался. Умер, но пионерской совести своей не запятнал.

Елена Петровна умолкла. Наступила тишина. Но никто этой тишины не прервал.

— Иногда кое-кто из пионеров считает: ну, а что из того, что я сбегаю в церковь? — снова начала Елена Петровна.— Я же не молиться. Я же в бога не верую. И не понимает такой пионер, что он уже против своих пионерских принципов чем-то поступился. Сегодня этим поступился — сбегал в церковь, завтра чем-нибудь другим поступился — обманул родителей или учителя, не пошёл в школу, потому что не хотелось приготовить урок... А послезавтра ещё какой-нибудь, как будто пустяк... А принципиальности-то пионерской уже и нет у человека. Сегодня он поступился в мелочах. Завтра поступится в серьёзном. Как же верить такому пионеру? Всё, что я говорю, относится и к тебе, Зина. И дело вовсе не в том, увидели тебя или не увидели. Каждый из нас сам себя должен видеть всегда и во всём. И никогда не поступать так, чтобы приходилось от других прятаться.

Зина поникла головой. В классе стояла тишина. Ирина Леонидовна что-то торопливо записывала в своей тетради. Вера Ивановна сидела с обиженной миной, поджав губы, казалось, что на её лице с большими глазами и крупным носом вовсе нет рта.

— А мы тоже хороши! — продолжала Елена Петровна.— Походили, походили к Зине да и забыли. А как там сложилась жизнь? Нам и узнать некогда было! И мне в том числе. Собиралась пойти к Зине и не сходила. Ну, что ж, бабушка дома, значит, всё хорошо. А вот оказалось, не всё хорошо. И вместо того, чтобы помочь, чтобы поддержать друга, когда он оступился, мы не нашли ничего лучшего, как устроить над ним судилище, да ещё и осудить! Зина! — Елена Петровна обернулась к Зине и протянула к ней руку, подзывая её: — Подойди сюда и надень галстук. Он твой. И мы не имеем права снимать его: мы не меньше виноваты, чем ты!

— Да, да! Надень его! — торопливо подтвердила Ирина Леонидовна, чтобы не оказалось, что она, вожатая, осталась в стороне.

Зина, поглядев Елене Петровне в глаза, подошла к столу, взяла свой галстук и снова надела его.

И вдруг весь отряд взбушевался. Девочки захлопали в ладоши, закричали.

— Зина, иди к нам! — кричали со всех сторон.— Иди к нам, садись! Иди к нам!

Зина, словно придя в себя, слабо улыбнулась. И неизвестно, откуда взявшись, отчётливо, будто сделанные из золота, зазвенели в её памяти строчки писателя Гайдара:

«...И в сорок рядов встали солдаты, защищая штыками тело барабанщика, который пошатнулся и упал на землю...»

Это она, пионерка Зина Стрешнева, пошатнулась и упала на землю. Но встали за неё товарищи в сорок рядов!..

И потеплевшими, посветлевшими глазами окинув девочек, которые всё ещё не могли уняться, она вернулась на своё место и села попрежнему рядом с Фатьмой, со своим верным другом.

— Вы даже не дали проголосовать! — стараясь скрыть своё возмущение, сказала Вера Ивановна.

— Но они же проголосовали,— чуть-чуть улыбнулась Елена Петровна.— Разве вы не слышали?

Вера Ивановна отвернулась и замолчала. Она решила поставить вопрос о дерзком поведении Елены Петровны на педсовете и потому больше уже не вмешивалась.

Ирина Леонидовна тоже не возражала. Может, она боялась, что, споря с Еленой Петровной, она попадёт в неловкое положение. А может, начинала понимать, что Елена Петровна права, и, руководя людьми, надо поглубже заглядывать в их души и прежде всего помнить, что каждый из них — живой человек, а не подопытный кролик, которого можно положить под нож...

КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК,— БЕРЕГИ ЕГО

Зина ничего не рассказала дома. И, может быть, отец долго не узнал бы, что с ней случилось, если бы не Антон. Он играл с Изюмкой в мячик, мячик укатился в спальню под зинину кровать. Антон полез под кровать и уронил перекинутое через спинку коричневое зинино платье. А когда поднял его и стал стряхивать, то увидел, что на рукаве вместо красной полоски только пустое тёмное пятно.

— Зина! Зина! — закричал Антон.— Поди-ка сюда, погляди, ты свою полоску потеряла!

Зина покраснела, вскочила, хотела бежать в спальню, но встретила вопросительный

взгляд отца и снова села. Строчки учебника слились перед её глазами.

А встревоженный Антон уже тащил её платье.

— Смотри, не видишь?! — кричал он.— Вот пришла бы завтра в школу, а полоски нету! Ты, наверно, зацепилась рукавом, а она и оторвалась! Видишь?

— Да, я знаю, знаю,— сказала Зина.

Она взяла платье из рук Антона и снова отнесла его в спальню. Антон удивлённо смотрел ей вслед. Если знает, то почему не пришьёт? Антону и в голову не могло придти, что Зина только что, утирая слёзы, собственными руками отпорола свою полоску.

Зина снова села за уроки. Антон с Изюмкой продолжали свою игру. Из кухни доносились отголоски мирного, весёлого разговора — это бабушка и Анна Кузьминична сидели там, пили чай, угощались куличом и вспоминали молодость.

Карандаш отца шуршал по бумаге. Отец готовился к докладу на производственном совещании. Зина глядела в учебник, но ничего не понимала. Она знала, что отец сейчас начнёт спрашивать. Но отец не спрашивал.

— Папа! — сказала Зина, чувствуя, что больше не может выдерживать этого молчания.— Меня вывели из совета отряда.

Отец вздохнул и поднял на неё усталые, грустные глаза.

— Я это понял,— ответил он.

И снова начал писать. Но, видно, и у него дело не ладилось. Он зачеркнул одну строчку, потом другую...

— А за что же... тебя вывели? Плохо работала? — И снова посмотрел на неё.

— Нет, не за это,— Зина отрицательно покачала головой.— За то, что я в церковь ходила...

— Ты — в церковь? — удивился отец; ему казалось, что он ослышался.— Как это — в церковь? Зачем?

— Бабушке... кулич святить...

Отец встал, резко отодвинул стул и, побледнев от гнева, молча направился в кухню.

Зина испугалась и замерла на своём стуле, она никогда ещё не видела его таким гневным и страшным. Ребятишки хохотали, швыряя друг в друга мячиком. Но вот, почуяв что-то неладное в доме, присмирели, поглядывая на Зину.

А в кухне мирная беседа была нарушена.

— Мать,— голос отца был резкий и твёрдый, какой-то совсем незнакомый голос,— пойдём-ка в комнату. Поговорить надо.

Отец, крупно шагая, вернулся в комнату. За ним, еле поспевая, вошла изумлённая и немного оробевшая бабушка.

— Слушай, мать, давай поговорим с тобой серьёзно и раз навсегда,— обратился к бабушке отец, когда оба уселись.— Говорю это при детях, пусть слышат.

— До чего дело-то касается, не пойму никак? — сказала бабушка. — Нешто опять не угодила?

— Дело касается вот чего,— отец старался говорить спокойно, но это трудно ему давалось. — Ты в бога веришь, ну и верь...

— А! Вон что! — перебила бабушка. — Теперь за бога взялись. Не запретишь!

— Веруй, пожалуйста, молись! — продолжал отец.— Твоё дело. Тебя уже не переубедишь. Но предупреждаю: детей не трогай! Я коммунист. И дети мои будут коммунистами, если будут того достойны. А я хочу, чтобы они были достойны. Вот посмотри на неё — видишь? — Отец кивком головы указал на Зину.— Человека уважали, была членом совета отряда! А из-за твоего кулича, пожалуйста, вывели! И правильно сделали, конечно. Не должна она была тебя слушаться.

— Вывели! — Бабушка всплеснула руками.— Ах, батюшки, кровные! Да кабы я знала... Да нешто стала бы посылать? А ведь я же ей говорила: иди переулочком, чтобы никто не видел!

— А если бы никто не видел,— сурово возразил отец,— так она сама была бы обязана сказать об этом на отряде. Тоже хорошего мало.

— Вывели! Ай, батюшки! — Бабушку больше всего встревожило то обстоятельство, что по её вине внучка лишена каких-то почестей и какого-то хорошего места в школе.— И ты ещё что говоришь: «сама сказала бы»! Да что ж она совсем глупая, что ли, самой-то про себя говорить! А что ж теперь, из школы-то не исключат? Была вроде начальником, а теперь вывели! Ай, кровные! Да кабы я знала!..

И отец и Зина, слушая бабушку, понимали, что сущность дела не доходит до неё.

Она испортила «судьбу» сироте — вот что её смущало и расстраивало.

— А дело-то, мать, хуже, чем ты думаешь,— сказал отец.— Ты её заставила изменить пионерской организации, своему пионерскому слову, своему торжественному обещанию. Какие слова она произносила, когда вступала в отряд? «Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...» Где же это её обещание? Чего стоит это обещание, если пионер с красным галстуком на шее идёт в церковь и всякие там обряды, суеверия совершает? Если отступил от своих, то куда перешёл? К противникам перешёл. Сегодня уступил по слабости — в церковь сходил. А завтра может снова по слабости уступить — предателем Родины стать?

— Папа, что ты! — прервала Зина и приподняла руку, словно защищаясь от удара.

— Да, да! — сурово продолжал отец.— А откуда же берутся предатели? Вот из таких людей они и берутся, которые не умеют твёрдыми быть, не умеют быть принципиальными. А какой же ты пионер, если при первом же испытании и сдалась?

— Я не хотела тебя расстраивать...— прошептала Зина.

— А что же, я у тебя только подопечный? Что же, я тебе помочь не смог бы? Ты, значит, и сильнее меня и умнее?

Зина поглядела в тёмные сверкающие глаза отца:

— Ой, что ты, папочка!

Отец встал, прошёлся по комнате и, подойдя к Зине, ласково погладил её понуренную голову.

— Нет, дочка, так не годится — всё на себя брать, — уже гораздо мягче сказал он. — Если друзья, так друзья: и радости пополам и горести пополам. А трудное дело в

жизни встретится — решать вместе. Авось, и я на что-нибудь тебе пригожусь!

Зина схватила отцовскую руку и молча прижала её к своей мокрой от слёз щеке.

— Весна идёт...— вдруг задумчиво сказала бабушка, взглянув на сосульку, повисшую за окном.— Скоро огороды сажать...

— Что это... вдруг? — чуть-чуть усмехнулся отец.

— А так,— уклончиво ответила бабушка,— землю готовить надо. А вы уж тут без меня.

Отец пожал плечами с плохо скрытой досадой.

— Я тебя, как говорится, не неволю,— сказал он.— Может, тебе у нас и не нравится, с ребятами трудно, к городу не привыкла... Гляди сама. Я бы рад тебя не отпустить: когда ты здесь, у меня за ребят душа спокойна. Но если тебе плохо... то...

— А что мне плохо? — прервала его бабушка.— Я не жалуюсь. Я просто так: поглядела на сосульку, весна вспомнилась... Огороды сажать...

— Да какие уже тебе огороды сажать, скоро семь десятков стукнет! — возразил отец.— Тебе посаженного хватит. Ну что ж ты опять одна там будешь? Подумай!

— А что, я не была одна? Как старик умер, так и одна, никому не нужная. Не привыкать.

— Ты права...— хмуро сказал отец.— Да... Забывал я тебя в жизни... Не забывал, конечно, а одну оставлял. Виноват в этом.— И сердечно, будто прося прощения, поглядел ей в глаза.— Ну, а теперь-то зачем тебе одной жить? Подумай!

— Да ведь подумаю. Конечно, подумаю. Да ведь если и останусь,— неизвестно, угожу ли... Детки-то у тебя не очень покорные.

— А ты не к деткам обращайся, а ко мне. С детками я сам договорюсь. Они у нас скоро вырастут, совсем умными станут. Правда, ребята?

Бабушка, польщённая тем, что она так нужна, считала, что можно ещё и помучить его немножко, не отвечала ни да, ни нет. Может, останется, а может, уедет. Кто ей запретит? Но сама-то она знала, что никуда она не уедет. Она уже обжилась в этой уютной, тёплой квартире, ей уже понравилось заправлять хозяйством и всей семьёй, она полюбила вечерние чаи с пирогами в обществе Анны Кузьминичны... А церковь, которая всего в двух кварталах! А праздники, когда можно пойти в гастроном да понабрать всего повкуснее! Андрюша, сынок, всегда был прост на деньги и сейчас не хитрее, никогда и не спросит, куда она их истратила! Только одно плохо: бога не признают.

В коридоре раздался робкий звонок. Антон бросился открывать. Несмело, словно в первый раз, в комнату вошла Фатьма. На лице у неё не было улыбки, а широко открытые глаза сегодня особенно напоминали цветы.

— Фатьма! — обрадовалась Зина и, взяв её за руку, ввела в комнату.

Фатьма с опаской взглянула на бабушку Устинью. Но отец, заметив этот взгляд, ласково сказал:

— Входи, входи, чего боишься! К чужим, что ли, пришла!

Девочки уселись в стороне и принялись было шептаться. Но отец никак не захотел сегодня оставаться в стороне.

— Шептунов на мороз! — сказал он.— Ты что же, Фатьма, за подругой не усмотрела? Вон как ей в отряде-то досталось сегодня!

— А мне тоже досталось...— хлопая своими большими, загнутыми ресницами, сообщила Фатьма.

— Да ну? — удивился отец.— А тебе за что же?

— За непионерское поведение.

Ответ Фатьмы прозвучал еле слышно, будто мышь пропищала.

— Эге!— сказал отец.— Ишь, какой голосок-то у тебя тоненький... А во время этого твоего «непионерского-то поведения» он, небось, погромче был, а?

Фатьма и Зина переглянулись: они обе вспомнили и кулаки и «крысу» — и ничего не ответили.

— Эх вы! Штрафники, значит! — сказал отец и, сунув руки в карманы, принялся ходить по комнате.

Бабушка, вспомнив, что у неё в кухне и чай, и кулич, и Анна Кузьминична дожидается, отправилась туда. Изюмка подсела к Фатьме. А Антон стоял около Зины, не зная, как выразить своё сочувствие, теребил ленту в её косе.

— Да, товарищи, — помолчав, сказал отец,— жизнь — сложная вещь. И ошибки бывают. И промахи. И тяжёлые дни. Но на ошибках надо учиться. А тяжёлые дни — стойко переживать. Но крепче всего надо беречь свою пионерскую честь. Помните, в стихах говорится:

Как повяжешь галстук,—
Береги его.

— Он ведь с нашим знаменем цвета одного...— подхватили в два голоса Фатьма и Зина.

— Да! Цвета одного! Частица нашего знамени коммунистов. Надо быть достойным его!

Эрнст Тельман.

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

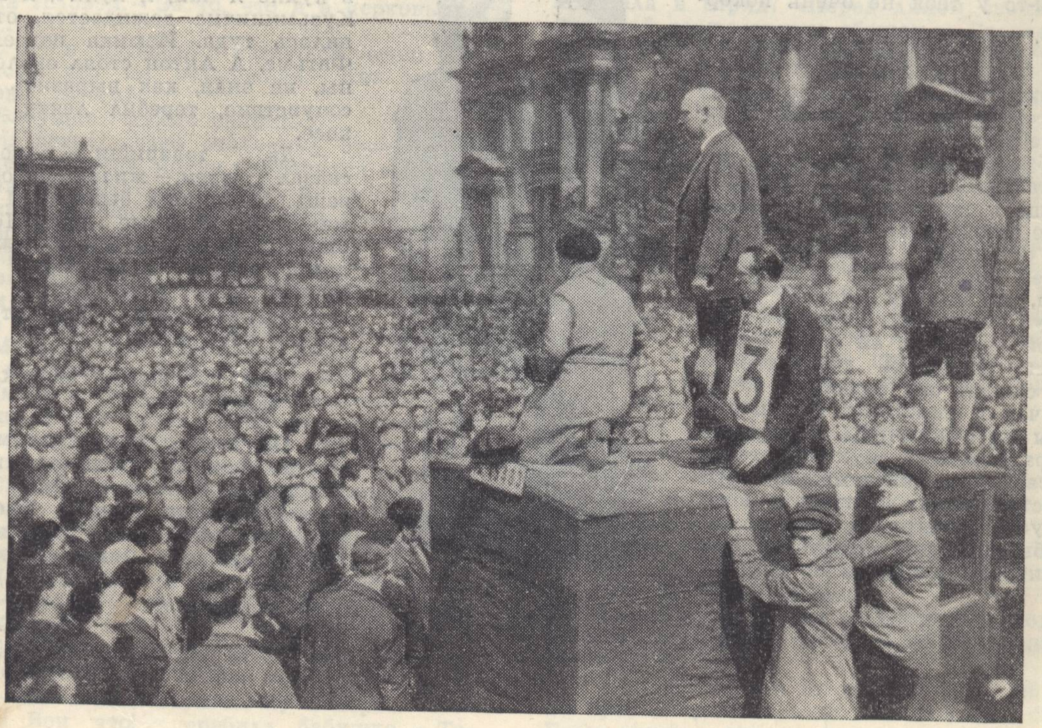
На маленьком оконце — толстые стальные решётки. Двери окованы стальными полосами. За дверью — вооружённые тюремщики. Сюда, в камеру, не доносится человеческая речь. Сюда не проникает солнечный луч. Но воля человека, которого стерегут запоры и пулемёты, каменные стены и электрический ток, пропущенный сквозь проволоку ограды, не сломлена. Его мысль ясна и свободна. Сердце бьётся горячо и страстно. Торопливые строчки ложатся на лист бумаги:

«...История жизни нашей сурова, поэтому она требует человека всего целиком. Ты, я и все соратники в борьбе за наше великое дело, все мы должны быть сильными, стойкими, боевыми, уверенными в будущем, ибо быть солдатом революции — это значит хранить нерушимую верность делу, такую верность, которая проверяется жизнью и смертью...»

Минуты, а может быть, и часы раздумья. Губы человека за решёткой шепчут запомнившиеся с детства стихи великого соотечественника, поэта и мыслителя Гёте. Ими он заканчивает письмо к другу:

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой!

...Человек, о котором мы рассказываем, чьё открытое, мужественное лицо вы видите здесь

Тельман выступает на митинге в Лустгартене в Берлине 1 мая 1930 года.

в журнале,— Эрнст Тельман, вождь немецкого рабочего класса, руководитель Коммунистической партии Германии. Он писал это письмо через пять лет после того, как фашистские палачи схватили его и бросили в заточение. Пять лет пыток, пять лет издевательств, пять лет невыносимых страданий, но не согнулся Эрнст Тельман, «наш Тедди», как любовно звали его рабочие во всех концах Германии.

Эрнст Тельман был сыном портового извозчика. Он родился и вырос в Гамбурге, самом большом портовом городе Германии. Работал грузчиком в порту, плавал матросом на океанских судах. С юных лет узнал он тяжёлый труд и лишения. С юных лет крепла в нём ненависть к угнетателям, к тем, кто живёт чужим трудом.

Он стал революционером — борцом за освобождение рабочих, одним из организаторов Коммунистической партии Германии, а потом её руководителем. К голосу Тельмана прислушивалось всё больше трудящихся.

Как ненавистен был этот спокойный, уверенный голос всем защитникам старого мира! Много раз пытались капиталисты и их слуги убить, уничтожить или, по крайней мере, заточить в тюрьму Тельмана. Это им удалось сделать после того, как власть в Германии захватили гитлеровцы. Одиннадцать с половиной лет провёл Тельман в нацистских каторжных тюрьмах, но и запертый в одиночной камере, он был страшен гитлеровцам, страшен своей несгибаемой волей, страшен уверенностью в гибели фашизма.

Когда война подходила к концу, фашисты, почувствовав приближение своей гибели, решили расправиться со всеми свидетелями своих злодеяний и прежде всего с вождём немецких коммунистов.

Есть в Германии близ города Веймара местечко

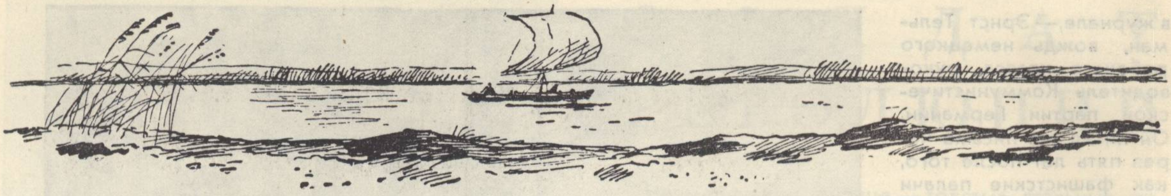

Эрнст Тельман в тюрьме на прогулке.

Бухенвальд. Здесь фашисты устроили один из самых больших лагерей смерти. Здесь построили они печи, в которых сожгли сотни тысяч ни в чём не повинных людей. Десять лет назад, 14 августа 1944 года, в Бухенвальде был зверски расстрелян Эрнст Тельман, мужественный борец за коммунизм, несгибаемый солдат революции, замечательный сын немецкого народа.

Светлый образ Эрнста Тельмана живёт в сердцах немецких трудящихся, строящих свою демократическую республику. Непобедимы бессмертные идеи коммунизма, которым до последнего вздоха был верен Эрнст Тельман.

★

РАССКАЗЫ ЭНТОМОЛОГА

П. И. Мариковский,
доктор биологических наук, профессор

Рисунки В. Константинова.

Жажда

Из узкой долины дорога поднимается на высокий холм, и перед нами открываются широкий распадок и довольно большие заросли тростника. За ними виднеется несколько раскидистых кустов колючего джингиля.

Откуда взялись здесь, в безводной лёссовой пустыне, тростники, обычно растущие на берегах озёр и рек? Но мы не раздумываем над этим. Наши запасы воды давно исчерпаны. Уже несколько дней мы не умывались, руки и лица у нас потемнели от пыли. А где-то здесь, в тростниковых зарослях, обязательно должен быть источник, и мы сможем наконец умыться и вдоволь напиться холодной воды.

Мы сворачиваем с дороги на едва заметную тропинку, заросшую цветущими маками. Ранней весной, когда земля была ещё влажной, верблюды оставили на ней глубокие следы своих больших ступней, и машину подбрасывает, когда колесо попадает в ямку.

Но каково же было наше разочарование, когда мы подъехали к тростникам: они росли на совершенно сухой земле! Нигде не видно было никаких признаков воды!

Пока мы раздумываем о своём бедственном положении, один из моих спутников углубляется в заросли. И вдруг мы слышим его радостный крик: «Вода!»

Мы бросаемся на крик и видим колодец, старательно выложенный камнем, глубиною около шести метров. Неподалёку лежит кверху дном выдолбленная деревянная колода, из которой обычно поят скот. Так вот почему здесь растёт тростник! Растения добывают воду из подземного водоносного слоя и чувствуют себя, повидимому, неплохо.

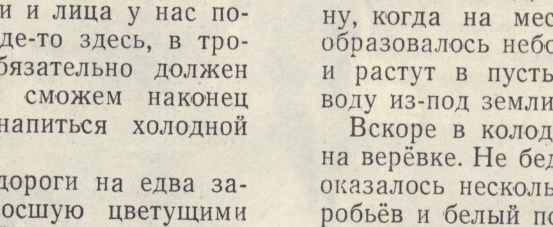
Но как же прижились в сухой почве первые поселенцы, как выросли молодые тростники из крошечных семян-пушинок? Наверно, первое заселение произошло много лет назад, в особенно влажную весну, когда на месте теперешних зарослей образовалось небольшое озеро. С тех пор и растут в пустыне тростники, добывая воду из-под земли.

Вскоре в колодец был спущен котелок на верёвке. Не беда, что в сводах колодца оказалось несколько гнёзд индийских воробьёв и белый помёт падает прямо в воду. Прежде всего мы умываемся холодной и прозрачной водой, расточительно расплёскивая её вокруг себя.

Тут же, у колодца, наспех разбиваем бивуак и решаем приготовить гренки из последней буханки хлеба. С завтрашнего дня мы перейдём на лепёшки из муки: муку удобнее брать с собой в путешествие, чем хлеб.

Но едва налили масло на сковороду, как на неё упала оса, за ней другая. Они беспомощно барахтаются, не в силах выбраться из предательского плена. Злополучные осы выброшены из сковородки листком тростника, но откуда-то сверху в сковородку плюхаются всё новые и новые.

Что за странность?

Много ос слетелось к колоде с водой.

Почему осам так понравилось подсолнечное масло?

Война с осами продолжается долго, до тех пор, пока мы не догадываемся о причине столь странного их поведения. Вероятно, блестящая поверхность масла показалась им лужицей — страдающие от жажды осы стали слетаться к ней и попали на сковородку. А спуститься в глубокий колодец они, конечно, не догадались!

Правильно ли наше предположение? Для подтверждения его мы кладём на землю небольшое зеркало, и вскоре к нему слетаются осы.

Кто бы мог подумать, что зеркалом можно ловить ос!

Пришлось прикрыть сковородку, налить воды в колоду у колодца и устроить водопой для ос. За короткое время их перебывало множество.

Мнимый самоубийца

Попробуйте перевернуть в каменистой пустыне несколько камней. Сколько под ними окажется ночных насекомых, которые днём скрываются здесь от знойного солнца! Уховёртки, освещённые вдруг ярким солнечным светом, разбегаются в разные стороны, как скорпионы, размахивая своими клешневидными хвостами; гладкие, блестящие мокрицы, перебирая многочисленными ногами, стараются поскорее ускользнуть в какую-нибудь норку или щёлочку; жужелицы, угрожающе раздвинув острые челюсти, стремительно бросаются в заросли травы. Не вздумайте дотронуться до них — мгновенно ваша рука будет выпачкана чёрной пахучей жидкостью.

Скорпион.

Серо-жёлтые, мохнатые, с безобразным голым брюшком фаланги всего лишь на долю секунды застывают в нерешительности и сразу бросаются наутёк, свирепо прищёлкивая своими чёрными зазубренными челюстями.

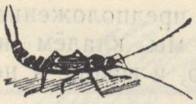
Только жуки-медляки удивительно спокойны. Они как бы раздумывают некоторое время, а потом нехотя удаляются.

Но чаще всего под камнями оказываются скорпионы. Скорпион мрачен, сварлив и никого другого около себя не терпит. Днём он крепко спит, положив сбоку туловища свой длинный хвост с ядовитой иглой. Он продолжает спать ещё несколько секунд и при свете. И вдруг его хвост мгновенно поднимается кверху, и скорпион, размахивая своим смертоносным оружием, кидается со всех ног искать новое убежище.

Чем жарче дни, теплее ночи, тем оживлённей жизнь жителей тенистых закоулков пустыни. И мы это ощущаем на себе. Не проходит и дня, чтобы скорпионы не напоминали о своём существовании: то забредут в ботинок, то запутаются в одежде, то окажутся в чайнике. Но чаще всего они забираются под спальный мешок и утром, когда убирается постель, спасаются под экспедиционными вещами.

Мы загоняли скорпионов в ружейную гильзу, а оттуда сбрасывали их в банку со спиртом.

Уховёртка.

Не так-то приятно спать на скорпионах! Если нечаянно во сне придавишь одного из них, он непременно ужалит.

Вначале мы каждого обнаруженного скорпиона загоняли в ружейную гильзу, а оттуда уже сбрасывали в банку со спиртом. Но вскоре банка была заполнена, и нам некуда было их девать. Тогда кому-то из нас пришло в голову поставить известный опыт со скорпионом.

На расчищенной площадке по кругу диаметром около метра раскладываются раскалённые угли. В центр круга помещается скорпион. Оказавшись на свободе, он несколько мгновений остаётся неподвижным, а потом, подняв кверху хвост, начинает бегать, отыскивая, куда бы спрятаться. Но всюду он натыкается на горячие угли. Движения скорпиона становятся всё лихорадочнее, он мечется из стороны в сторону, всё быстрее и быстрее взмахивает хвостом, царапая тело иглой, бьёт им по груди и голове. Наконец он делает несколько конвульсивных движений и умирает.

Жужелица.

Многие считают, что скорпион, не находя выхода из круга, кончает свою жизнь самоубийством. Но так ли это? Тут возникает множество сомнений.

Проведя несколько опытов, мы убедились, что ядоносная игла скорпиона не может проколоть его твёрдый панцырь, она скользит по телу, как копьё по латам. Поэтому-то скорпионы и избегают нападать на насекомых с крепким панцырем, а выбирают добычу помягче.

Жук-медляк.

Да и может ли скорпион убить своим ядом самого себя? И можно ли вообще говорить тут о самоубийстве — ведь у животных настолько развит инстинкт самосохранения, что самоубийство просто немыслимо.

Прежде всего надо выяснить, чувствительны ли скорпионы к яду. У десятка скорпионов, усыплённых хлороформом, мы отрезали иглы вместе с ядовитыми железами, разломали их и положили в пробирку с водой. Маленькая капелька этой мутновато-белой ядовитой настойки, впрыснутая любому насекомому, мгновенно убивает его.

Но как бы её впрыснуть самому скорпиону? Для этого нам пришлось изобрести маленький станочек. Скорпион осторожно привязывается к станочку, и ему впрыскивается капля ядовитой настойки. Но яд не оказывает на него решительно никакого действия. Может быть, мала доза? Увеличиваем дозу, но даже яд пяти скорпионов не убивает подопытное насекомое.

Теперь остаётся проверить, как действует на скорпиона его собственный яд. Я беру пинцетом иглу подопытного скорпиона, осторожно погружаю её в кожистую складку между члениками тела и сильно сдавливаю пинцетом. Обычно после этого приёма из иглы всегда показы-

В центр круга из раскалённых углей вытряхнули скорпиона.

вается прозрачная капелька яда. Но и на этот раз скорпион остаётся совершенно здоровым.

Может быть, тут вкралась какая-нибудь ошибка? Чтобы быть уверенными в своих заключениях, мы несколько раз повторяем этот кропотливый опыт. Нет! Скорпион совсем нечувствителен к собственному яду, в этом не может быть никакого сомнения!

Мы кончаем тем, с чего начали. Раскладываем круг из жарких углей. В центр круга вытряхиваем скорпиона, у которого отрезан кончик ядовитой иглы. Эта операция ничуть не вредит скорпионам, без иглы они превосходно живут долгое время, но не способны проколоть даже самого мягкого паука.

Скорпион стремительно убегает из круга и обжигается об угли. Бросается в другую сторону и снова обжигается. Лихорадочные движения, взмахи хвостом учащаются. Ещё несколько бросков — и скорпион умирает.

Так мы развенчали легенду о самоубийстве скорпионов, в которую столько веков верил человек. Оказывается, они умирают просто от теплового удара и ожога.

Заботливые родители

Сухой воздух горяч и неподвижен. В тени телеграфных столбов жаворонки растопырили крылья и раскрыли клювы. Грациозные горлицы сидят на телеграфных проводах, опустив крылья. Только изумрудно-зелёные сизоворонки гоняются друг за другом в воздухе.

Ровная, пожелтевшая пустыня замерла под палящими лучами солнца. Колышется горизонт, над ним вырастают причудливые столбы — красные, жёлтые, зелёные. Это какой-нибудь дальний бугор, заброшенная кибитка, одинокое дерево, искажённые потоками горячего воздуха. Появляются и исчезают озёра-миражи.

Внезапно над дорогой поднимается облако пыли. Оно растёт и близится с каждой минутой. Налетел шквал ветра, и всё тонет в белесовато-жёлтой лёссовой пыли. Горизонт задёрнулся сизой дымкой.

В такую погоду плохо наблюдать за насекомыми. Как в лихорадке, дёргаются растения, пыль забивает глаза, а всё живое прячется в укромные уголки. Поэтому, чтобы не терять попусту времени, мы свёртываем бивуак и отправляемся в путь. Сквозь дымку пыли впереди видна зелёная полоска тугайной растительности и как будто местами мелькает зеркало воды. Может быть, это вовсе и не река, а мираж? В пустыне ведь каждую минуту возникают и исчезают призрачные озёра. Но по карте видно, что где-то очень близко к дороге подходит Сыр-Дарья. Мы сворачиваем с дороги и направляемся по целине к далёкой зелёной полоске.

Скоро мы убеждаемся, что это и в самом деле Сыр-Дарья. По ней разгуливают волны каштанового цвета. Но хотя и дует ветер, воздух здесь чист. От реки веет приятной свежестью. Из тугаев на другом берегу реки доносятся крики фазанов. А на нашем берегу между редкими кустами джингиля и тамариска всё заросло джантаком — верблюжьей колючкой. Острые шипы её прокалывают одежду и больно царапают тело. Неприветливо встретила нас Сыр-Дарья, к которой мы так стремились из выжженной пустыни!

Местами среди верблюжьей колючки виднеются полянки, усеянные множеством круглых дырочек. Лёссовая почва у отверстий пропитана чем-то тёмным.

Кто живёт в этих норках? Я опускаю в норку тонкую очищенную от листьев веточку. Она натыкается на какое-то препятствие, и из норки показывается что-то сероватое, похожее на открытый рот, усаженный крепкими острыми зубами. Былинка гнётся, она не в силах сдвинуть этот запор с места.

И в соседних норках былинка натыкается на такие же зубастые рты. Очень интересно! Может быть, это и в самом деле рот какого-то живого существа? Ведь среди термитов, живущих в тропических странах, есть и такие члены общества, которые затыкают своими носатыми головами изнутри вход в термитник и оберегают его от проникновения врагов.

Для того, чтобы разведать строение норы, существует такой простой приём. Рядом с норкой вырывается глубокая яма. Потом лопаткой или большим ножом осторожно срезаются один за другим тонкие слои земли. И наконец перед глазами исследователя предстаёт продольный разрез норки.

Наша норка, оказывается, устроена несложно. Она идёт вниз почти вертикально

Мокрицы с ватагой маленьких серееньких мокриц-деток.

до влажного слоя земли. Значит, жители норки нуждаются не только в тени, но и во влаге. Вход в норку заметно сужен.

Какой-то серый комок падает вниз и поспешно забирается вглубь норы. Ещё несколько осторожных срезов — и в ямку вываливается пепельно-серая, поблёскивающая лакированными кольцами тела мокрица. Она беспомощно шевелит чёрными усиками, пытается уползти к своему разрушенному дому.

Мокрицы не насекомые, они относятся к ракообразным, совсем другому классу типа членистоногих. Это своего рода сухопутные раки. В Советском Союзе около тридцати видов мокриц, но учёные мало знают об их образе жизни.

Наша мокрица сильно отличается от тех, которые живут в сырых углах подвалов. Она значительно крупнее, а покровы её твёрже и прочнее: они предохраняют от испарения столь драгоценной в пустыне влаги. Поднеся лупу к мокрице, вы сразу поймёте, как устроена живая дверь норки: на четырёх спинных кольцах вы увидите крепкие гребешки. Два средние гребешка большие и массивные. Они-то и раздвигаются широко, образуя как бы оскаленный рот. Два крайних гребешка поменьше. Ими мокрица упирается в стенки норы, выгнувшись дугой. Попробуйте столкнуть в нору этот живой замок! Крайние гребешки глубже войдут в землю, и защитник ещё крепче запрёт дверь своего дома. Вот какое значение имеют эти крохотные зубчики!

Как часто, разбирая коллекции и изучая насекомых, мы, учёные, удивляемся различным, подчас причудливым особенностям их тела. Они кажутся загадочными и необъяснимыми только потому, что мы плохо знаем жизнь этих насекомых.

Кто же ещё находится в норке, кого стережёт столь рьяный защитник? Осторожно срезаем лопаткой тонкий слой земли, и из норы в ямку вываливается другая мокрица. Но на её спине нет никаких зубцов. Видимо, мокрица, охраняющая нору,— самец, а вторая — самка.

Самое интересное должно быть там, в конце норки. Соскабливаем ещё слой земли, и перед нами небольшой, слепо заканчивающийся «зал». Отваливается ещё комочек земли, и неожиданно из «зала» высыпает ватага маленьких сереньких мокриц-детей. Их не менее полусотни. Они шустро разбегаются в стороны, карабкаются по отвесным стенкам вырытой нами ямы. Мамаша-мокрица беспокойно ползает за малютками, ощупывает их усиками.

Кто бы, глядя на мокриц, мог заподозрить в них столь заботливых родителей!

Когда жара спала, множество мокриц появилось на поверхности земли.

Оказывается, это всё самки, а самцы продолжают стоять на страже. Только изредка самец ненадолго отлучается из норы, и тогда его подменяет самка.

Мокрицы-супруги хорошо узнают друг друга, и живой запор тотчас же открывается при приближении к норе хозяина или хозяйки. А чужая мокрица неизменно наталкивается на запертую нору.

Временами мокрица-папаша спускается вниз, и из норы выходит несколько маленьких мокриц. Погревшись недолго на солнце, они вскоре прячутся обратно. Уж не солнечные ли ванны принимают они?

Самки тихо и не спеша ползают по земле, взбираются на растения и настойчиво разыскивают пищу для своих многочисленных детей. Давайте посмотрим, чем же они потчуют своё потомство. В «зале»-детской нет никаких запасов, и только на самом дне её насыпана какая-то мягкая труха, повидимому, остатки пережёванных растений.

Нужно посмотреть, что тащат к своему дому родители. Вот и мокрицы с добычей. Заботливые мамаши несут своим детям зелёные, сочные листики солянок и сухие семена злаков. А вот мокрица-мать подтаскивает к норе полузасохший, пронизанный красноватыми полосками, поражённый грибком листок. Это, видимо, питательный продукт: ведь грибки богаты белками.

Мокрица-мать долго кормит своих детей. Когда они вырастают и им становит-

ся тесно в норе, мокрица-отец снимает охрану жилища и дети выпускаются на волю, в мир, полный неожиданностей и опасностей.

Много узнали мы о жизни мокриц, но, конечно, не всё. Вот, например, одна из загадок, которую мы не разгадали. Очень часто в норках вместе с мокрицами-детками попадается маленький чёрный жучок, который, повидимому, пользуется равными правами с хозяевами. Как только подходит такой жучок к норке, зубастая преграда опускается и открывается вход в жилище.

Жаль, что у нас не было времени, чтобы выяснить, какую пользу извлекает жучок из соседства с мокрицами и чем он сам полезен хозяевам жилища.

Камбаз

С давних времён жители Средней Азии знают чёрную осу, которая уничтожает каракурта. Они называют её камбаз.

В Италии, где также распространён каракурт, эту осу называют мухой святого Иоанна.

Нам очень хотелось повидать камбаза и узнать о его образе жизни. Ведь о нём ничего точно не известно, никто из энтомологов ещё не описал его подробно.

Проходят дни, недели. Много километров пройдено под палящим солнцем, осмотрено множество жилищ каракуртов. Но все наши настойчивые поиски безрезультатны.

Нам часто попадаются ближайшие родичи камбаза — иссиня-чёрные осы-помпиллы, изящные, стройные, с нервно вибрирующими усиками. Но они равнодушны к пауку-каракурту, не обращают на него никакого внимания. И всё-таки камбаз должен быть где-то здесь — не так уж редко попадаются нам логова, из которых какие-то смелые охотники утащили каракуртов. Кто они, эти охотники?

В первый год нам так и не удалось изловить ни одного из них.

Наступила новая весна. Мы начали свою охоту, когда пустыня выгорела и каракурты перебрались в новые жилища: в норы грызунов, или в шарообразные логова у основания кустарников и трав, или под нависшими комьями земли. Удача пришла к нам совсем неожиданно. Маленькая чёрная оса сидела у входа в логово каракурта и тщательно занималась своим туалетом: энергично чистила ногами свои блестящие крылья, облизывала вибрирующие усики. Накрыть осу сачком было невозможно. Я протянул к ней пинцет, но она вспорхнула, мелькнула чёрной точкой и исчезла.

В логове, на пороге которого охорашивалась оса, каракурта не оказалось, никто не охранял только что выплетенный кокон.

Куда же девался хозяин логова, который обычно никогда никуда не отлучается? Может быть, эта чёрная оса и есть камбаз?

Накрыть маленькую чёрную осу сачком мне не удалось.

Осторожно, слой за слоем, разгребаем почву вокруг жилища паука. Неподалёку от того места, где сидела оса, среди комочков земли показалась чёрная спинка каракурта. Паук недвижим. Только слегка вздрагивают его ротовые придатки, он парализован. На брюшке паука прикреплена маленькая личинка. Теперь всё ясно! Оса, сидевшая у входа в логово каракурта, — камбаз.

Свою находку вместе с землёй мы кладём в стеклянную банку. Вскоре у нас на глазах личинка как бы выскользнула из своей старой оболочки и стала погружаться в тело паука.

Там она будет питаться, расти, к концу лета окуклится, перезимует и вылетит как раз тогда, когда появятся взрослые каракурты.

Мы снова отправляемся на поиски, и вскоре в банке с землёй уже покоится с десяток парализованных камбазами каракуртов.

Но нам хочется посмотреть на охоту камбаза. Я иду следом за встреченной маленькой чёрной осой.

Оса в непрерывном движении. Она кого-то разыскивает, заползает во все щелки и норки. Тенёта ядовитых пауков растянуты чуть ли не через каждые пять — десять метров. Оса осторожно и ловко взбирается на них. Крупные щетинки на лапках помогают ей свободно бегать по паутинным нитям.

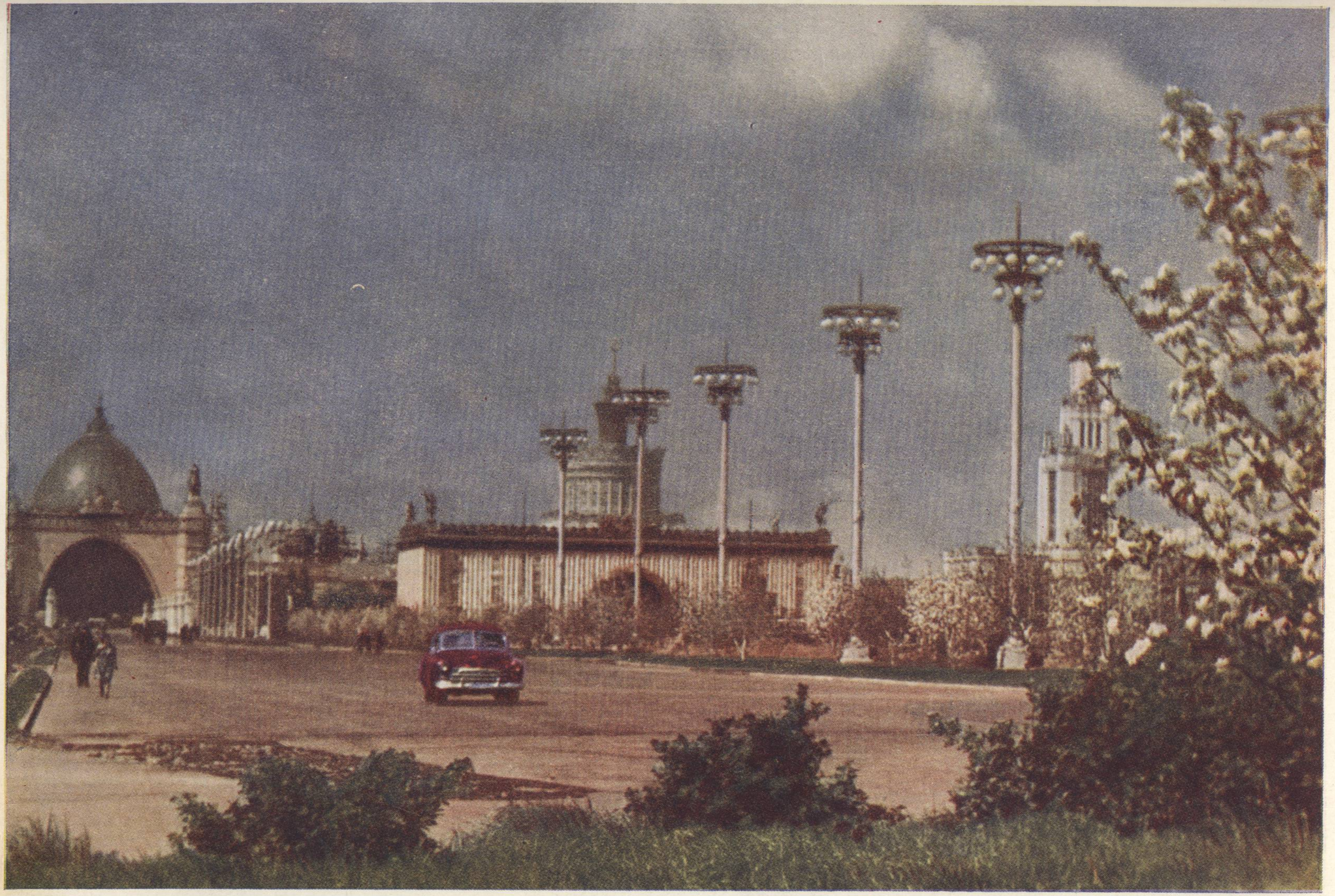
Забравшись в логово чуть выше паука, оса замирает. В этот момент достаточно пауку брызнуть паутинной жидкостью, и смелый охотник погублен. Но паук неподвижен. Может быть, он не видит осу, ведь в темноте логова её почти невозможно различить.

Несколько минут оса сидит неподвижно, наверно, ожидает подходящего момента для нападения на громадного по сравнению с ней хищника, лениво висящего на нескольких протянутых в логове паутинках. И вдруг с молниеносной быстротой оса бросается прямо к смертоносным ядовитым крючьям и, не дав пауку опомниться, вонзает в рот длинное блестящее жало. Ещё два — три укола, поражающие мозг паука, и смелая охотница, отскочив в сторону, раскачивается на тенётах, отряхивая лапки. Тело каракурта конвульсивно вздрагивает, на конце брюшка появляется маленькая серовато-белая капелька паутинной жидкости: паук не успел прибегнуть к своему оружию. Постепенно распростёртые ноги паука вяло прижимаются к телу, и каракурт безжизненно повисает на паутине.

Оса ощупывает паука усиками и улетает. Неподалёку от логова она поспешно делает небольшую норку, разбрасывая ногами во все стороны комочки земли. Изредка, прервав работу, она возвращается к своей добыче, как бы желая убедиться в её сохранности. Наконец в приготовленную норку оса тащит паука, показывая при этом не только ловкость, но и изрядную силу. В норке оса прикрепляет к телу паука тут же рождённую личинку, засыпает норку землёй и принимается за чистку своего блестящего наряда.

Охота закончена, личинка надёжно устроена.

Это главная аллея на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Здесь вы видите: слева — павильон «Механизация и электрификация сельского хозяйства», в центре — «Украинская ССР» и справа — павильон «Московская область».

Фото В. Еллинской.

А это один из прудов на территории выставки. На заднем плане видны: манеж и павильон «Механизация и электрификация сельского хозяйства».

Фото В. Еллинской.

В ПУРГУ

Юрий Бессонов

Рисунки Ф. Лемкуля и Н. Петрова.

1

Берег был недалеко, не дальше каких-нибудь тридцати метров, но никто не рискнул бы добраться до него без посторонней помощи. Шторм бушевал уже давно, и громадные, выше бортов валы громоздились вокруг рыбачьего сейнера, намертво насаженного штормом на острый зубец подводной скалы.

На сейнере было девять человек команды да четыре пассажира. Все тринадцать обессилели в борьбе со штормом ещё до того, как огромный грязно-бурый вал швырнул сейнер на подводную скалу, и теперь укрывались от ветра и захлёстывающих палубу волн — кто в разбитой рубке, кто за рыбным чаном, кто за капитанским мостиком.

Сейнер сидел на скале, накренившись левым бортом. Он был затоплен, и только палуба держалась ещё над водой, но и палубу то и дело окатывали волны.

Неотвратимые и грозные, они приходили через равные промежутки времени. Сперва волны со всё нарастающей силой били в правый борт, потом в снежной мгле серой громадой поднимался огромный вал, одно мгновение пенистым гребнем нависал над сейнером, и сразу тяжёлые глыбы воды обрушивались на палубу. Мутный, шипящий поток омывал её, силясь всё снести в море, и сейнер кряхтел под ударами волн. Потом наступало короткое затишье, и люди со страхом ждали приближения нового вала.

У левого борта, ближе к носу сейнера, держась за скрученный причальный канат, лежал капитан, худощавый человек с жёстким, сухим лицом. Пользуясь минутным затишьем, к нему подполз его помощник, Матвей Матвеевич Пахомов.

Вал только что ушёл, и с палубы скатывались последние струи воды. У борта лопались пузыри мутной пены, и снег, тая, прилипал к мокрым доскам.

— Ну как? — спросил капитан, не поворачивая головы.

— Пока никого не смыло и все живы,— сказал Пахомов.

— А Харитонов? Он как будто слабее всех...

— Теперь все одинаковы... Я боюсь...— сказал Пахомов и осёкся.

— Чего ты боишься?

— Долго не продержатся...— сказал Пахомов.

— Должны продержаться.

— Совсем ослабли...— Шквал заглушил слова Пахомова. Сейнер вздрогнул и закряхтел.

В ту же секунду над правым бортом снова поднялась могучая волна, и вода хлынула на палубу.

Пахомов сжал мокрый канат и приник головой к доскам...

Потом опять стекала вода с палубы и лопались серые пузыри пены.

Пахомов выжал насквозь промокшую шапку и отёр ею лицо. На губах остался неприятный привкус стылой солёной воды.

Капитан, приподнявшись на руках, глядел на море. Лицо его было мокрым, и из-под круглой меховой шапки стекали по щекам тонкие струйки воды.

— Я всем сказал, что скоро придёт помощь, нужно держаться из последних сил,— проговорил Пахомов.

— Да,— сказал капитан,— это хорошо... Только бы не сорвало сейнер со скалы.

Пахомов понял, что скала, которая ещё недавно была для капитана самой страшной угрозой, теперь превратилась в последнюю надежду.

— Надо продержаться, пока нас не разыщут,— сказал капитан. Голос его осип, и застывшие губы еле двигались.

— Если приняли на земле наш сигнал...— сказал Пахомов. Он ближе подвинулся к капитану и понизил голос, хотя за шумом ветра и плеском волн никто, кроме капитана, его услышать не мог.— Рация испортилась в момент передачи... Как раз в ту минуту нас тряхнуло...

— Если на земле и не приняли наш сигнал, всё равно нужно держаться и ждать,— сказал капитан.

Пахомов ещё больше понизил голос:

— Ждать? Чего?

— Конца шторма.

— Но прошло уже четыре часа,— сказал Пахомов.— Что будет с людьми?

— Нужно держаться,— сказал капитан.— Другого выхода нет.

— Держаться...— Пахомов почувствовал, что и его губы становятся непослушными. Он не узнавал собственного голоса.— Держаться... Но хватит ли сил? Все совсем закоченели, а ветер крепчает...

Капитан ничего не ответил.

Пахомов прислушался к нарастающим ударам волн. Опять приближался вал.

— Только бы не сорвало с камней!..— повторил капитан.

Пахомов посмотрел на берег. Там сквозь частую сеть снега смутно темнели серые глыбы камней. Пена разбивающихся о них волн казалась тоже взвихренным снегом.

— А если попробовать...— осторожно сказал Пахомов.

Капитан повернул к нему синеватое, бескровное лицо. Веки его были опущены, и Пахомов не увидел глаз.

— Что попробовать?

— Попробовать добраться до берега...

— Вплавь?

— Как придётся... Здесь, наверное, не глубже полутора метров.

— Пустое!..— сказал капитан.— Нет ни одного шанса... Рисковать, когда нет ни одного шанса на удачу,— малодушие...

— Но если там не приняли сигнала?

— Надо держаться и ждать,— сказал капитан.— Другого выхода нет. Ты пойми: другого выхода нет...

Опять из белой мглы поднялась тёмная тень, и сизый гребень нового вала навис над сейнером. Они замолчали, плотнее прижавшись к скользким доскам.

2

Когда лейтенант Алтухов и секретарь комсомольской организации рядовой Шацев вышли с заставы, было уже около полудня.

Пурга не стихала, и море злилось всё сильнее. Можно было предположить, что к ночи разыграется настоящая буря.

Нарты бежали вдоль берега целиной по насту, в стороне от острых льдин, вставших дыбом вперемежку с прибрежными камнями — обломками скал.

Дороги не было. Справа бурлило море, слева поднимались крутые горы, то каменистые, то поросшие кедровым стланцем, сейчас белым от снега.

Ветер дул с моря, и собаки жались ближе к горам. Они с неохотой тащили тяжёлые нарты и, пугаясь разбушевавшегося моря, повизгивали, щетиня шерсть.

Отъехав от заставы едва ли больше трёхсот метров, Алтухов остановил нарты. Собаки тотчас же легли, уткнув морды в передние вытянутые лапы. Только бурый матёрый пёс — вожак,— насторожив торчком уши, беспокойно смотрел в море и, морща нос, показывал клыки.

Алтухов обернулся в сторону заставы. Казармы уже не было видно: всё застилал мелькающий снег.

— Хочу проверить наш маяк,— сказал Алтухов.— Далеко ли его видно...

— Понимаю,— сказал Шацев и тоже стал смотреть в сторону заставы, заслонив от ветра глаза ладонью.

В белой мгле ничего нельзя было разглядеть, словно они уже проехали по меньшей мере десять километров.

Но вот высоко, ближе к горам, вспыхнул и повис в воздухе светящийся шар сигнальной ракеты. Розоватый круг окаймлял его неширокой зыбкой полосой. Он был похож на крохотное солнце в тумане — такой же круглый и красный.

— Нет, издали не увидят,— сказал Алтухов.— Разве за километр, не дальше...

Шацев смотрел на гаснущий шар. Он плыл к земле в розовом тумане.

— Пурга,— сказал Шацев.— Может, маленько стихнет, тогда и дальше увидят.

Алтухов проводил ракету взглядом и, когда она погасла, сказал:

— Прогоним побыстрее до мыса Землепроходца... Если по дороге их не встретим, назад пойдём с остановками и на каждой остановке — ракеты... Я думаю, за километр увидят — там прибрежная полоса шире.

— За километр, наверное, увидят,— сказал Шацев.

Они подняли собак и криками погнали их дальше по снежной полосе у кромки моря.

Наст был непрочен, и тяжёлые нарты грузли. В них было всё необходимое для помощи людям, заблудившимся в пургу, даже сухие дрова на костёр и бутылка с керосином. Алтухов всё предусмотрел. Это по его приказанию у казармы держали «маяк», каждые три минуты посылая с крыльца в снежную мглу сигнальные красные ракеты: может быть, заблудившиеся сами выйдут поблизости от пограничной заставы.

Нарты грузли. Собаки, зверея от ветра, от тяжёлой клади и топкого снега, злобились одна на другую и рычали, повизгивая, готовые сцепиться, только освободи их от лямок. Дыхание их стало трудным и порывистым, как у запалённых лошадей, но всё же злость придавала им силы, и они тащили нарты всё дальше и дальше вдоль белой прибрежной полосы.

Алтухов покрикивал на собак и смотрел в косые нити снега. Кругом было бело и безлюдно, будто земля эта только что родилась: остывшие вулканы, уродливые глыбы дикого серого камня, волны в два роста человека, обточенные водой льдины, похожие на стеклянные столбы, торчащие среди прибрежных скал.

Собаки устали и, когда добрались до мыса Землепроходца, едва волокли нарты.

Здесь, у гряды камней за ветром, Алтухов положил собак. Они лежали неподвижно, вытянув морды, как спящие. Даже бурый вожак перестал скалить клыки и замер, уткнув чёрный нос в передние лапы.

Алтухов и Шацев подошли к морю. Они знали, что где-то здесь, у этих каменных гряд, затонул рыбачий сейнер и здесь должны были выйти на берег спасшиеся люди, о которых сообщили на заставу из рыболовецкого треста.

Они увидели сейнер едва поднимающимся из волн. Он стоял неподвижно, накренившись на левый борт, и в метельном снегу казался не судном, а только остовом судна. На палубе никого видно не было.

— Они могли выбраться на берег только здесь, только в этом месте,— сказал Алтухов.— Но где же следы?

Шацев огляделся по сторонам:

— Может быть, следы занесло снегом?

— Нет,— сказал Алтухов,— снег рыхлый и слишком глубокий, непременно остались бы вмятины. Их не успело бы ещё занести...

Они прошли вдоль берега, внимательно осматривая снежную кромку. Прилизанный ветром снег лежал сплошной увалистой полосой. Никаких примет, что по нему проходили люди, не было.

Тогда они снова вернулись к сейнеру и некоторое время молча смотрели на него. Волны ударяли в прибрежные камни, разбиваясь в летящую по ветру пену. Сейнер то показывался среди седых гребней, то исчезал под набегающими валами.

— Без посторонней помощи рыбаки не могли уйти оттуда,— сказал Алтухов.— Накат волн слишком велик. В тресте ошиблись, рыбаки могут быть только там, на сейнере.

Шацев пристально смотрел на море и щурился от бьющего в лицо снега.

— Если там кто-нибудь ещё жив...

Алтухов приложил ко рту руки раструбом и крикнул:

— Э-э-э-эй! Рыбаки! Слышите, рыбаки!..

Никто с сейнера не ответил.

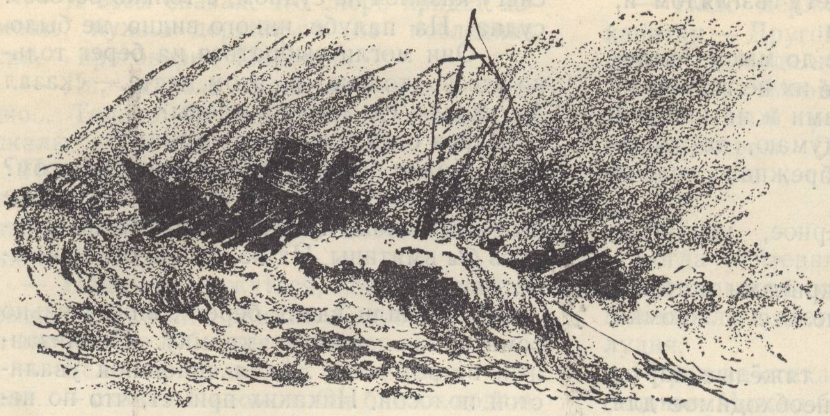
— Там не могут услышать,— сказал Шацев.— Ветер с моря... Там нас не могут услышать...

3

Пахомов потерял чувство времени. Ему казалось, что уже наступил вечер и снег делается чёрным. Он больше не думал о помощи, которая должна была приспеть, если на земле приняли сигнал, не думал он и о конце шторма. Он лежал и ждал, сам плохо понимая, чего ждёт.

Рядом с Пахомовым лежал капитан, но они ни о чём не говорили. Капитан приказал ждать и замолчал. Лицо его было угрюмым и без единой кровинки. Наверное, он страдал сильнее всех — он был человеком в летах,— но Пахомов не услышал ни одной его жалобы, не услышал даже вздоха.

Пахомов не смотрел на берег. Он лежал с закрытыми глазами. Шум моря стал так привычен, что воспринимался как тишина.

Однако дальше десяти шагов он ничего не разглядел. Налетел порыв ветра со снегом, и сквозь него ничего не было видно. На мгновение Пахомову показалось, что за гребнями волн вдруг мелькнула какая-то тень, но он не поверил своим глазам. Что могло быть в бушующем море среди подводных камней? Не осмелились же пришедшие им на помощь люди спустить лодку? Да и откуда здесь лодка? Так, померещилось...

— Нет,— сказал капитан,— не донесёт... Нужно попытаться ещё раз...

Он поднялся на колени, чтобы выбрать из воды бичеву, протянул к ней руки, но вдруг опустил их: бичева медленно натягивалась. Кто-то тянул её к берегу.

— Тянут... Честное слово, тянут!..— крикнул Пахомов.— Они вошли в воду... Я видел, но не поверил... Они вошли в воду и поймали конец...

Трос заскользил по палубе и скрылся в пене волн. И почти тотчас же загорелась новая ракета.

— Они закрепили трос,— сказал капитан.— Они сообщают нам, что закрепили на берегу трос... Можно начинать переправу. Кто первый?

Капитан прислушался, но люди молчали. Никто не осмелился сказать: «я». И рыбаки и пассажиры, не отрываясь, глядели на землю, но никто не решился хотя бы подползти ближе к борту.

Капитан крикнул громче:

— Кто первый?

Кругом молчали.

Капитан оглядел лежащих на палубе и понял, что силы их совсем иссякли. Взгляд его остановился на Харитонове. Тот тщетно пытался приподняться, опираясь на разъезжающиеся руки, и голова его тряслась, словно в приступе злейшей малярии. Рядом с ним ничком, прижавшись лбом к палубе, лежал другой рыбак. Может быть, он уже потерял сознание...

Опять в белой мгле вспыхнула ракета. И навстречу ей с каменистого берега вдруг потянулся розовый туман. Он стал полукругом, как восходящее на море солнце.

Пахомов даже вздрогнул, когда снова услышал голос капитана:

— Там свет... люди...

Пахомов открыл глаза и приподнял голову.

Над берегом он увидел свет. Казалось, его откуда-то принёс ветер и, сжавшись в клубок, он стремительно нёсся в розоватых космах снега.

— Ракета,— сказал капитан.— Сигнальная ракета...

Он приподнялся на руках и вдруг закричал, вложив в крик остатки сил:

— Примите трос!.. Будем выбираться по тросу!.. Примите трос!..

Вихрь с моря подхватил его крик и понёс к берегу.

Опять, озарив снег, вспыхнула красная ракета.

— Там услышали нас!.. Там поняли!..— крикнул капитан.— Готовьте спасательный трос!..

Рыбаки и пассажиры сейнера сползались со всех сторон к левому борту.

Один из рыбаков ползком добрался до капитана, держа в руках выброску — прочную бичеву с грузом на конце. Это пустое дело было ему почти не по силам.

Бросил бичеву сам капитан.

Выбрав мгновенное затишье, он поднялся, стал, широко расставив ноги, метнул бичеву и крикнул:

— Держи конец!

Затем снова бессильно опустился на палубу. Пахомов заметил, что у него дрожали руки.

— Не докинул,— сказал капитан.— Нет, не докинул... Далеко, и сил мало...— Он говорил тихо, будто разговаривал сам с собой.

— Может, ветер пособит, донесёт...— сказал Пахомов и, приподнявшись, посмотрел через борт.

— Зажгли костёр,— сказал капитан.— Они ждут нас. Кто первый?

Пахомов поднялся, схватился за трос, но, поскользнувшись, снова опустился на колени.

— Нет,— сказал он.— Руки не слушаются... Если бы час назад...

Все смотрели в розовый туман костра, и никто не проронил ни слова, будто Пахомов сказал сразу за всех.

Пахомов, опустив голову, смотрел за борт, но вдруг он, будто испугавшись, отпрянул от борта и крикнул:

— Смотрите!.. Кто-то идет...

Капитан взглянул на него, как на безумного, и снова отвёл взгляд к костру.

И вдруг он увидел: от берега, борясь с набегающими волнами, действительно шли два человека. Передний всё отчётливее вырисовывался в снежной мгле, второй казался его плотной тенью.

— Идут! — не веря себе, сказал капитан.— Идут...

Он уже не мог отвести взгляда от идущих.

Люди шли, борясь с волнами, шли там, где был протянут спасательный трос. Вода окатывала их с головой, но они шли.

Они были уже совсем близко, когда набежал очередной вал. Капитан даже успел рассмотреть на плечах переднего погоны лейтенанта-пограничника. Но больше он ничего не увидел: на палубу хлынула вода, и он прижался головой к мокрым доскам. Не увидел он идущих по морю людей и тогда, когда вал перекатился через сейнер и ушёл к берегу. Кругом поднимались высокие гребни волн, и всё было затянуто повалившим с новой силой снегом. И вдруг откуда-то из пенистых гребней, у самого борта сейнера, капитан услышал голос:

— Живы?

Потом над бортом поднялись голова и плечи лейтенанта. Рядом капитан увидел солдата - пограничника.

— Живы?— спрашивал лейтенант.

— Все живы...— сказал капитан.—Все тринадцать... Только обессилели и сами не могут...

— Я понял,— сказал лейтенант.—Дайте руку.

Капитан отстранился.

— Нет,— сказал он.— Я капитан... Я прошу вас помочь сначала другим...

— Хорошо,— сказал лейтенант.— Только скорее! — Он плотно сжал губы, может быть, силясь сдержать дрожь, охватившую его тело в ледяной воде.— Только скорее!.. — Голос его заглушило шумом волн.

— Харитонов... Первым Харитонов...— сказал капитан.

Лейтенант и солдат стояли у борта, держась за трос. Волны поднимали свои пенистые гребни к самым их лицам.

Рыбаки помогли Харитонову подползти к борту. Потом капитан видел, как за бортом его приняли на руки пограничники. Им было трудно. Каждому приходилось поддерживать Харитонова одной рукой, другая была занята: ни на мгновение нельзя было выпустить трос, волны тотчас же сшибли бы с ног и потащили в пучину между подводных камней.

Вот пограничники понесли Харитонова, медленно, шаг за шагом отступая от сейнера. Они то терялись в волнах, то снова возникали смутными тенями в розовом неярком зареве костра.

В правый борт глухо бились волны. Капитан, закусив губу, следил за борющимися с морем пограничниками. И когда шатающиеся тени скрывались в волнах, зажмуривал глаза, боясь увидеть вместо теней только пену беснующейся воды.

«Дойдут ли до берега? Не опрокинул бы их новый вал... Хватит ли у них сил в ледяной воде?..»

Он уже не думал, что пограничники вернутся к сейнеру ещё раз — слишком холодна была вода и слишком высоки волны. Он думал только о том, чтобы пограничники сейчас добрались до берега.

«Что будет потом? — он гнал от себя эту мысль.— Может быть, шторм немного стихнет...»

Но пограничники вернулись. Когда схлынула очередная волна, капитан снова увидел над бортом лицо лейтенанта и услышал его хрипловатый отрывистый голос:

— Кто следующий? Скорее!..

4

Последним вынесли капитана. Стемнело. Вода стала чёрной, и уже не розовый, а красный снег кружился вокруг костра.

У огня сидели люди, и капитан с трудом узнал в них своих рыбаков и пассажиров. Все осунулись, как тяжело больные: лица были синие, от промокшей одежды поднимался пар. Капитан пересчитал сидящих у костра. Оказалось тринадцать человек.

— Все...— сказал капитан.

— Все,— повторил лейтенант. Он стоял, протянув над огнём руки.

Капитан долго молчал, потом спросил:

— Вы приняли наш сигнал бедствия?

— Нет,— сказал лейтенант,— сигнал приняли в рыбтресте. На розыски выходил в море катер. Нам сообщили только, когда катер вернулся в порт.

— Они не нашли нас? — спросил капитан.

— Нашли,— сказал лейтенант.— Но сейнер был почти затоплен, и они подумали, что на нём никого нет. Подойти поближе не рискнули — шторм... На катере решили, что вы все выбрались на берег. Мы пошли с заставы вам навстречу, чтобы помочь добраться до жилья. Никто не думал, что вы ещё на сейнере...

Капитан, всё поняв, посмотрел на пограничников. Они стояли рядом и деловито грели руки, протянув их над огнём. В красном свете костра лица их были спокойны, словно ничего особенного не случилось и они только немного замёрзли в ледяной воде.

В костре догорали последние ольховые поленья.

— Грейтесь и ешьте, пока есть огонь,— сказал лейтенант.— Потом в путь.

Налетевший шквал прижал огонь костра к земле, и вдруг все услышали в вое ветра какой-то новый странный звук. Казалось, где-то ветер сломал старое кряжистое дерево, и оно повалилось в море, обламывая ветви. Все обернулись к морю.

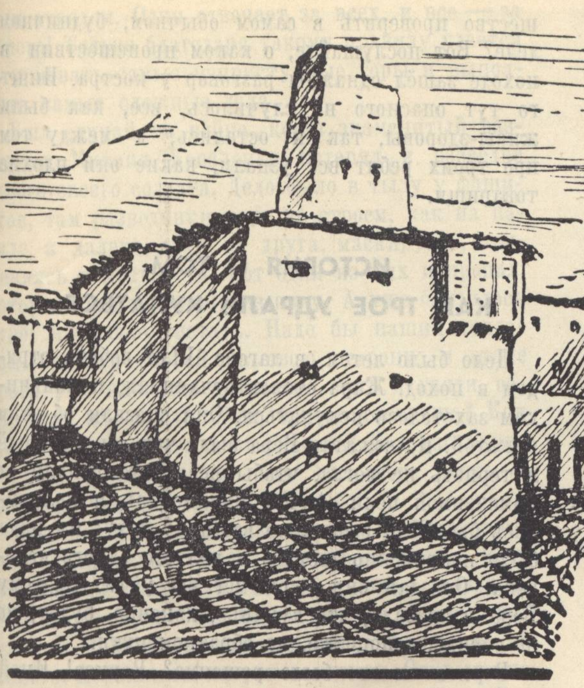
Там, где раньше был сейнер, теперь, освещённый красными отблесками костра, поднимался огромный чёрный вал. Когда вал схлынул, сейнера на скале не оказалось. Между камней лишь косо торчала мачта да едва виднелась как бы плывшая по волнам крыша рубки.

— Успели...— сказал лейтенант и потер пальцами лоб.

*

Это случилось 27 декабря 1953 года на Курильских островах.

ЛУЧ СОЛНЦА

Рашид Рашидов

Рисунки Ю. Кискачи.

За горой, что выше туч,
Золотой проснулся луч.
Он проснулся
и в долину,
Как всегда,
шагнул с небес
Через белую вершину
И зелёный старый лес.

По траве, густой и влажной,
Шёл он,
ясен и высок,
И своё в росинке каждой
Отражение зажёг.

Высоко рождённый в небе,
Разбудил он всех пичуг.
Пересвист и звонкий щебет
Мир наполнили вокруг.

Вот напился он из речки
И, скользнув по берегам,
Разноцветные колечки
Подарил её волнам.

Заглянул в дупло пустое,
Улыбнулся,
и тотчас
Рядом стёклышко простое
Заискрилось, как алмаз.

Озарив земные дали,
Он явился к нам в сады,
Чтоб скорей на ветках стали
Краснощёкими плоды.

А когда пришёл в аул,
То в окошко заглянул.

Серый маленький мышонок
Снился кошке,
и она
Чуть не прыгнула спросонок
За добычею с окна.

Если б прыгнула — беда:
Вся разбилась бы тогда.

Луч,
скользнувший по окошку,
Разбудил мгновенно кошку.
Улыбнулся,
добрый,
ясный,
И сказал ей в тишине:
— Верьте мне —
не безопасно
Вам мышей ловить во сне!

Перевёл с даргинского Я. Козловский.

РАЗГОВОР У КОСТРА

Н. Александрова

Тихий летний вечер. Хорошо сейчас у костра! Вспыхнут порой сухие сучья, огонь осветит на миг лицо, выхватит из тьмы чей-то задорный вихор, блестящие, живые глаза. Но вот костровой бросит поверх огня охапку свежей травы, чтобы дымом отогнать комаров, и опять станет темно. Только прыгают искры с ветки на ветку да мерцают в глубине под тёмными сучьями красные угли. В тишине негромко звучат голоса. И о чём только не заходит речь у костра! Иной раз расскажешь такое, в чём и самому себе неохота признаться, вспомнишь то, что, кажется, уже давным-давно забыл. У пионерского костра говорят и о цели жизни, и о счастье на земле, и о тех больших людях, которые, как маяк, светят на жизненном пути, и о разных случаях, весёлых и грустных, смешных или страшных. Бывают такие рассказы, что всех ребят заставляют призадуматься. И очень часто услышишь у костра горячие споры о дружбе.

Многим почему-то кажется, что силу дружбы и товарищества можно проверить только в каком-нибудь необычайном случае. Ну, например, тонет человек, а ты его спасаешь, или с тобой случилась какая-нибудь беда, а верный друг тебя поддержит, поможет. Но правильно ли такое представление? Разве нельзя дружбу и товарищество проверить в самом обычном, будничном деле? Вот послушайте, о каком происшествии в походе зашёл однажды разговор у костра. Ничего тут опасного не случилось, все, как были живы-здоровы, так и остались, а между тем про троих ребят все узнали, какие они плохие товарищи.

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ТРОЕ УДРАЛИ КУПАТЬСЯ...

Дело было летом, в лагере. Шли ребята отрядом в поход. Жара стояла отчаянная, и мальчикам захотелось искупаться. Они сказали об этом вожатой. Но вожатая Вера была человек суровый и терпеть не могла, чтобы ребята отступали от намеченной цели. А тут именно так и получилось бы. Шли ребята по важному делу: им надо было непременно застать в колхозе одного человека. Опоздай они — он мог бы уйти. Поэтому Вера и сказала, что купанье, конечно, будет, но не сейчас, а попозже, на обратном пути.

Верное ли это было решение? Верное! Иной раз ради пользы дела приходится ведь кое в чём и отказать себе и потерпеть. Но бывают на свете такие люди: чего им вдруг захотелось, тотчас вынь да положь!

Три мальчика решили всё-таки выкупаться. Хоть тайком, да сейчас! В лесу спрятаться легко: свернул с тропки, скрылся за ёлочкой — и всё. Потихоньку ребята отстали от товарищей и побежали к речке.

Бегут и смеются:

— Вот чудаки! Жара такая, а они идут. Хорошо, что мы удрали. Сейчас выкупаемся!

Прибежали, разделись и прыгнули в воду. Покупались, поплавали всласть — вылезли на берег. Погрелись на солнышке — и опять в воду. До того докупались, что даже зябнуть стали, хоть солнце и печёт попрежнему. Перекупались, наверно! Да и время уж, судя по солнцу, подходит к двум часам, пора идти на обед. Вылезли ребята, оделись. А куда идти, не знают. То ли вслед за ребятами в колхоз, то ли прямо в лагерь.

— Да нет! — говорит Сева (он самый главный заводила и был).— Что нам в колхоз идти? Там уж давно ребят нет. Ждать они нас станут, что ли?!

И пошли в лагерь.

А ребята ждали. Как только заметили, что трое товарищей исчезли, так и дальше не пошли и не вернулись в лагерь, а стали их искать. Да и как могло быть иначе? Это — ведь твердое правило: в пути все друг за друга отвечают. Такое правило и у туристов, и у альпинистов, и у изыскателей-геологов, и у солдат, и у всех советских людей, когда им приходится выступать це-

лым отрядом. Один отвечает за всех, и все — за одного! Только благодаря такому правилу удаётся штурмовать самые неприступные горы и выполнять самые сложные дела.

Был случай на войне, когда знаменитый разведчик Михаил Коваленко потерял в разведке одного своего солдата. Дело было в тылу у фашистов, там разведчики идут не строем, как на параде, а далеко друг от друга, маскируясь, применяясь к местности. Вот один из них и пропал, потеряли его товарищи из виду. А уже близилось утро, начинало светать. Надо бы нашим солдатам уходить скорей на свою сторону: в стане врага уже началось движение, того и гляди, обнаружат их. А как уйти, бросив товарища? Как это, забыв про него, себя спасать? Как взглянуть в глаза однополчанам, как на свете жить с мыслью, что не выручил своего?

Нет, наши солдаты так никогда не поступают. Они стали искать пропавшего разведчика. Весь лес кругом обшарили. И всё тишком, ползком. Нельзя же аукаться, когда враг — вот он, рядом... И наконец нашли товарища, раненого, но живого. А фашисты их уже заметили. Открыли по ним стрельбу. Раненый идти не может. Тогда Коваленко взвалил его себе на спину и стал отходить вместе со всеми. Отходит, а сам отстреливается. И раненый с его плеча бьёт... Вот так и вышли...

Конечно, здесь, в лесу под Ивановом, совсем не то, что на войне. Никаких особых опасностей нет. Но ведь и мальчики в двенадцать лет — не бывалые солдаты с ружьями. Мало ли что может с ними приключиться!

— Самое последнее дело — потерять товарища. Пока мы ребят не найдём, никуда шагу не ступим,— сказала Вера.

Ищут ребята пропавших, беспокоятся, зовут.

Одного мальчика Вера послала связным в лагерь, чтобы предупредить, какая у них вышла история. Через некоторое время связной вернулся и сказал:

— Вера, а они уже все трое там. Я их сам видел...

Вернулся отряд в лагерь, и повстречались ему трое «пропавших». Те начали было рассказывать, будто заблудились в лесу, как-то потеряли дорогу и никак найти не могли. Но ведь правда всегда выйдет на свет. Иной раз даже по глазам видно, врёт человек или говорит правду. А тут и приметы ясные... У одного повязка была на ноге, врач утром бинтовал, а тут сразу видно, что сам перевязывал: верно, снимал, когда купался. У другого ольховая палка в руке, а такую палку нигде, кроме как на берегу, не срежешь... У всех троих руки и ноги исцарапаны. Ясно, через овраг лезли, только там такие «джунгли».

И зашёл тогда разговор о том, что же такой поступок значит? Велика ли беда, если трое пионеров побежали без отряда купаться на речку? Неужто же не может человек искупаться, если ему захотелось? Это Сева стал так говорить.

— Неужели, — говорит он, — мы кому-нибудь вред сделали своим купаньем или совершили что-нибудь дурное? Что вы нас все ругаете?

А Вера отвечает:

— Нет, мы вас не ругаем. Мы, если хотите, про вас даже и слова больше не скажем. Даже и вспоминать не будем, как четыре часа по лесу искали и беспокоились. Только ответьте вы мне, пожалуйста, на один последний вопрос: может ли так быть, чтобы одних солнце пекло сильней, чем других?

— Нет, конечно,— удивлённо отвечает Сева.— Какой странный вопрос!

— Конечно, странный! Я тоже так считаю,— говорит ему Вера.— Но как же это выходит, что всех солнце одинаково печёт, всем одинаково жарко, а купаться побежали трое? Что же им было жарче, чем всем, что ли?

Сева пожал плечами. Другие ребята тоже не сразу поняли, к чему клонится разговор. А Вера продолжает:

— Когда товарищи идут вместе, то всё вместе и переносят: холод, жару, голод, трудный путь, опасности. Все беды и горести, всё трудное, что встретится, делят поровну. Вот это и есть настоящие товарищи. А если при первой трудности бежит человек прочь,— значит, никакого чувства товарищества в нём нет, нет у него мысли о тех, с кем он вместе живёт, с кем вместе в одном строю стоит. И нельзя такого брать в серьёзный поход, там ведь и потруднее может быть испытание, и нельзя на такого надеяться ни в чём.

И все ребята согласились с Верой.

В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОГО

Валерий Вагранов

Учительница

В Сапожковской средней школе уже давно наступила пора летних каникул. Но если вы спросите, где преподаватель биологии Наталья Павловна Стаханова, вам очень редко ответят: «У себя дома». Вы услышите:

— Наталья Павловна? В походе.

— Наталья Павловна здесь, в школе. На втором этаже.

По железным ступенькам подниметесь на второй этаж, пройдёте по коридору направо и попадёте в комнату... Позвольте, да это же музей, самый настоящий музей!

На стенах развешаны рисунки, портреты, схемы и карты. Из застеклённых шкафов выглядывают чучела всевозможных птиц. В аквариуме шевелит усами ленивый сом, предприимчивый ёжик тычется остреньким носом в кадку с цветком, а на столах, стульях и даже на подоконнике — бесчисленные гербарии, коллекции, альбомы...

Наталья Павловна — маленькая худощавая женщина. У неё бледное, задумчивое лицо. Посеребрённые сединой волосы собраны узлом на затылке. Из-за очков глядят внимательные и умные глаза.

О Сапожковском районе она говорит с увлечением и так горячо, как только могут говорить люди, по-настоящему любящие свой край. Это и понятно! Ведь Наталья Павловна своими ногами исходила почти весь район, своими глазами видела его реки, поля, зелёные дубравы и овраги, своими руками собрала всё то, что находится в музее. Правда, Наталья Павловна — совсем особенный краевед: у неё сто шестьдесят глаз, сто шестьдесят рук и сто шестьдесят ног. В созданном ею школьном краеведческом кружке восемьдесят боевых и любознательных ребят — верных помощников учительницы.

Официально кружок существует семь лет — с 1947 года, но его история восходит к тем далёким временам, когда Рязанскую область называли губернией, Сапожковский район — уездом, а Наталья Павловна Стаханова звалась ещё попросту Наташей, заплетала волосы в косички, ходила в школу, — словом, было ей от роду двенадцать лет.

Ребята нашли кристалл кварца, а в нём «законсервированное» на тысячелетия растение далёких времён.

Старый доктор

...Однажды к домику наташиного отца Павла Петровича Стаханова прискакал на взмыленном коне гонец из села Можары.

— Их сиятельство захворали, господин доктор. Вас велели позвать...

Павел Петрович поморщился:

— Небось, опять объелся?

— Перекушали-с, — деликатно подтвердил гонец.

Спустя некоторое время земский врач уже был в усадьбе князя Щетинина.

— Интересно! Оч-чень интересно!

Но это относилось совсем не к князю и не к его пустяковой болезни. В руках Павла Петровича находился пергаментный свиток, чудом сохранившийся у князя от прапрапрадеда, сапожковского воеводы. Заглавная строка свитка начиналась словами: «Дело гнилой берёзы...»

...В старые времена рядом с землями сапожковских крестьян лежали земли князей Долгоруких. Их разделяла межа, а на меже, словно на границе двух государств, стоял берёзовый столб.

Шло время. Столб прогнил. И вот однажды он рухнул. Воспользовавшись этим, князья ночью захватили сапожковские земли и приказали распахать межу. Это был самый настоящий грабёж! Крестьяне решили искать защиту в суде.

Так возникло «дело гнилой берёзы». Оно тянулось целое столетие, и на последнее судебное разбирательство документы пришлось доставлять на двадцати восьми подводах. Но закон защищал тех, кто богаче; крестьяне остались ни с чем.

И тогда в деревне Коровино зазвучал набат. Мужики вооружались вилами и топорами, а князья Долгорукие спешно вызывали войска. На следующий день усмирённые «бунтовщики» были построены перед ощетинив-

После похода, за разборкой «трофеев».

шейся штыками шеренгой солдат. Дробно бил барабан, тонким голосом выкрикивал поручик:

— Первый, второй, третий, четвёртый... Выходи-и-и! Первый, второй, третий, четвёртый... Выходи-и-и!

Пороли каждого пятого...

Так закончилось «дело гнилой берёзы», о котором поведал Павлу Петровичу пожелтевший от времени свиток. Всю обратную дорогу доктор молчал в раздумье. У реки Пожвы валили леса. Лесорубы кричали: «Берегись!» — и вековые дубы печально склонились к реке, словно жалели её, обречённую на высыхание и гибель.

— Чьи леса, мужички? Кто приказал рубить?

— Князья Долгорукие...

Павел Петрович любил свой край заботливо и нежно. Он знал, что край богат, видел, что край красив, и понимал, что край несчастен, и в своём стремлении быть ему полезным взялся за изучение его прошлого, его природы, его богатств. Немало было в те времена таких краеведов-любителей среди образованных русских людей.

Из каждой поездки Павел Петрович привозил домой то камень с отпечатками давно исчезнувших на земле растений, то древнюю грамоту, то глыбу цветной глины, а однажды — ведро лечебной грязи, открытой им у берегов реки Михейчика...

— Когда-нибудь,— мечтал Павел Петрович,— когда-нибудь на Михейчике построят грязевую лечебницу...

Старому краеведу было трудно работать одному. Единственный помощник — дочка. Сначала девочка с любопытством рассматривала отцовские находки, потом ей захотелось и самой собирать, а вскоре ей представился случай участвовать в большом, интересном деле.

Крестьянин из села Канино шёл как-то на базар. Возле Малого Сапожка он хотел перепрыгнуть через ручей, поскользнулся и упал.

— А там, пропади она пропадом, какая-то кость. Здоровенная да тёмная, я такой и не видывал сроду. И откуда взялась такая мне на беду! Вишь, как руку рассадил...

— Большая, говоришь? Тёмная? — выспрашивал Павел Петрович, перевязывая руку пациенту.— А в каком это месте, растолкуй-ка, братец!

На следующее утро Павел Петрович запряг лошадь и вместе с Наташей отправился к Малому Сапожку. А ещё через пару дней во дворе Стахановых собралась целая толпа — подивиться на скелет исполинского оленя. Вот это зверь! Высота — четыре метра, а между концами рогов — все шесть!

Через полчаса, когда двор опустел, Наташа записала в тетрадь перечень всех костей, чудесную находку перетащили в сарай «до лучших времён», а Павел Петрович... Павел Петрович загрустил.

— Много ли мы с тобой можем, Наташа? — сказал он вечером, укладываясь спать.— Мало, до обидного мало! Нас только двое, а чтобы изучить такой край, надо, знаешь, сколько? По крайней мере десяток людей!

Скромные мечты? Да, очень скромные. Но что попишешь! Занимаясь урывками любимым делом, не имея ни средств, ни поддержки властей, старый врач понимал своё бессилие.

Любовь к родному краю и глубокая вера в

лучшие времена обостряли его глаз, его память, давали силу и упорство в работе.

Труды Павла Петровича Стаханова не пропали даром. После революции, в 1920 году, на основе его находок в Сапожке был создан краеведческий музей. У реки Михейчик, в том самом месте, где он открыл целебные грязи, построен санаторий. Много научных работ по краеведению, написанных Павлом Петровичем, стало известно на всю страну. А скелет исполинского оленя — единственный целый экземпляр, найденный в нашей стране, — перевезён в Палеонтологический музей Академии наук СССР.

Осуществилась его мечта о широких исследованиях родного района. Этим занимаются и учёные — работники музея и краеведы-любители. А его дочь Наталья Павловна, учительница Сапожковской школы, сумела зажечь мечту старого доктора в сердцах ребят, своих учеников.

Кружок действует

Первый интерес к делу, первые навыки появились в походах, в экскурсиях, в живых рассказах учительницы на уроках.

Невзначай подобранный учительницей камешек, пристальный интерес к какой-то малоприметной травке на краю тропки приучали и ребят зорче смотреть вокруг. Внимание, с которым Наталья Павловна встречала каждое ребячье открытие, каждую порой незначительную находку, — всё это вызывало охоту искать, открывать, допытываться. А отсюда был всего один шаг до настоящей пытливой работы, до организации школьного кружка юных краеведов. И кружок был организован. Прошлое и настоящее края, растительный и животный мир, полезные ископаемые, климат — вот вехи, намеченные с самого начала пути.

Наталье Павловне помнилось, что ещё во времена её детства река Пожва была шире, полноводнее. Ребята стали расспрашивать старожилов. Михаил Иванович Калашников, житель деревни Зарощи, подтвердил это.

— Эх, внучата, — сказал он, — когда-то и по ней гуляли волны... Обмелела наша речка, высохла. У нас в Зарощах из-за этого все колодцы пропали, по воду на ключ ходим... А ведь раньше Пожва и длиннее была...

Пожва была длиннее? Это новость.

Наталья Павловна достала в районном музее старую топографическую карту. С этой картой юные краеведы облазили все речки и ручьи, впадающие в Пожву, и обнаружили, что шесть быстрых ручейков исчезли: на карте — есть, на месте — нет. Насчитали несколько десятков новых оврагов, словно щупальцы протянувшихся к колхозным полям. А когда прошли всю Пожву от начала до конца, увидели, что действительно укоротилась река — вместо шестидесяти одного километра стало в ней пятьдесят шесть!

В чём дело?

— Лес реку поит, — сказал ребятам Михаил Иванович Калашников. — Летом от солнца кто защищает? Лес. Весной кто не даёт разливаться? Лес. Деревья, точно гвозди, держат землю. Гвозди вынули — вот и разошлась земля оврагами. Размывает её дождями, сушит ветрами. Да что говорить, — обмелела Пожва!

Вот тут-то и вспомнилась Наталье Павловне древняя грамота сапожковского воеводы. Рассказала она ребятам, как отнимали князья Долгорукие крестьянскую землю на Пожве, как вырубали они леса у Пожвы, как валились вековые дубы, оставляя реку без защиты.

Прошлое родной реки вставало перед глазами юных краеведов. Им захотелось помочь ей, остановить обмеление. И вот на пришкольном участке зазеленела первая партия молодых дубков. А когда деревца окрепли, школьники торжественно высадили их над Пожвой.

Тысяча двести двадцать четыре дубка — эту цифру с уважением повторяют в Сапожке. И нет ничего удивительного, если у юных краеведов появилось немало друзей и советчиков среди жителей Сапожка и окрестных сёл.

Михаил Иванович Калашников, тот, что рассказывал о Пожве, как-то при встрече заговорил о том, что, мол, в старое время местный богач Кошелев «ковырялся в земле, искал что-то».

— Вы придите к нам в Зарощу, поглядите, — добавил старик, — небось, не зря он искал.

И он улыбнулся в усы лукаво и добродушно.

Потом пришли ребята из ближнего села.

— Эти камни простые или, может, какие нужные?

Узнали юные краеведы от одного деда, с которым познакомились в походе, что в 1914 году, «как раз перед самой войной», помещик Кисловский добивался у царского правительства постройки железной дороги «куда-то в наши края».

— Куда, дедуся? — наседали ребята.

Они уже понимали, что зря железнодорожную ветку к глухим сёлам не стал бы вести помещик.

— Не то в село Постотино, не то в Плоское... Запамятовал я... Но строить он хотел — это помню. Даже шпалы возили. Так что вы проверьте, потому не зря Кисловский дело затевал.

И колхозница из села Марфинки, приехав в Сапожок на базар, забежала в школу со своими новостями.

— Я посмотрела — будто там кто воз с горшками перевернул! Полно черепков... Взяла один, а он какой-то не по-нашему сделанный, словно корзинка плетёная. Э-э-э, видать, старинные

горшки-то, может, даже при царе сделаны или ещё раньше... Я слыхала, и учёные люди такими интересуются.

Одним словом, план работы школьного краеведческого кружка составляли друзья со всего района. И ребята ходили в разведку, вооружённые точными «адресами» и приметами. А Павел Петрович мечтал когда-то о десяти помощниках...

Мамонт

Малую берцовую кость мамонта обнаружили в самом центре Сапожка, у палатки «Утильсырьё». Кость держал в руках неизвестный дед и собирался было положить на весы, как вдруг услышал звонкий мальчишеский голос:

— Ой, подождите, дедушка!

Дед оглянулся. Перед ним стоял Валька Усков.

В прежнее время Валька попросту прошёл бы мимо, не обратив на деда внимания. Ну, может быть, остановился бы на минутку просто так, из любопытства. Подумал бы: «Ого, какая кость здоровенная!» — и побежал бы дальше. Но истинный краевед Валька Усков не мог пройти равнодушно мимо загадочной кости какого-то огромного зверя.

— Дедушка! Разве можно такую кость в утиль? Она же для науки нужная!

Через несколько часов первая партия археологов в составе пяти человек отправилась в поход. К вечеру добрались до села Парышково. Дед пригласил путешественников на ночёвку и оказался на редкость разговорчивым.

— А вы знаете, почему ваш город Сапожком прозвали? — спрашивал он ребят, хитро подмигнув левым глазом.

— Знаем, знаем! Ехал Борис Годунов, обронил сапог...

— Э, нет,— перебил дед,— это всё россказни, а вот как на самом деле было...

И шёл рассказ о том, что в Москве несли когда-то воинскую службу казаки. Из всех святых они молились святому Николе, тому самому, которого рисуют на иконах в сапожках. Поэтому и место своего жительства в Москве они назвали Сапожковской площадью. За ратные подвиги им дали земли в Рязанском княжестве. Году в тысяча шестьсот пятом, а может, и раньше, казаки заложили здесь город и по старой памяти назвали его Сапожком...

— Откуда вы это знаете, Степан Иванович? — удивились ребята.

— Это ещё мой дед рассказывал. «Мы, дескать, казаки, от них ведём свой корень...» А вот хотите послушать, как княгиня Козловская своего парикмахера три года в клетке держала?

— Хотим, хотим!

...Из-под песка выглянул пожелтевший бивень.

— Или, может, о том, как исправника высекли?

Рассказ шёл за рассказом.

Утром двинулись на поиски. Впереди, точно командир отряда, шагал дед, за ним — Наталья Павловна, а ребята, чтобы не пропустить чего, наступали цепью, словно шли в атаку.

Недалеко от реки Мостьи, там, где начинается овраг Лютик, старик остановился и сказал:

— Здесь.

Спустились в овраг и пошли по его песчаному дну, внимательно вглядываясь в землю. Валька Усков маленькой лопаткой на всякий случай тронул песчаный бугорок у себя на пути. Песок осыпался и открыл пожелтевшую кость.

— Сюда! Сюда! Сюда! — закричал Валька, боясь сдвинуться с места.

Под неглубоким слоем песка оказался мощный пласт ископаемого торфа. Здесь, в этом пласте, оказался мамонт, сотни тысяч лет назад утонувший в первобытном болоте. Сохранились кости стопы, два коренных зуба, крестец, бивень. Уцелели шерсть и даже кожа. Она порыжела и стала походить на замшу.

На этом, собственно, кончается история с мамонтом. Зато начинается целая серия новых замечательных находок, сделанных ребятами.

Черепки у Бабьего городища («Будто воз с горшками перевернулся!») действительно оказались остатками древней посуды, сделанной очень искусно: и вафельная поверхность и ребристая...

На горе Кривель ребята обнаружили стоянку первобытного человека. Нашли остатки древесного угля (очевидно, на этом месте горел костёр), нашли множество каменных орудий. Тут были и наконечники для копий, и скребки, и каменные ножи, и иглы...

На вершине горы Кривель...

Поход на гору Кривель запомнился ребятам надолго. Им пришлось заночевать на горе. Разожгли костёр, уселись вокруг него, и Лёня Устинов принялся фантазировать. Впрочем, это была не совсем фантазия. Всё, о чём говорил Лёня, подтверждалось находками.

— Волны вздымались в этих местах,— говорил Лёня, — и огромные зубастые ихтиозавры, рыбоящеры бороздили морские просторы. Через много миллионов лет море ушло, вытесненное сушей, а ещё через миллионы лет с севера пришёл ледник. Замерла вся жизнь на долгие времена. А когда ледник стал таять, отступать к северу, на смену карликовым ивам и берёзкам выросли сосны. Не переставая, лили дожди, в тумане бродили мамонты, носороги, исполинские олени... И вот однажды здесь, на горе Кривель, вспыхнул огонёк. Первый огонёк первобытного человека!..

Яркие языки пламени освещали ребят, и представлялся им огонь древнего костра и вокруг него люди в звериных шкурах, оттачивающие кремнёвое оружие, готовясь к охоте.

Хозяйский глаз

Каждый новый день приносил с собой и новые сведения о районе — одни удивительнее других. В долине Неугомонки и у ручья Левки, откуда деревенские ребята принесли образцы серых гладких камней, экспедиция юных краеведов нашла запасы фосфоритов. В другом путешествии открыли залежи натуральных красок.

Ничто не могло укрыться от зорких, внимательных глаз. Обследовав местность вокруг сёл, к которым помещик хотел проводить железную дорогу, они обнаружили драгоценную фарфоровую глину — каолин. Нашли они и кварцевый песок, и железную руду, и глины, годные для выделки кирпича и черепицы.

Уважение и любовь к родному краю росли с каждым днём. А если к этому прибавить, что сведения о богатствах района добывались самими ребятами в далёких походах — с ночёвками у костра, с переходами под проливным дождём или палящим солнцем с тяжёлыми рюкзаками на плечах,— то станет понятной радость, которую давали эти открытия.

...Однажды в школе устроили «концерт полезных ископаемых». Это была мысль Натальи Павловны. Пригласили гостей — как раз в Сапожке проходила областная конференция краеведов. Пришли и ребята из соседних школ.

Поднялся занавес, и на сцену вышел Алик Кашенцев, шестиклассник. Он был одет в коротенький серый костюмчик и серую шапочку.

— Я фосфорит,— заявил Алик,— залегаю у рек Михейчик, Мостьи и у ручья Левка. Жду с нетерпением, когда меня начнут разрабатывать, когда я переселюсь на наши поля и буду увеличивать колхозные урожаи.

Зал шумно аплодировал.

Потом на сцену вышел «кварцевый песок»:

— У нас в Сапожке можно построить стекольный завод. В нашем районе должно быть своё стекло! Коли нашли меня, кварцевый песок, стало быть, стекло есть из чего делать.

Коля Назаров был «смешанным персонажем». Он изображал и каолин и строительные глины.

— Залежи каолина не так уж часто встречаются,— сказал Коля.— Я каолин, и хороший каолин. Меня много в Сапожковском районе. У нас можно делать фарфоровую посуду. Сапожковский фарфор! Это звучит неплохо. А сапожковская черепица и кирпич? Их тоже есть из чего делать. Моих запасов надолго хватит...

В этих коротких выступлениях ребят можно было уловить главную мысль: всё, что найдено и открыто, должно обязательно приносить пользу. Их волновали десятки, сотни вопросов, связанных с судьбой района. И отсюда рождались новые планы, новые дела.

Каждый год сапожковская аптека рассылала всем школам района и медицинским пунктам в деревнях и сёлах задания по сбору лекарственных трав. Задания были для всех одинаковы: «Вам надлежит собрать два килограмма ландыша, один

килограмм папоротника, три килограмма горицвета...» и так далее.

Задания почти никогда не выполнялись, потому что ученикам парышковской школы, например, просто негде было взять два килограмма листьев наперстянки: её и в помине нет близ Парышкова. А вот папоротника — хоть целую тонну! Но его требуют только один килограмм. В других местах района можно набрать сколько угодно пастушьей сумки, а в третьих — берёзовых почек либо шалфея.

Как тут быть? Как помочь аптеке?

На заседании кружка Наталья Павловна предложила изучить лекарственные травы всего района.

— Польза двойная,— сказала она.— Во-первых, узнаем растительный мир края, а во-вторых, поможем аптеке.

Так и сделали. С необыкновенной тщательностью ребята стали исследовать, какие лекарственные травы растут по родным лугам и лесам.

Когда исследования закончились, на столе заведующего аптекой появилась карта лекарственных растений района. Посмотришь на неё — и сразу становится ясно, где какие травы растут. «Итак,— думает заведующий,— жителям реки Мошки надо собирать только череду и водяной перец. А жителям села Чёрная Речка собирать только змеевик... А здесь можно дать задание на крушину». И район стал выполнять план по сбору лекарственных трав.

Шло время. Хозяйским оком следили за жизнью района кружковцы. И однажды... Однажды их можно было застать за довольно странным с виду занятием.

Пять девочек сидели на траве, склонившись над деревянным квадратом из реек длиною в метр, и перекидывались такими фразами:

— Два хвоща, четыре ромашки, один лютик, три клевера, ещё три хвоща, опять лютик... Записала? Можно дальше?

— Погоди, сколько клевера? Три? Можно...

Так продолжалось изо дня в день — в течение целого месяца.

— Пять лисохвостов, две чемерицы, одна осока, опять чемерица...

Ребята узнали, что в колхозе имени Крупской, самом крупном животноводческом колхозе района, не совсем хорошие удои. Хотя колхоз заготовляет много сена, сено это, повидимому, плохое. А если так, надо вести большую работу, изменять состав почв и растений на колхозных лугах.

И вот ребята захотели оказать посильную помощь колхозу, проверив растительность на его лугах.

Из каждых двухсот метров луговой поверхности они проверяли один квадратный метр, подсчитывая на нём количество кислых и сладких трав. Лучшим кормом для скота являются сладкие травы: лисохвост, костер, тимофеевка, клевер, люцерна. Кислые травы — щавель, осока, череда — намного снижают качество кормов. Но есть ещё и ядовитые травы, которые совсем вредны животным. Их тоже необходимо знать: лютик едкий, прищипинец, чемерица, водяной перец.

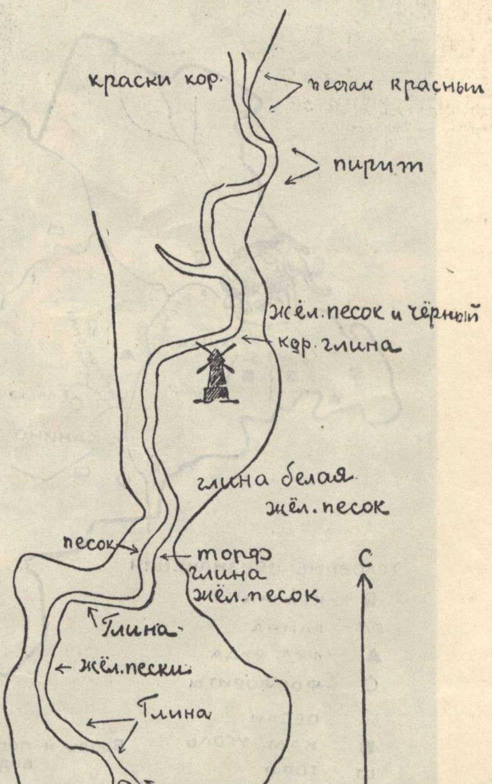
Обследование колхозных лугов показало, что вредных и кислых трав на каждом квадратном метре семьдесят пять процентов!

Однажды кто-то постучал в дверь кабинета председателя колхоза имени Крупской.

Вошёл Коля Гагин, застенчиво поздоровался и рассказал председателю, как они подсчитывали колхозные травы.

Прощаясь, он положил на стол аккуратный листок бумаги, на котором было записано всё, что узнали ребята.

Председатель колхоза крепко пожал руку Коле Гагину.

Это листочек из походного блокнота одного из участников путешествия по реке Мостье. Вот как много открытий сумели сделать ребята за один раз!

Школьный музей

Если зайдёшь в школьный краеведческий музей, наверняка просидишь там целый день.

Вот необычайно увлекательный отдел: «Этнография района». Здесь собрано всё, до чего докопались ребята, изучая названия рек, ручьёв, оврагов, деревень.

А вот огромный альбом: «Искусство сапожковцев». Не поленились же краеведы обойти тысячи домов и перерисовать сотни наличников! Каких только орнаментов здесь нет! И строгие, выдержанные в прямых линиях, и необычайно затейливые, в завитушках и кружочках, словно танцующие на бумаге...

«Животный мир нашего края» — это следующий отдел. На стенах висят нарисованные ребятами плакаты. Один называется «Давным-давно»: чудовищные ихтиозавры и летающие ящеры, огромные мохнатые мамонты, неуклюжие носороги, исполинские олени, давно вымершие моллюски древних морей... А вот другой плакат: «Животный мир района в наши дни». Здесь мы находим старых знакомых: волка, лисицу, зайца.

В альбоме «Наши реки» вы прочитаете: «На реке Пара можно построить электростанцию в 450 лошадиных сил. Этого хватило бы и для фарфорового и для стекольного завода».

Идём дальше по музею и видим целую галерею портретов: учёные Мичурин, Павлов, Циолковский, изобретатели Яблочков, Казаков, Черепанов, путешественник Семёнов-Тяньшанский, поэт Полонский, мореходец Головнин, скульптор Голубкина...

Над портретами читаешь надпись: «Наши знаменитые земляки». Заглянули краеведы в историю рязанской земли, и оказалось, что много славных русских людей дала она нашей большой Родине.

У самой двери висит карта Советского Союза. Сапожка на ней не увидишь, а район — маленькое пятнышко. И после всего, что вы здесь узнали, кажется вам, что подошла к этой карте Наталья Павловна Стаханова, взяла в руки огромное увеличительное стекло, навела на маленькое пятнышко, и оно вдруг начало расти, увеличиваться... Вот показался Сапожок, вот реки Пожва, Мостья, ручей Левка. Голубоватыми пятнами выступает в обнажениях каолин, золотятся кварцевые пески, ржавым глазом глядит бурый железняк. А вот и гора Кривель, на ней полыхает костёр, вокруг сидят ребята и мечтают о новых походах, новых открытиях и находках.

Вдоль и поперёк исходили ребята родные места. По этой карте видно, как много они узнали, увидели, нашли.

ИЗ ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ.

Ю. Васильев.

НА ПРИЁМЕ.

И. Шевандронова.

ПЕТЯ

Георгий Кубанский

Рисунки Н. Цейтлина.

Петя был счастлив! Вся его плотная фигурка, широкое лицо с узко прорезанными глазами, чёрными и быстрыми, даже походка говорили о том, что всё на свете устроено хорошо, именно так, как хотелось ему, воспитаннику суворовского училища Петру Вихрову. Оставалось лишь наслаждаться солнечным морозным днём, первым увольнением из училища, близкой встречей с мамой и товарищами. Хотелось поскорее показаться дома в ладно пригнанной форме с блестящими пуговицами, рассказать о новом, суворовском житье-бытье. Всё сегодня казалось Пете прекрасным: знакомая с детства Набережная, речка с наметёнными по сизому льду снежными косами и чуть дымящейся чёрной прорубью, голые деревья в искристой бахроме инея.

Петя шагал не спеша, с достоинством, как человек, заслуживший право на отдых. Стоило ему заметить офицера, как шаг его становился твёрже, а рука взлетала вверх и чётко застывала у виска. Даже жалко было, что так редко встречались офицеры на тихой Набережной.

Крутой обледенелый скат, спускавшийся к замёрзшей речке, Петя заметил ещё издали. На вершине ската шумели ребята. Из голосистой кучки спорщиков один за другим отделялись мальчишки. Размахивая руками, скользили они вниз по раскатанному спуску. Вот один не устоял на ногах и свалился. Под дружный громкий хохот товарищей он так и покатился дальше, сидя. Другому совсем не повезло. Чувствуя, что падает, мальчуган попробовал извернуться и... грохнулся на живот. За ним и третий поехал на спине, смешно дрыгая в воздухе ногами в больших подшитых валенках.

Зато последний — тонкий, гибкий мальчуган в чёрной шапке с болтающимися ушами — ловко скользнул с вершины. Стоя на согнутых, слегка пружинящих ногах, он стремительно мчался к застывшей тёмной реке.

— Сеня, Сеня! Дава-ай! — восторженно кричали сверху.— Держи-ись! Сеня-а!

Сеня мчался всё быстрее, пригибаясь и ловко балансируя руками.

Шум и крик наверху всё усиливались. И когда Сеня с громадной скоростью выехал на речной лёд и устоял на ногах, ребята подняли такой крик и свист, что летевшая к проруби старая ворона испуганно шарахнулась в сторону.

— Проиграли набережнинские! — надрывались на круче и бросали вверх шапки.— Тю-у, набережнинские! Тю-у! Платки на вас надеть и косички сзади прицепить!

Петя зорко следил за каждым движением своего давнишнего соперника Сени Тишина. Глаза его заблестели. Губы вытянулись дудочкой, словно мальчик собирался свистнуть.

Соперничество у них было давнее. Петя был вожаком набережнинских мальчишек, а Сеня — некрасовских. Петя лучше плавал и почти всегда брал верх над Сеней в борьбе. Зато Сеня был быстрее, ловче и чаще побеждал в играх. С годами соперничество не только не ослабевало, но, наоборот, усиливалось. Оборвало его поступление Пети в суворовское училище. Но сейчас, когда Петя услышал радостные возгласы ребят с Некрасовской улицы, что-то с неожиданной силой вспыхнуло в нём, заслонило маму, сестрёнку Леночку и верного друга—рыжего мохнатого Тузика. Всё тело Пети стало упругим, сильным, готовым отстаивать доброе имя улицы, где он родился и вырос.

— Ничего не проиграли! — закричал он, подбегая к товарищам.— Я же тоже набережнинский!

— Петя! — узнали его ребята.— Докажи, Петушок! За всю улицу!

Один лишь беленький, чем-то похожий на девочку Васючок тоненько протянул:

— Ой, какой ты-ы! Дай хоть поглядеть на тебя!

В общем шуме никто не услышал голоса Васючка. Не слышал его и Петя.

Он подошёл к спуску. Слегка взмахнул руками и понёсся вниз. Жгучий морозный ветер ударил в лицо, перехватил дыхание. Сизая гладь реки будто поднималась ему навстречу. Холодные слёзы замутили взгляд, прикрыли дрожащей плёнкой далёкую чёрную прорубь и снежные косы...

И вдруг... под ногу подвернулся какой-то бугорок. Петю резко бросило в сторону. Стараясь удержаться на ногах, он сделал руками движение, словно хотел ухватиться за воздух, и упал на спину. Стараясь подняться, Петя перевернулся. Напрасно! Раскатанный лёд был так гладок — не схватишься. Так Петя и съехал на животе до самой реки.

Он поднялся, красный от стыда и обиды.

Наверху что-то кричали ребята. Но Петя даже не взглянул на них. Он должен съехать со спуска на ногах. И не как-нибудь съехать, а лучше Сени Тишина. И надо же было ноге зацепиться! Всё шло так хорошо...

Чтобы отдышаться, Петя не стал карабкаться по скользкой тропинке, а пошел в обход, по Набережной.

— Товарищ воспитанник!

Петю словно встряхнули.

Возле него стоял полковник с пушистыми седыми усами.

— На кого вы похожи? — спросил полковник.— Извалялись в снегу. Шинель на спине горбом. Шапка съехала набок. Дайте-ка ваш личный знак.

Петя, неловко, одной рукой одёргивая шинель, другой шарил в карманах — искал личный знак.

— Чем у вас набит карман? — спросил полковник.— Покажите.

Петя густо покраснел и с трудом вытащил из кармана большой растрёпанный свёрток.

— Кости? — удивился полковник.— Зачем вам кости?

— Не мне,—пробормотал Петя.—Это... Тузику.

— Тузику? — Полковник шевельнул пушистыми усами.— Надо в руке нести пакет, а не набивать карман.

Петя молчал и только исподлобья посматривал на сердитого полковника.

— Что ж мне теперь делать с вами? — спросил полковник.— Неловко даже... суворовца, будущего офицера, сдать патрулю.

— А вы отпустите его! — посоветовал полковнику подошедший Васючок.— Он больше не будет.

Полковник даже не взглянул в сторону Васючка.

— Доложите командиру роты,— сказал

— На кого вы похожи? — спросил полковник.

он,— что полковник Долгих наложил на вас взыскание: две недели без увольнения.

— Две недели... б-без увольнения,— запинаясь, повторил Петя.

Он быстро, не поворачивая головы, осмотрелся.

Кругом стояли ребята. На лицах у них было столько восхищения... Ещё бы! Старый, седоусый полковник отчитывает Петьку с Набережной. Да ещё и на «вы»!

Один Васючок толкал Петю кулаком в бок и громко шептал:

— Скажи, что больше не будешь... Скажи!

Петя опустил глаза. Он увидел полу шинели в снегу, сбившуюся набок пряжку ремня и как-то невпопад пробормотал:

— Я в первый раз... У меня ещё не было взысканий.

— Не было? — переспросил полковник.— Очевидно, не было и нарушений. А раз нарушили... Какой вы роты?

— Пятой,— ответил Петя.

— Кто у вас командир роты?

— Капитан Мартынов.

— Не забудьте доложить капитану Мартынову о взыскании,— напомнил полковник.

Он приподнял руку к козырьку и пошёл дальше.

Ребята плотным кольцом окружили Петю. Их лица выражали восторг. Подумать только! Попало Пете от полковника. А как он говорил: «Будущего офицера...»! Даже честь отдал Петьке! Такого никто не удостаивался ни из набережнинских, ни из некрасовских ребят.

Самому же Пете было очень невесело. Как вернётся он завтра в училище, подойдёт к командиру роты? Что будет?

— А ты молчи! — подмигнул ему Сеня Тишин.— Станет полковник думать о таком мальце, как ты! Припугнул — и всё! Вот Павка Лихов в среду прицепился на коньках к машине. А милиционер его цап! Адрес записал. Школу! И ничего. Никто не приходил.

— И это милиционер! — поддержал Сеню Васючок.— А то полковник! Станет он бегать из-за тебя!

Петя слушал товарищей, соглашался с ними. А из головы не выходило: «Как же завтра, в училище? Вот так съехал с горки!»

Впрочем, как только Петя переступил порог своего дома, увидел маму, сестрёнку и косматого горластого Тузика, все огорчения вылетели из памяти. Мама обнимала его. Леночка радостно прыгала и била в ладоши. Но больше всех суетился и шумел Тузик. Он то скакал по комнате и лаял — радостно, звонко,— то яростно скалил зубы и рычал на свой хвост, сердясь, что какая-то зловредная блоха мешает ему приветствовать хозяина.

Знал бы кто, как короток первый выходной день суворовца! Надо всем показаться, обойти родных. А сколько накопилось у него нового! И всё такое интересное. Сколько ни рассказывай, а мама слушает и слушает. Леночка восторженно повизгивает, Тузик ухватил зубами за штанину и тянет, рычит: «Пойдём повозимся. Я так по тебе соскучился». А под окном уже кричат ребята, зовут:

— Петя! Пе-еть!

Воскресный день пронёсся стремительно. Словно скользнул с ледяной горки, промчался мимо многих знакомых лиц, домов... И вот уже Петя у ворот с каменными львами. Простился с мамой, пожал руки провожавшим его товарищам. А когда простился, вспомнил о полковнике. И сразу острое беспокойство заслонило пережитые радости.

«Смолчать или сказать? — думал Петя.— Сеня прав. Не станет полковник бегать из-за меня в училище».

Но тут в памяти встало строгое лицо полковника, слова «будущий офицер». Нет, смолчать о случившемся — значит проявить трусость...

Поднимаясь по широкой мраморной лестнице и размышляя, что делать, Петя чуть не наткнулся на старшину.

— Товарищ старшина!— голос Пети сорвался, звучал сипло.— Воспитанник Вихров прибыл из увольнения.

Старшина посмотрел на запнувшегося мальчика с влажным лицом и красными ушами.

— Всё благополучно? — спросил он.

— Полковник Долгих...— Петя запнулся и, словно опускаясь в холодную воду, выдохнул,— дал мне две недели... без увольнения.

— Две недели!— повторил старшина.— Плохо начали.

Пете очень хотелось рассказать о том, как это произошло. О Сене Тишине, о круче и Тузике. Как всё это захватило его! Но сказал он совсем другое: о том, каким увидел его полковник.

— Можете идти,— отпустил его старшина.

Петя взял поданный ему листок, исписанный крупным, чётким почерком.

Петя ходил по двору туча тучей. Ему не хотелось ни бегать, ни играть с ребятами.

Невесёлые мысли его перебил чей-то звонкий голос:

— Вихрова!.. К командиру роты!

— Вихрова к командиру роты! — подхватили воспитанники.— Вихрова!

Еле переступая ногами, Петя вошёл в знакомый кабинет.

— По вашему приказанию воспитанник Вихров...

И покосился в сторону стоящего возле окна старшины.

— Тут письмо пришло,— сказал командир роты, подавая Пете голубоватый листок.— От полковника Долгих.

— Я уже доложил,— вздохнул Петя и посмотрел на старшину.

— Знаю, что доложили,— сказал капитан Мартынов.— Прочтите письмо.

Петя взял поданный ему листок, исписанный крупным, чётким почерком.

«Воспитанник Вихров,— читал Петя,— за появление на улице в неопрятном виде получил от меня взыскание: две недели без увольнения. Однако, поскольку Вихров в прошлом не имел взысканий (по его словам) и честно передал командиру роты о полученном им наказании, наложенное на него мной взыскание я снимаю.

Гвардии полковник Долгих».

Петя опустил руку с письмом. Он растерялся и не знал, что сказать выжидающе посматривающим на него командиру роты и старшине. Он даже не сразу понял, что гроза, висевшая над его головой, прошла. А когда понял, то заметил яркий свет в комнате, и весёлые цветные разводы обоев, и еле приметную довольную улыбку командира роты. Петя не выдержал: лицо его расплылось в широкой, совсем не воинской, а самой обыкновенной мальчишеской улыбке.

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ В АФРИКЕ

Е. Кузнецова

Утро разгоралось жаркое и такое влажное, что всё на палубе — и широкие перила, и соломенные кресла, и пол — было мокро, как после дождя. Близость Африки давала себя знать. Через несколько часов наш пароход должен был пришвартоваться в африканском порту. Мы ехали в Африку на Международный конгресс геологов. А до заседаний конгресса и после них нам предстояли интереснейшие путешествия: в Атласские горы, в пустыню, в тропический лес.

И вот между яркосиним небом и зеленоватыми грядами волн показалась узкая полоска земли. Ближе... ближе... Уже стали видны очертания волшебно-прекрасного города. Он раскинулся террасами на прибрежных скалах, поднялся стройными минаретами, засверкал белизной домов...

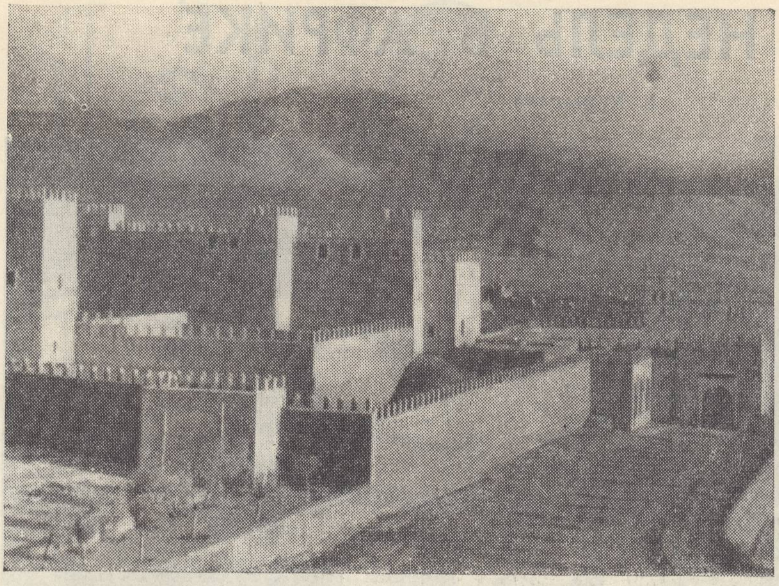
Африка! Я давно мечтала увидеть её. Ведь все мы, геологи,— путешественники по призванию, мы привыкли и любим экспедиции, мечтаем о дальних дорогах. А Африка — вдобавок один из самых интересных на свете материков с точки зрения геологической.

Впрочем, не будем касаться геологического строения Африки — это вопрос специальный. Поговорим о том, что изображено на снимках.

Первые два снимка сделаны мной на Северном побережье, где началось наше путешествие.

Мы ехали на пароходе вдоль берегов Туниса, Алжира, Марокко. Берега здесь чаще всего скалисты, они густо поросли лесами и очень напоминают наше Черноморское побережье. Вглядываясь в берег, мы невольно искали пальмы — эти, казалось бы, такие обязательные для Африки деревья. А их не было — были сосны и дубы,

На первой фотографии на 53-й странице вы видите площадь в Касабланке. Вот такими красивыми многоэтажными домами и застроены европейские кварталы. А лачуги настоящих хозяев Африки вы видите на втором снимке. В Северном Марокко я видела хижины из хвороста и соломы, а в Алжире — халупы из глины. Город Касабланка известен своими страшными «бидонвиллями». В переводе это значит «бидонные города», города-жестянки. Люди живут там в крошечных конурках, сооружённых из разного хлама. Листы ржавого железа, старые бочки, тряпьё — всё идёт в ход. «Бидонвилли» есть почти в каждом городе. В Касабланке их несколько, и живут там десятки тысяч человек. Но и в этих трущобах жизнь не всем доступна. Ведь за право иметь даже такой кров тоже надо платить. И многие ночуют на улицах.

Почти все эти бездомные были прежде земледельцами. Но колонизаторы захватили самые лучшие земли, оставив жителям лишь немного пахотной земли, да и то очень скудной. Большинство крестьян арендует крохотные клочки земли и за это платит четыре пятых своего урожая. Этих бедняков в Алжире так и зовут — «хаммес», что значит «пятая доля». Отдав четыре пятых своего урожая, конечно, трудно крестьянину прокормить семью. В неурожайные годы люди, спасаясь от голодной смерти, бредут в города, но и там не находят заработка.

Основное население Северной Африки — это арабы и берберы. Среди них есть кочующие племена и племена оседлые, земледельческие.

В Марокко мы видели глинобитные деревни —

немного похожие на наши. Стволы дубов были внизу красными. Это удивило нас. Но потом мы поняли, в чём дело: с них содрана кора. Дубы-то здесь пробковые! Кора-пробка лежала тут же, неподалёку, длинными штабелями. Отсюда она пойдёт в города всего мира...

Наш пароход время от времени останавливался. Мы делали экскурсии вглубь страны, осматривали города.

Нигде не приходилось мне видеть толпы такой яркой и пёстрой, как в африканских городах, — удивительное разнообразие наций, лиц, одежд, языков! Вот идут смуглые красавцы в белых и яркополосатых халатах с капюшонами, откинутыми на плечи, — это арабы. Вот полуобнажённые стройные негры. Вот марокканские евреи в чёрных одеяниях. В толпе смешались мальтийцы, итальянцы, турки, греки, берберы.

Самое шумное и людное место в мусульманских городах — базар. Здесь назначаются деловые свидания, здесь обедают, здесь развлекаются; на базаре вы можете увидеть и укротителя змей, и дрессировщика обезьянок, и фокусников, и акробатов. Допоздна шумит город. С гудками машин сливаются жалобы нищих и крики разносчиков. Джазовую музыку ресторанов временами прерывают заунывные крики муэдзинов. С высоты своих минаретов муэдзины призывают мусульман к молитве.

Мечети — мусульманские храмы — почти все удивительно красивы. Они находятся в центре медины — древней части города. Медину, тесную, неудобную, тёмную, сжимают со всех сторон дома, построенные европейцами; эти роскошные кварталы, в свою очередь, окружены хижинами бедняков, а дальше идут богатые загородные дачи.

Сочетание сказочной роскоши, в которой живут колонизаторы, и ужасающей нищеты народа — вот что такое африканский город, издали, с парохода, показавшийся нам столь прекрасным.

ксары; они располагаются обычно на склонах гор и строятся ступеньками; домики лепятся один к другому, один над другим. Издали ксар кажется многоэтажным домом. Рядом с деревней помещается казба — дом землевладельца, вождя племени. Когда-то это были крепости, защищающие население от набегов кочевников. Казба тоже глинобитная. Когда издали смотришь на казбу и ксар, они кажутся неприступными: сомкнутым строем стоят дома, высокие стены ограждают казбу, узкими бойницами насторожённо глядят её башни (снимок вверху на странице 54). А на самом деле эти строения очень непрочные. Любой ливень может их размыть.

Путешествуя по Сахаре, встречали мы и кочевников; они живут в низких чёрных или яркополосатых палатках. А некоторые арабские племена живут в пещерах, выкопанных в склонах холмов.

Главное богатство кочевников — это их вер-

блюды. Африканский верблюд — удивительное животное. Он способен нести груз свыше трёхсот килограммов, проходит без отдыха очень большие расстояния. Верблюд и кормит и одевает кочевников. Верблюжья шерсть мягка и тепла. Верблюдица даёт в день около десяти литров молока. Никакого особенного ухода верблюды не требуют. Питаются они колючками, которые растут в пустыне, могут неделю обходиться совсем без воды, после этого, правда, они способны выпить сразу сто литров. Верблюд может и не есть подолгу, питаясь за счёт жира, накопившегося в горбе. На снимке четвёртом вы видите белого верблюда — мегари. Это самый быстроходный из всех верблюдов, он пробегает триста километров в сутки.

Посмотрите на пятую фотографию (страница 55). Эти всадники приближаются к оазису и сейчас вступят в его живительную тень, отдохнут, напьются наконец воды. Вы думаете, верблюды разлягутся в тени? Ничуть не бывало! Я видела не раз, что они тотчас же после водопоя сами возвращаются на солнцепёк, в пустыню, к своим любимым колючкам.

Когда путешествуешь по дорогам пустыни, больше всего поражают не её мёртвые, бесплодные пространства, а вот эти цветущие зелёные оазисы. Только здесь начинаешь понимать, как богата земля Африки, как много она может дать! В оазисах на маленьком участке земли люди разводят очень большое количество культур. Прежде всего — финиковые пальмы. Пальмы дают тень, под защитой которой могут жить другие растения. Между пальмами рассажены персики, миндаль, абрикосы, гранаты, виноград. Под этим двойным зелёным прикрытием разводят пшеницу, ячмень, лук, бобы, арбузы, табак. Люди трудятся здесь с утра до поздней ночи, трудятся все — не только взрослые, но и дети.

Маленьких ребятишек, которые работали наравне со взрослыми, я видела в Африке повсюду. Видела и на рудниках, где ребята, которым не было ещё тринадцати лет, сортировали под палящим зноем раскалённые солнцем куски руды. На ткацких фабриках десяти—двенадцатилетние девочки работали, как взрослые работницы.

Лишь очень немногим детям достаётся счастье учиться. В Алжире на сто детей учится двенадцать, а в Марокко — семь. Снимок шестой показывает арабскую школу. Здесь учатся только мальчики; девочки, как правило, не учатся. Кроме чтения, письма и молитв, в школах не учат ничему. Часами сидят здесь дети, нараспев заучивая коран. Арабских школ, в которых преподавали бы физику, химию, математику, нет совсем. Правда, местная знать и богачи могут учить своих детей во французских школах, но уж, конечно, не на родном языке, а на французском.

После того, как закончились заседания конгресса, мы совершили несколько больших путешествий по тропическим районам Французской Западной Африки. Мы побывали у истоков реки Нигера, где в заводях и сейчас водятся большие стада крокодилов и бегемотов. Путешествовали по тропическому лесу, пробираясь между гигантскими лианами. Прошли по районам саванны, где травы так высоки, что скрывают человека с головой. В саванне растут огромные деревья — баобабы. У некоторых баобабов стволы окруж-

ностью в тридцать метров. Руководитель нашей делегации академик Л. В. Пустовалов сфотографировал баобабы на полуострове Зеленый мыс (снимок на странице 56).

В Сенегале мы осматривали остров Горэ. Эта экскурсия была организована для того, чтобы познакомить нас с геологией и природой тропиков. Но не природа взволновала нас. У Горэ страшная история. Этот остров был тюрьмой. Здесь европейские торговцы невольниками держали пойманных ими негров, отсюда в тёмных и тесных трюмах кораблей негров увозили за океан и продавали в рабство плантаторам. Печальным и постыдным памятником того времени сохранились дома, где работорговцы держали своих пленников. Мы видели такой дом. Узкая лестница ведёт в подземный коридор. По обе стороны его расположены каменные норы, в стенах — скобы с ржавыми остатками цепей. В дверях камер узкие щели для наблюдения за рабами. Стена этого дома обрывается прямо в океан, чтобы пленники не могли убежать.

А на этой странице помещены две фотографии, снятые в Чёрной Африке. Вы видите здесь негритянскую деревню и убогую домашнюю утварь негритянской семьи. Так же убоги и орудия труда негра-земледельца. Пашет он деревянной сохой или вскапывает своё поле мотыгой, жнёт неуклюжим серпом, обмолачивает палками, растирает зерно в муку между двумя камнями. А на полях французских колонизаторов работают тракторы. Живут колонизаторы в роскошных виллах, в самый жаркий день там прохладно, потому что воздух искусственно охлаждают специальные аппараты. И все эти богатства созданы трудом негров.

Негры — не хозяева в своей стране. Есть французская Африка, английская Африка, испанская Африка, итальянская Африка. Американцы, скупая рудники, заводы, плантации у теперешних хозяев, мечтают об Африке американской. Нет пока только Африки, принадлежащей самим африканцам.

Но народы Африки не мирятся с этим положением. Они хотят мира и свободы и поднимаются на борьбу. Всё чаще и чаще в Африке вспыхивают восстания, забастовки. Народ требует: «Африку — африканцам!»

Почему и отчего

Дорогая редакция!

Недавно я рассмотрела марку на радиаторе автомобиля «ЗИМ»: щит с изображением оленя. Интересно, почему это? Что означает щит с оленем? Может быть, это означает, что олень быстрый, а машина «ЗИМ» еще быстрее?

Алла Николаевская,
ученица 6-го класса 179-й школы. Москва.

Ярославль

Москва

Вероятно, Алла, многие думают, что олень изображён на марке автомобиля «ЗИМ» как символ быстроты. Такая мысль первым делом приходит на ум. Но вот загадка потрудней: почему на марках автомобилей Ярославского автозавода изображён медведь? Уж медведь-то никак не символ быстроты! Правда, тут можно предположить, что он должен напоминать о мощи автомобиля.

Только разгадка совсем другая. Щит с медведем — это старинный герб Ярославля, а щит с оленем — герб Нижнего Новгорода, города, который теперь носит имя Горького. В городе Горьком как раз и находится завод имени Молотова, выпускающий машины «ЗИМ».

Прежде все города имели свои гербы, и происхождение многих гербов очень древнее. Оно идёт от времён феодализма, от удельных княжеств. Основой для самых старинных гербов послужили изображения на личных печатях удельных князей. Сначала гербы городов даже не были постоянными. Они изменялись каждый раз, когда город переходил во владение другого князя, а окончательно закрепились и стали постоянными лишь после того, как исчезли уделы и русская земля объединилась вокруг Москвы.

Псков

Керчь

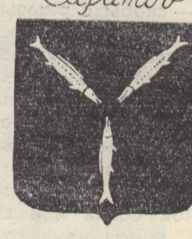
Ещё в средние века зародилась специальная наука о гербах — геральдика. Геральдика существует и до сих пор, потому что изучение гербов, их символов, иногда помогает выяснить и уточнить многие неясности в истории.

Вот что геральдика говорит о гербах русских городов. Они делятся на несколько групп. Существует, например, группа «гласных» гербов. Изображение на «гласном» гербе соответствует названию города. В гербе города Орла изображён орёл на башне крепостной стены, в гербе города Великие Луки — три лука, в гербе Козлова — козёл, в гербе Звенигорода — колокольчик.

Звенигород

Саратов

К другой группе относятся гербы, напоминающие о каких-либо местных особенностях. В гербе города Аккермана изображена виноградная лоза, так как здесь с давних времён разводят виноград. Три рыбы-стерляди в гербе Саратова напоминают о рыбных богатствах Волги, на берегу которой стоит этот город. Три снопа — пшеничный, ячменный и просяной — в гербе города Пензы говорят об основных земледельческих культурах Пензенской губернии. В гербе города Тарусы изображена голубая лента реки, потому что Таруса стоит на реке того же названия. Вы увидите соболей, белок и других зверей в гербах сибирских городов, так как этот край богат пушниной.

Нижний Новгород

Пенза

Есть ещё одна группа гербов — это гербы, в изображениях которых отразились различные исторические события. В разделённом на четыре поля гербе Полтавы изображены: змея, свернувшаяся у подножия памятника, — символ вечности, пальма — символ славы, два знамени с вензелем Петра I и два скрещённых меча. Всё это должно напоминать о вечной славе Полтавской битвы.

В верхнем поле герба Керчи изображён скачущий гриф — мифическое животное. Гриф заимствован из герба древнего греческого города Пантикапеи, на месте которой стоит Керчь. А в нижнем поле герба изображён ключ, означающий,

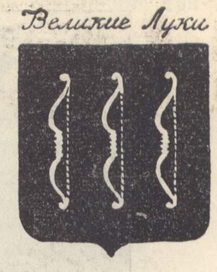

что крепость Керчь издавна охраняла вход из Чёрного моря в Азовское. В гербе Орши изображено пять стрел в память того, что Орша была основана ещё скифами — замечательными стрелками из луков.

Во многих городах существуют легенды о происхождении городского герба. Так, например, жители Ярославля считают, что медведь у них в гербе потому, что князь Ярослав убил здесь когда-то медведя.

Ребята! Узнайте герб вашего города, а связанные с ним истории и легенды записывайте и присылайте к нам.

Ш. О. Грихно,
научный сотрудник Государственного исторического музея.

Вот вопрос, давно меня волнующий: что это за мировой рынок и где он находится?

Виктор Белоусов,
ученик 7-го класса. Москва.

Что такое обыкновенный рынок, ты, Витя, наверное, знаешь. В каждом городе есть один, а то и несколько рынков, где торгуют съестными припасами и разными другими товарами. Такой рынок называется местным, хотя бывает, что люди привозят на него товары издалека.

Другое дело — мировой рынок. От местных он отличается прежде всего тем, что не находится в каком-нибудь определённом месте. На земном шаре ты нигде не найдёшь огороженной площади с вывеской над воротами: «Мировой рынок».

Мировым рынком называют не то место, где идёт торговля между странами, а самую торговлю, обмен товарами, который происходит на всём земном шаре.

Стремясь как можно больше нажиться, капиталистические страны стараются закабалить менее развитые страны Востока, Африки, Южной Америки и страны самой Европы.

Сбывая свои товары, они заставляют их подписывать соглашения, которые ставят эти страны в экономическую и политическую зависимость, лишая их всякой самостоятельности. А между собой капиталистические страны ведут жестокую борьбу за господство в тех странах, куда вывозят свои товары, и эта борьба не один раз уже приводила человечество к войнам. Совсем иной характер носит торговля стран демократического лагеря. Обмениваясь необходимыми товарами, Советский Союз и страны народной демократии стараются укрепить дружбу и мир между народами, ведут свою торговлю на основе равноправия.

И. Ермашёв

Дорогая редакция!
Прошу ответить мне: есть ли жизнь на планете Марс? Меня этот вопрос очень интересует.

Николай Булганов,
ученик 7-го класса. Город Игарка.

Ты спрашиваешь, Коля, есть ли жизнь на Марсе. Различные догадки об этом строятся уже по крайней мере сотню лет.

Во второй половине прошлого века многие учёные считали, что Марс населён разумными существами, достигшими притом очень высоких ступеней культуры. Но это мнение было основано на неправильных и поверхностных наблюдениях.

С тех пор, год за годом ведя наблюдения над этой планетой, применяя всё более сложные и чувствительные приборы, астрономы научились узнавать, какая температура почвы и воздуха на Марсе, какая толщина и какой состав атмосферы, сильные ли там ветры и многое другое.

Наблюдая тёмные пятна, которые когда-то считались марсианскими морями, некоторые учёные предположили, что это большие оазисы, а окружающее их светлое пространство — пустыня.

Советский астроном Г. А. Тихов стал изучать с помощью точных приборов, как эти пятна отражают солнечный свет и какие лучи они поглощают. Сравнивая эти данные с отражением и поглощением света зеленью высокогорных хвойных растений Земли, он пришёл к выводу, что тёмные пятна на Марсе — зоны растительности. Казалось, можно было считать, что часть вопроса о жизни на Марсе решена и что на этой планете есть растительность, хотя и мелкорослая, как в полярных и горных тундрах Земли.

Но сейчас снова разгорается спор. Не все советские учёные согласны с выводами из наблюдений над тёмными пятнами Марса. Академик В. Г. Фесенков, например, находит, что разница в отражении и поглощении солнечных лучей светлыми и тёмными частями поверхности Марса точь-в-точь такая, какая бывает между светлыми и тёмными минералами. Он напоминает, что на Марсе никакими, даже самыми тщательными наблюдениями не обнаружено кислорода, который неизбежно должен бы быть, если там есть хоть какие-нибудь растения.

Академик В. Г. Фесенков подводит итог всему, что уже известно о Марсе, и приходит к выводу, что там совсем невозможна жизнь. Климат Марса такой, какой в земных условиях был бы на безводном плоскогорье, поднятом до нижних границ стратосферы, если бы при этом отнять из неё кислород и понизить температуру ещё на 30—40 градусов.

Е. Владимирова

В СТЕПИ

А. Елагина

Фото И. Федосеева.

НОВЫЙ ЧАБАН

Перед Сергеем открылась знакомая с детства картина: в широкой степи стояло длинное, крытое соломой строение — кошара. Рядом тянулась загородка — баз для овец. Невдалеке белела хата — жильё для бригады чабанов. У загородки лежали два рыжих быка и жевали жвачку. Тут же стоял фургончик — маленький дом на колёсах. Кругом не было ни души. Только далеко на горизонте, где степь поднималась пологим холмом, среди пасущейся отары маячила одинокая фигура чабана.

Сергей внёс сундучок в хату, сказал Марийке: «Хозяйствуй» — и пошёл к отаре. Пять мохнатых псов с лаем бросились ему навстречу. Но он по-особому свистнул, и псы успокоились: так свистеть мог только свой человек, чабан. Овцы вяло щипали траву, иногда подходили и лизали прозрачный камень — соль-лизунец.

Хлопец лет семнадцати подошёл к Сергею. Сергей взял из его рук герлыгу — длинную палку с крюком на конце, зацепил овцу и притянул к себе. Овца покорно легла у его ног. После стрижки шерсть у овец ещё не успела отрасти, и видно было, как торчат рёбра. Было в отаре немало и старых, беззубых овец. Паслись же они на склоне холма, где трава была жёсткая, выгоревшая.

— Что ж ты, другого места для пастьбы не мог выбрать? — спросил Сергей.

— А ну их!.. — равнодушно ответил хлопец.

Да, отара была сильно запущена. Старый чабан, который раньше пас её, долго болел, потом умер; остались при отаре одни подпаски. Сергей обо всём этом уже знал от председателя...

Всего несколько дней назад вернулся он в родной колхоз. Комсомольцы той шахты, где Сергей работал после окончания ФЗО, вызвались ехать в деревню, чтобы помочь поднять сельское хозяйство. Одним из первых среди них был Сергей.

Он любил родную степь. Даже по ночам ему иногда снилось, будто он снова помощником у старого чабана Акименко, ходит с герлыгой по зелёной степи, пасёт овец. Сладко пахнет чебрец, и где-то далеко, у лесной полосы, кричит перепёлка. Сергей никому не рассказывал про эти сны, разве только Марийке, с которой подружился на шахте. Они мечтали, что когда поженятся, он повезёт её в родной колхоз, в широкие Ставропольские степи.

Когда председатель колхоза спросил Сергея:

— Где ты хочешь работать?

Сергей сразу же ответил:

— Хочу пасти отару.

— Ого! А не забыл ли ты, хлопче, как чабановать?

— Нет, не забыл. Всё, как есть, помню. Меня же сам Акименко учил!

— Добрый был чабан. Что ж! Надо подумать.

— Дайте самую плохую,— тихо сказал Сергей,— самую хурду... Посмотрите, какая она через год будет.

— Вот как? — пристально посмотрел на него председатель.— Правильные слова говоришь, хлопец. Так и быть, буду просить правление доверить тебе отару...

И вот она, отара...

— До зимы надо хорошо подкормить,— в раздумье произнёс Сергей,— по ночам будем пасти.

— Чего? — отозвался хлопец.— Ещё не хватало!..

Сергей не ответил. Он продолжал осматривать овец. Вытаскивал впившихся в их кожу клещей, смазывал креолином царапины и ранки.

— А где ж другие подпаски? — наконец спросил он.

— Хиба ж я знаю? Я спал, а они ушли...

— Ну, и ты иди,— сказал Сергей.

— Правда? — обрадовался хлопец.— До вечера или до завтра?

— Нет, совсем иди. И больше не приходи.

Хлопец оторопело заморгал глазами, но Сергей отвернулся, и он медленно побрёл прочь от отары. Сергей же свистнул собак и погнал овец в ложбину, где зеленела молодая трава.

День уже склонялся к вечеру, когда бурно залаяли собаки и три подростка, отбиваясь от них, подошли к отаре. Сергей присмотрелся: да это ж три дружка — Степан Сердюков, Ванюшка Мосный и Сашок Свинаренко. Как они выросли с того времени, когда был Сергей пионером, собирал малышей и маршировал с ними перед школой! Совсем взрослые хлопцы!

— Мы к тебе, Сергей,— несмело начал Степан.— Возьми нас в подпаски!

— Он как вышел на улицу,— перебил Степана Сашок,— как начал тебя ругать... Ну, мы ему накостыляли как следует и вот... пришли.

«Он», повидимому, был подпасок, которого Сергей отправил домой. Чабан нахмурился.

— Да нет,— постарался исправить промах Степан,— дали раза два по шее, и всё! Возьмёшь нас, Сергей?

Чабан долго молчал. Ребята ждали. Наконец он сказал:

— Если даст вам колхоз на сохранение триста тысяч рублей, что вы будете делать?

— День и ночь будем стеречь,— не задумываясь, за всех ответил Степан.

— В отаре нашей,— продолжал Сергей,— шестьсот овец — те же триста тысяч рублей. День и ночь надо ходить за отарой. Если согласны, тогда возьму.

И хлопцы ответили:

— Согласны.

В ПУТИ

— Цоб-цобе! — покрикивает Марийка, и рыжие быки, мотая головами, медленно катят по степи белый фургончик.

Впереди, кормясь на ходу, движется отара. Уже месяц пасётся она на дальних пастбищах в Джиджикинах. Летом, когда выгорают травы, чабаны гонят своих овец в зелёные степи Джиджикинов. За ними лежат солёные лиманные земли, а ещё дальше — Чёрные земли. Так назвали Прикаспийскую низменность потому, что зимой на ней не лежит снег. К зиме отары приходят на Чёрные земли и пасутся там до весны.

Марийка поглядывает на солнце и прислушивается. Из фургончика доносится: «Внимание, говорит Москва. По московскому времени одиннадцать часов...» Пора готовить полдник.

Марийка распрягает быков, очищает от травы большой круг на земле, разжигает кизяки и ставит варить кулеш. Пока он кипит, она толстыми ломтями режет сало и хлеб. Всё готово, когда подходят Сергей и подпаски. От одиннадцати до трёх — в самое жаркое время дня — овцы перестают кормиться и чабаны полдничают и отдыхают в фургончике на койках.

Но на этот раз только они взялись за ложки, как затарахтел мотор, прогудела сирена, и крытый брезентом «газик» подкатил к фургону.

— А мы гадаем: чей это такой гарный фургончик? Дай, думаем, заедем,— пророкотал густой бас, и Кирилл Кузьмич Ильиченко, ветврач МТС, или, как его называли, «овечий доктор», вылез из машины. За ним следовала его молоденькая помощница — ветфельдшер Тоня.

От слов Кирилла Кузьмича Марийка залилась краской,— значит, хорошо, что она выбелила фургончик и разрисовала его цветами! Она налила кулеша в миску и пригласила гостей садиться. Они ели, обжигаясь, и «овечий доктор» всё шутил:

— Добрая кашеварка! Соли не пожалела!

Оказалось, гости заехали не случайно. Сразу же после полдника они надели белые халаты и пошли к отаре. Доктор осматривал овец, затем вместе с Тоней стал делать им прививки.

— Чтоб не болели! Чтоб были здоровы! —

О самых маленьких самая большая забота. Чабан Сергей Афанасьевич Нечитайло подкармливает из соски слабого ягнёнка.

приговаривал доктор. И вдруг, повернув круглое доброе лицо к Сергею, сказал: — А ведь выправляются овцы! Совсем другие стали! — И снова пошутил: — Чем ты их только кормишь, шоколадом, что ли?

Но Сергей ответил серьёзно:

— Кормлю по рациону. Даю триста граммов концентратов в день и траву на выбор.

— На выбор?

— А как же! Мы теперь все травы знаем. У нас даже гербарий есть! — выскочил вперёд Сашок.

Степан толкнул его в бок, но он уже и сам пожалел о своей прыти. «Овечий доктор» велел принести гербарий и учинил подпаскам настоящий экзамен. Но это ещё ничего! Они толково рассказали, как на заре вместе с Сергеем уходят далеко в степь впереди отары и по травам определяют, где и в какое время пасти овец. С утра, после водопоя, когда овцы голодны и всё съедят, гонят они их на горькую полынь и ковыль; потом на более сочные травы — златоргун, чехордын, кубаночку; а когда овцы наедятся, дают им на закуску самую сочную траву — резак. Да смотрят, чтоб не объелись, а то беда!

— Ну, а при чём тут гербарий?

Это был тот вопрос, которого боялись подпаски. Но Сергей насмешливо посмотрел на них, и пришлось рассказывать всё, как было. Недели три назад Сергей уехал на день в станицу, и подпаски остались одни. Никто не знает, как это получилось: несколько овец набрели на поляну мака и стали жадно его поедать. И вдруг подпаски с ужасом увидели, что овцы на глазах начинают пухнуть. Счастье, что в это время приехал Сергей! Он увидел овец и побелел, как мел. «Гоняйте их, по степи гоняйте!» — закричал он не своим голосом. И они до вечера гоняли овец, пока не прошло ядовитое действие мака. Тогда Сергей велел хлопцам собрать все травы, какие растут в степи, и сделать гербарий. Он рассказал им о каждой траве, какой она может принести вред или пользу, и запомнили они это теперь уже на всю жизнь.

Доктор закончил делать прививки. Овец погнали на пастбище. Гости сели в машину, и она помчалась по степи. Вдогонку ей неслись торжественные звуки музыки. Это Марийка включила приёмник на всю мощность.

ЗИМА

Даже самые старые старики в станице не запомнили на своём веку такой суровой и снежной зимы. Из колхоза не раз пытались добраться до сергеевой кошары, но конь на полпути увязал по брюхо, машина застревала в сугробах.

Сергей не повёл своих овец на Чёрные земли: всё-таки они ещё были слабы для перехода в четыреста километров. Он вернулся к своей кошаре и всю осень пас отару то на дикорастущих, то на сеяных травах — суданке, эспарцете, люцерне. К зиме овцы хорошо откормились и окрепли. Сергей и подпаски знали теперь всех овец отары «в лицо». У каждой овцы есть номер на бирке, прикреплённой к уху. Но хлопцы дали овцам клички по характеру — Тихоня, Пройдоха, Озорница, Ласковая.

В пристройке Марийка навела чистоту и порядок. Задав овцам сена, Сергей и ребята собирались у стола, слушали радио, читали книги, мечтали и спорили.

А снег всё валил и валил. Утром и вечером приходилось откапывать ворота кошары, чтобы впустить и выпустить овец. Мериносовые тонкорунные овцы не боятся морозов: их греет тёплая шуба. Но овец может занести снегом, они лягут и не поднимутся больше. Поэтому на ночь их загоняют в кошару. Но в кошаре нельзя оставаться дольше двух — трёх дней: смоченная снегом густая и нежная шерсть в тепле подопревает и отваливается клоками.

С каждым днём снегу становилось всё больше. Наконец дошло до того, что уже невозможно было откопать и открыть ворота, чтобы загнать овец. Кошару завалило до крыши, исчезла под снегом изгородь база. Отара осталась на снегу, открытая всем степным ветрам. Чабаны теперь ни на минуту не отходили от овец.

Наступила ночь. Ещё с вечера завыл ветер, снега заклубились, и всё потонуло в белом вихре. Тревожно залаяли собаки. Под напором ветра отару стало относить в открытую степь. Сергей понял: если не остановить овец, буран раскидает их по степи, и тогда пропала отара. Он пронзительно свистнул и бросился наперерез овцам. Подпаски побежали за ним. Герлыгами они преграждали овцам путь, хватали их, поворачивали против ветра, псы кусали за ноги отбившихся овец, подгоняли их к отаре. Но ветер неудержимо гнал животных в степь. Сколько продолжалась борьба, никто не знал, но вдруг наступило затишье. Оказалось, буран намёл огромный сугроб, и отара остановилась под его прикрытием. В ту же минуту псы с отчаянным воем бросились куда-то в сторону. Чабаны поняли: по пятам отары, надеясь на лёгкую добычу, двигались волки. Сергей снял с плеча ружьё и пошёл вслед за собаками. Через несколько минут сквозь рёв бурана донёсся слабый хлопок выстрела. Сергей вернулся не скоро. Он с трудом тащил за собой волчью тушу.

Утром чабаны проверили — ни одна овца не отбилась от отары.

В этот день в кошару из МТС пришёл гусеничный трактор. Мощная машина шла, раздвигая и подминая под себя снег, за ней ползла

Овчарки — верные друзья и помощники чабана. Зорко следят они, чтобы ни одна овца не отбилась от отары. Стоит разбрестись овцам по степи, как тотчас пёс отправляется в обход.

волокуша с фуражом для овец и продуктами для людей.

С помощью трактора чабаны расчистили баз и обнесли его высоким снежным валом. Теперь овцы могли укрыться от свирепого зимнего ветра.

СПАСЕННЫЕ ЯГНЯТА

Озорница жалобно заблеяла и легла на снег. Наступил уже февраль — месяц, когда овцы начинают котиться, а мороз ещё не отпускал.

«Как бы маленький не замёрз»,— подумал Сергей. Он бережно взял овцу на руки и понёс в хату. Её положили на подстилку из соломы, и часа через два блеянью овцы стал вторить тонкий и требовательный голосок. Ягнёнок быстро обсох и, стоя на высоких шатких ножках, стал тыкать мордочкой под брюхо матери. Но Озорница была молодая и неопытная мать. Она отскочила от ягнёнка, как ошпаренная, и стала бегать по комнате. «Ах, ты так! — смеялся Сергей.— Ничего, мы тебя уму-разуму научим». Он сгрёб овцу вместе с ягнёнком и отнёс в «кучку» — узкую деревянную клетку, которую сколотил из досок. Как ни рвалась Озорница, теперь она не могла убежать от ягнёнка, и он сосал и сосал. Наутро, когда Сергей принёс в «кучку» сена, овца уже успокоилась и ласково обнюхивала ягнёнка.

Тем временем Степан притащил в хату Тихоню. У неё вскоре родилась пара ягнят — баранчик и ярочка. Старая овца тщательно облизала двойняшек и подставила им своё вымя. Но более сильный баранчик оттолкнул сестрёнку. Он сосал, а та только топталась вокруг и жалобно верещала. Когда ягнёнок наелся, в вымени Тихони почти не осталось молока. Сергей понял: слабой овце двоих не прокормить. Придётся подсадить ярочку к Озорнице. Но примет ли её строптивое животное? Он подоил Озорницу и выкупал ярочку в её молоке. Обманутая знакомым запахом, овца спокойно подпустила к вымени приёмную дочь.

Одна за другой овцы благополучно приносили ягнят. Но однажды испуганная Марийка прибежала за Сергеем: овца Ласковая принесла слепого ягнёнка. Сергей взял со стола толстую книгу «Учебник овцеводства» и стал листать. Наконец он нашёл: «Слепым ягнёнок рождается вследствие авитаминоза у матери после суровой зимы. Слепота проходит, если ягнёнка поить рыбьим жиром с коровьим молоком».

Но в кошаре не было ни рыбьего жира, ни коровьего молока. Сергей не мог в такое время отлучиться из кошары. Он решил послать в станицу Ванюшку Мосного.

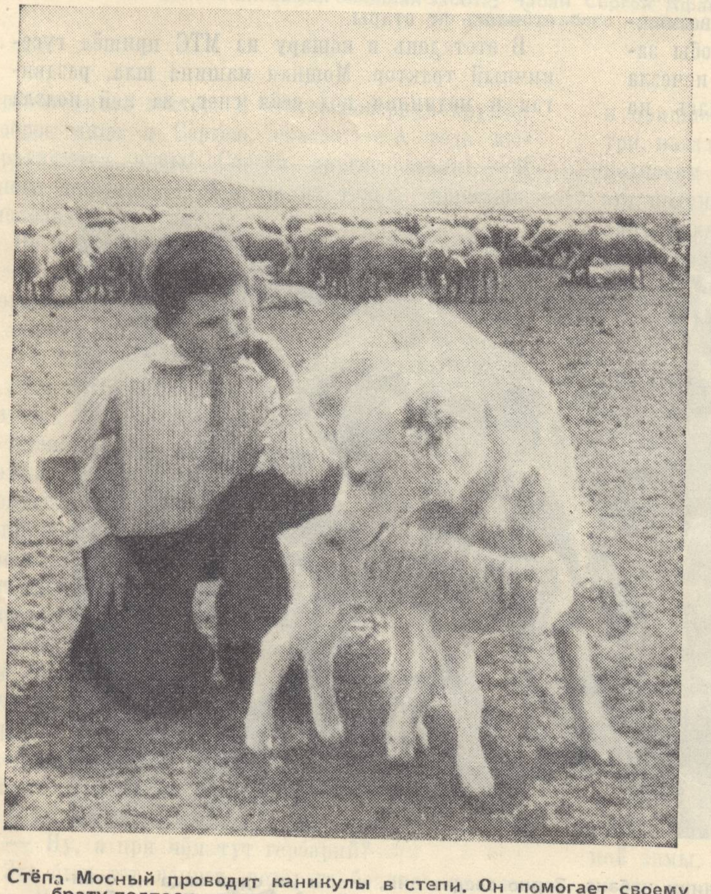
Никто не мог бы назвать Ванюшку разговорчивым хлопцем. Всё он делал молча. И сейчас молча выслушал он наказ Сергея, молча запряг быков в сани.

Сначала Ванюшка заехал на ветпункт к «овечьему доктору». Кирилл Кузьмич тотчас же дал ему бутыль с рыбьим жиром и позвонил в правление колхоза. «Иди к бригадиру,— сказал он Ванюшке,— председатель велел отпустить с тобой корову».

Но не так-то легко найти бригадира в рабочее время! Когда наконец Ванюшка разыскал его в конторе, оказалось, что он ещё не знает о распоряжении председателя. А председатель уже куда-то уехал.

— Вот что,— сказал бригадир.— Ты, хлопец, езжай себе до кошары. А мы корову вам подошлём.

Ванюшка вышел из конторы и остановился в раздумье: какими глазами посмотрит на него Сергей, если он при-

Стёпа Мосный проводит каникулы в степи. Он помогает своему брату-подпаску пасти овец и многому научился за лето.

едет с пустыми руками? Он вернулся в контору и прочно уселся на стул.

— Ты это чего? — удивился бригадир.

— Никуда я без коровы не уеду,— упрямо сказал Ванюшка.

Так сидел он, пока в контору не пришёл председатель. Узнав, в чём дело, он засмеялся:

— Молодец! Настойчивый! Какой чабан, такие и чабанята!

На следующий день Ванюшка привёл корову к кошаре. За это время родилось ещё несколько слепых ягнят. Марийка подоила корову, налила в бутылочку молока и рыбьего жира и стала из соски кормить ягнят.

СЛОВО КОМСОМОЛЬЦА

Колхозные плотники сколотили деревянный помост посреди кошары; электрик из МТС установил движок и сделал проводку. Пришли женщины-стригальщицы, взяли в руки электрические машинки на длинных чёрных шнурах.

Ванюшка связывал овцам ноги, а Степан и Сашок клали их на помост перед стригальщицами. Негромко стучал движок, проворно двигались ножницы, шерсть отделялась широкими толстыми пластами. Несколько минут — и вот уже овца острижена наголо, и Степан несёт её за загородку к ягнятам. Сергей поглядывает: нет, не видно у овец рёбер! Хорошо откормились они после зимы на сочных весенних травах! А ягнят просто не узнать, так выросли!

Сергей подходит к весам. Девушка-приёмщица взвешивает шерсть от каждой овцы и записывает в ведомость. Сергей не показывает вида, но он волнуется. По плану ему положено настричь по пять килограммов шерсти от каждой овцы, а он дал обязательство получить по шесть. Чем гуще и длиннее шерсть у овцы, тем, значит, лучше за ней ухаживал чабан. Сейчас весы дают точную оценку его работе. Сергей берёт в руки шерсть. Сверху она покрыта серой коркой грязи, а внутри нежная, пушистая, чуть желтоватая от жира. А какая прочная! Каждый волосок не толще паутинки, а прочнее стальной нити той же толщины. Шесть килограммов с овцы — это почти девять метров лучшего шевиота, три мужских костюма. А со всей отары? Больше пяти тысяч метров! Да ещё жир с этой шерсти. Из него делают ценный для парфюмерного производства ланолин...

К вечеру, когда стрижка овец заканчивается и машины увозят груды шерсти на приёмочный пункт, председатель колхоза открывает собрание овцеводов.

Сергей сидит среди своих хлопцев рядом с Марийкой и слушает, как председатель называет цифры настрига по отарам.

И вдруг председатель говорит:

— На первое место вышла бригада чабана Сергея Афанасьевича Нечитайло. Настриг у них хороший, и ягнят всех вырастили, ни одного не потеряли. А ведь все знают, какая была суровая зима...

— Добрый чабан! — с места кричит Кирилл Кузьмич и берёт слово.— А какая у него была отара? Одна хурда. Есть у нас в крае наипервейший чабан Колесников, повезёт он в Москву на выставку свою отару. Так если б Сергею дали хорошую отару, был бы он у нас второй Колесников...

Сергей слушает и, краснея, отворачивается, словно ему чего-то совестно. Но краешком глаза он видит, как сияет Марийка и как Сашок показывает длинный нос бывшему подпаску отары.

После собрания председатель говорит Сергею:

— Зайди ко мне на днях, потолкуем.

Через несколько дней Сергей заходит в контору.

— Где ты был? — говорит председатель.— Мы тут хотели на правлении выделить тебе самую лучшую чистопородную отару...

Сергей отвечает не сразу. Где он был? Ездил к первейшему в крае чабану Колесникову из колхоза «Вторая пятилетка», смотрел его отару. Овцы крупные, как телята. Дают по семь — восемь килограммов шерсти. Почти каждая приносит по два ягнёнка. Рассказал ему Колесников, что раньше была у него самая обыкновенная отара, но он постепенно улучшал её — отбраковывал слабых и нечистопородных овец, заменял их лучшими из молодняка. И вот результаты...

— Ну, а ты как думаешь насчёт новой отары? — спрашивает председатель.

— А так,— отвечает Сергей.— Решили мы с хлопцами остаться при старой. Колесников тоже с малого начинал. А чего добился! Ну и мы того добьёмся!

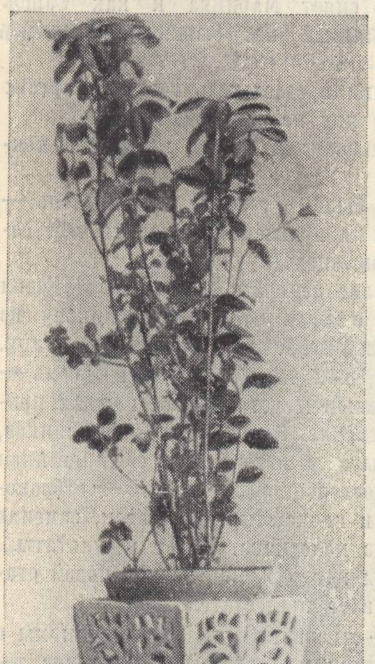
Колхоз имени Ипатова,
Ставропольский край,
Ипатовский район.

Весёлые мастера

Всё, что вы видите на этих страничках, сделано руками ребят. Посмотрите хорошенько фотографии и попробуйте смастерить то, что вам понравится больше всего. Это занятие поможет вам скоротать не один ненастный осенний вечер. А как приятно будет подарить родным и друзьям красивую, полезную вещицу своего изделия! Такими силуэтами, какие вы видите вверху на этих двух страницах, ребята из Дома пионеров Фрунзенского района Москвы украсили свою туристскую комнату.

Любители выпиливать лобзиком могут сделать нарядные ящички, чтобы ставить в них вазоны с цветами. В таких ящиках цветы на окнах выглядят ещё красивее.

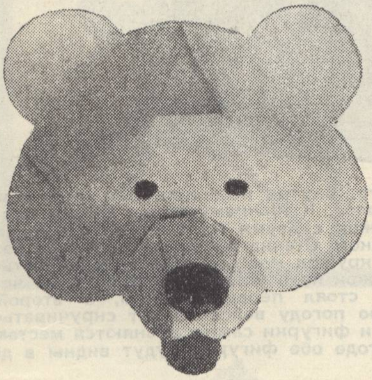

Вот резная полочка для тетрадей и чернильный прибор. Полочка выпилена лобзиком из фанеры. Для чернильницы взят обыкновенный гриб-трутовик, каких много в лесу на берёзах и осинах. В гриб, покрытый асфальтовым лаком и слегка разрисованный бронзовой краской, врезана маленькая баночка с крышкой. Стакан для карандашей сделан из стеклянной баночки. На ней лепной пластилиновый узор, покрытый лаком и позолотой.

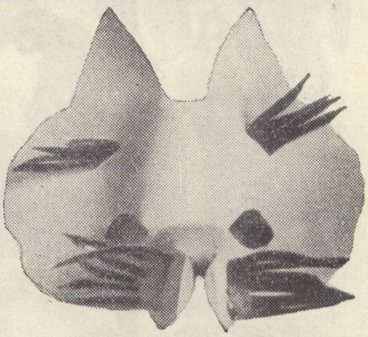

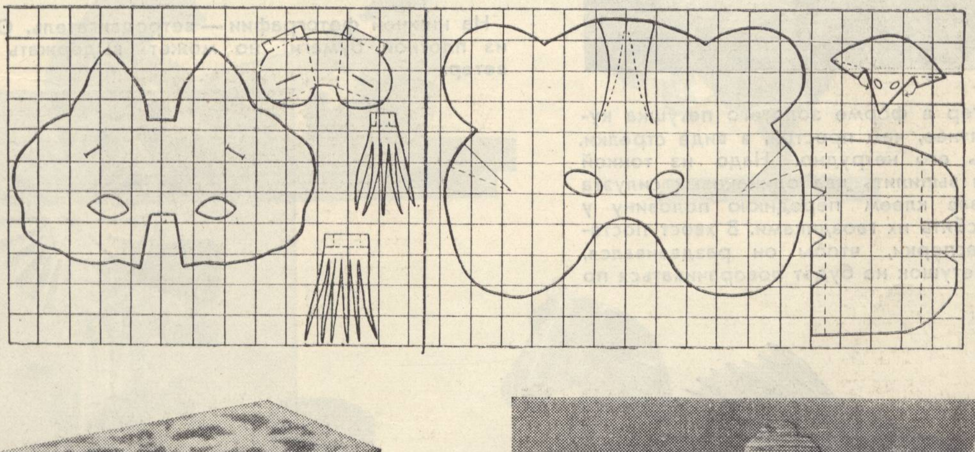

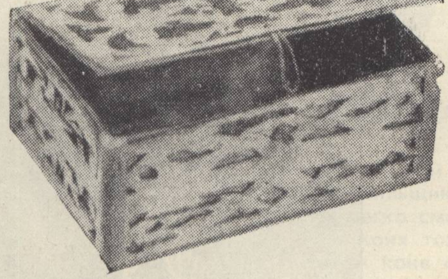

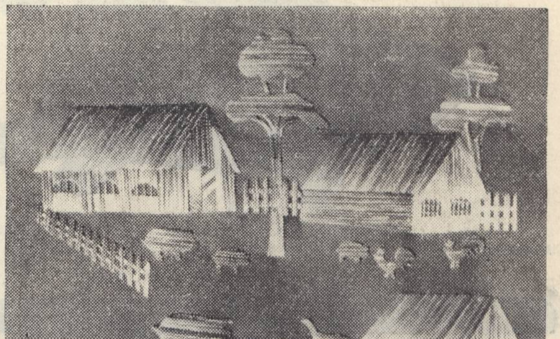
Здесь вы видите маски медведя и кота. Внизу, разграфлённые клеточками, даны выкройки масок. Возьмите лист плотной бумаги, разлинуйте её клетками со сторонами, равными 3 сантиметрам. На эти клетки перерисуйте выкройки масок, вырежьте их, склейте и раскрасьте. Нос у мишки сделайте чёрным, а ноздри и язык — красными. На маске кота нос, усы и брови вставляются в прорезы.

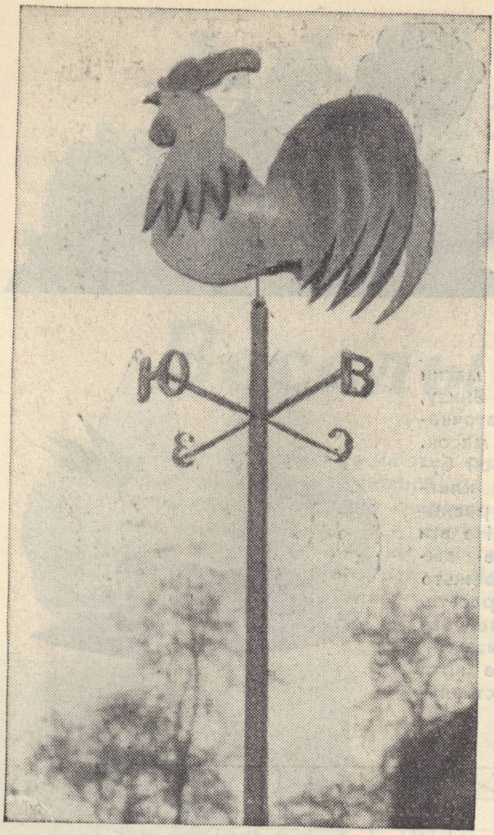

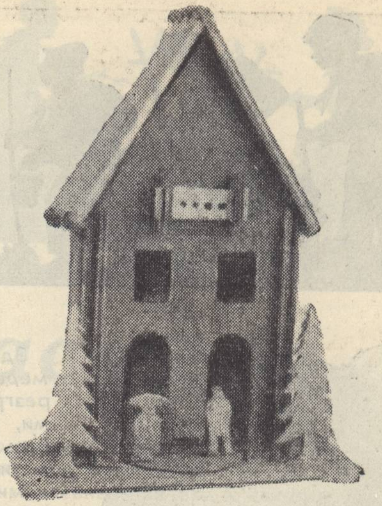

Эта коробочка отделана кружевным узором из бересты. Осторожно снимите кусок бересты с гладкого, без сучков, берёзового полена. Смоченную бересту наколите на дощечку, высушите, переведите на неё узор и вырежьте его острым ножом. Потом приклейте берестяные кружева к стенкам и крышке картонной коробочки поверх какой-нибудь яркой цветной подкладки.

Мозаичная картинка, изображающая скотный двор. Выклеена она из кусочков обыкновенной соломы на лакированном фанерном квадратике.

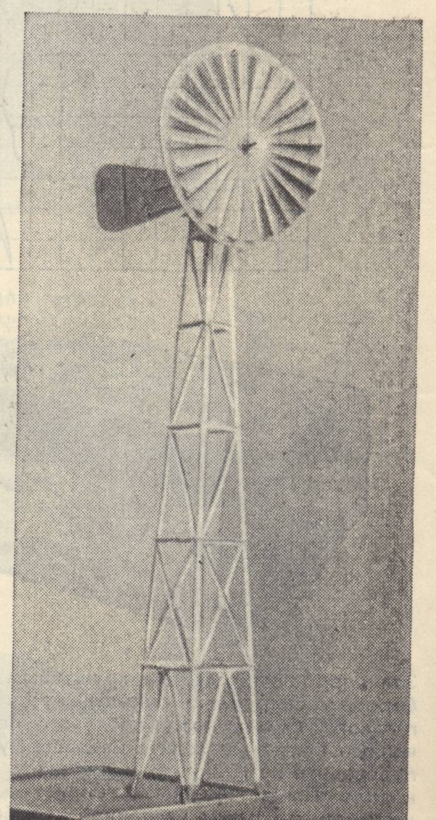

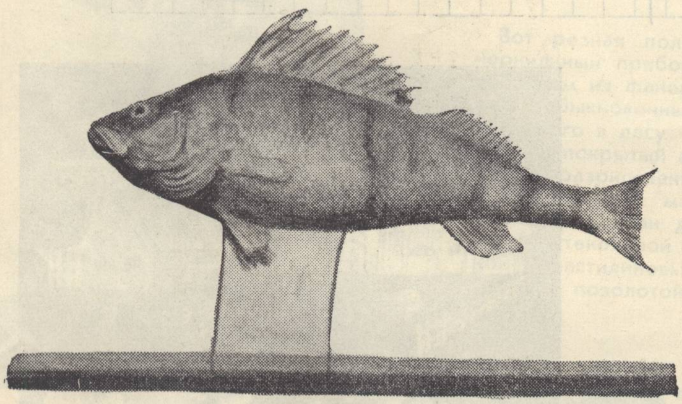

Это домик-барометр. Внутри него привязан под самой крышей длинный волос. К нижнему концу волоса подвешен бумажный кружок с двумя маленькими фигурками, одна из них с зонтиком. Стенка между дверцами не доходит до пола, чтобы кружок мог свободно поворачиваться. В ясную погоду кружок надо установить так, чтобы человечек без зонтика стоял перед домиком, а второй — внутри. В дождливую погоду волос начнёт скручиваться, кружок повернётся, и фигурки сами поменяются местами. При переменной погоде обе фигурки будут видны в дверях.

Флюгер в форме золотого петушка куда занятнее, чем простой, в виде стрелки. Сделать его нетрудно. Надо из тонкой фанеры выпилить два одинаковых силуэта и, смазав клеем переднюю половину у обоих, сбить их гвоздиками. В хвост поставить распорки, чтобы он раздваивался, иначе петушок не будет поворачиваться по ветру.

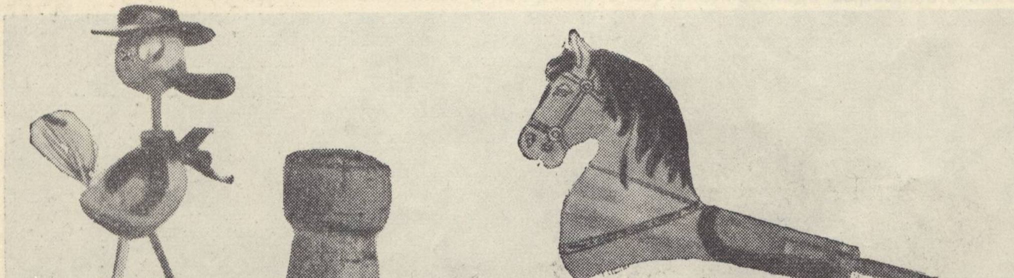
На нижней фотографии — ветродвигатель. Он сделан из плотной бумаги, но может выдержать сильный ветер.

Вот как сделать в подарок школьному биологическому кабинету такое чучело: надо разрезать у рыбы брюшко и отделить кожу вместе с плавниками и головой. Вынуть из головы жабры, глаза, мозг. Выполосканную шкурку хорошенько просолить, натянуть на проволочный каркас, набить ватой и зашить. Потом, высушив, вставить стеклянные глаза, а туловище покрыть светлым лаком.

На этой странице — игрушки-самоделки для малышей.

Пильщики дров и петух хороши тем, что это подвижные игрушки. Их легко смастерит тот, кто любит выпиливание.

Коня тоже можно выпилить из досочки или склеить из картона. На таком коне малышам, конечно, куда интереснее скакать, чем на простой палочке.

Чтобы сделать утёнка, нужны самые простые материалы: пробка, три спички, пёрышко, кусочек цветной бумаги для шляпы и цветной лоскуток для шейного платка.

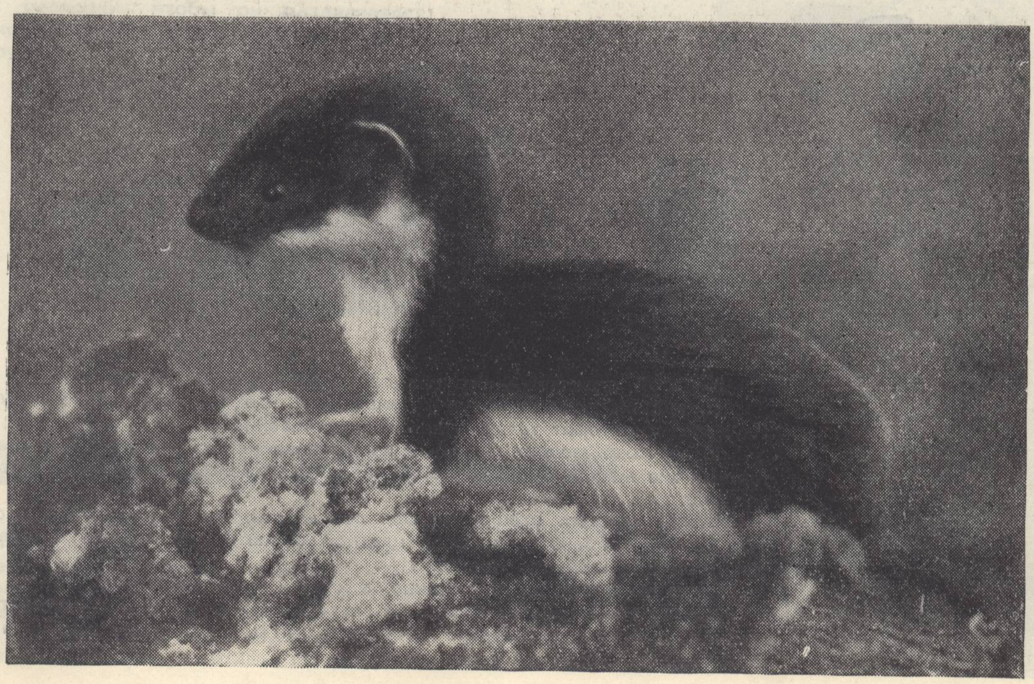
Ёжик вылеплен из пластилина, а иголки у него еловые.

Вверху странички вы видите не совсем обычную работу — это «аппликации без остатка». Вырезав рисунок один раз, вы сразу получите две картинки: на белом и на тёмном фоне.

Посмотрите на этих двух малышей, какие они разные: кроткая косуля и смелая, воинственная ласочка. Косуля притаилась в траве, потому что нет у неё ни острых клыков, ни страшных когтей, чтобы постоять за себя. Вся её защита — быть незаметной. А ласочка бесстрашно смотрит блестящими глазками, хотя ей от роду не больше, чем пять или шесть недель. Если вам встретится ласка, не обижайте её. Этот маленький хищник — наш друг. Никто не истребляет столько мышей и других вредных грызунов, как ласка. Гибкая и ловкая, она проникает в норы, идёт по узким ходам, и мышам от неё не спастись.

Фотографии Н. Немнонова.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Как рождается книга

А. И. Мусатов.

На читательских конференциях ребята часто спрашивают меня, как создаётся книга, как я собираю материал для неё, кто становится героем книги. Вот я и хочу рассказать об этом.

Время перевалило за полдень, на небе не было ни облачка, и степь дышала сухим зноем.

— Сейчас мы вроде как в лес войдём, легче будет,— сказал мне учитель.

Я оглянулся. Кругом не было ни деревца, ни кустика, и только за широкой степной дорогой виднелось кукурузное поле.

Вскоре мы подошли к одной из делянок и вступили в заросли кукурузы. И, правда, здесь было прохладнее. Статные стебли растений раскинули длинные ленты своих листьев и были так высоки, что скрывали нас с головой.

— У нас так и говорят,— пояснил учитель,— ребята лес дремучий вырастили, человека не видно. Давно такой кукурузы не было. Смотрите, почти на каждом стебле по три—четыре початка. Раньше колхоз больше ста пятидесяти пудов кукурузы с гектара не снимал, а здесь урожай будет не менее пятисот пудов с гектара.

Мы вышли на другой конец делянки и здесь увидели фанерную табличку с надписью: «Кукуруза на гибрид. Сорт «Броунконти-Грушевская». Площадь — 3,5 гектара. Выращивает комсомольско-ученическое звено Перещепинской школы при колхозе «Шлях Ленина».

Я крепко подружился с учениками Перещепинской школы. Это были пытливые, любознательные колхозные ребята.

Перещепинские ребята горячо любят свой родной колхоз и мечтают о том, чтобы после окончания школы стать хорошими мастерами земледелия.

При школе было организовано звено юных мастеров сельского хозяйства, и, не забывая своей главной обязанности — хорошо учиться,— ребята перенимали опыт передовых колхозников и на практике изучали, как надо выращивать высокие урожаи.

Юные мастера высоких урожаев, с которыми я познакомился на Украине в Перещепинской школе, стали героями моей повести «Дом на горе».

Сейчас в моих мыслях другие герои. В 1951—1953 годах я много раз бывал на строительстве Волго-Донского канала и Сталинградской гидроэлектростанции и теперь заканчиваю повесть о молодых строителях одной из крупнейших волжских гидростанций.

Ещё мне хочется написать для детей и юношества книгу о славной армии сельских механизаторов, о трактористах и комбайнерах.

А. Мусатов

Повесть, которая требует продолжения

Быть может, кто-нибудь из вас, ребята, читал дневники знаменитого русского путешественника Миклухо-Маклая. Но, вероятно, лишь очень немногие обратили внимание на две картинки из этой книги. На вид они неприглядны: два плоских предмета, покрытые то ли пятнышками, то ли значками. Один предмет похож на древесный ствол, другой — на мочалку из люфы. Эти картинки изображают деревянные таблички с острова Пасхи.

Жители острова называют их «кохау ронго-ронго» — «говорящее дерево». Но о чём «говорило» дерево, не знал ни один археолог.

Да и говорило ли оно вообще? Английские и американские учёные считали, что на табличках совсем не письменность, а рисунок, штамп, который оттискивали на материи. Однако Маклай был убеждён, что «кохау» покрыт иероглифами, рассказывающими о древней, может быть, очень

высокой культуре. Сам он не успел проникнуть в тайну табличек. Не расшифровали загадки и позднейшие исследователи.

А именно эти таблички лишили покоя героев повести И. Рахтанова «Потомки Маклая». Всё своё свободное время ленинградские школьники Боря Кудрявцев и два его друга, Олег Калитин и Лера Чернушков, изучали изображения табличек с острова Пасхи.

Можно ли было рассчитывать, что задача, с которой не справились учёные, будет под силу юношам-школьникам?

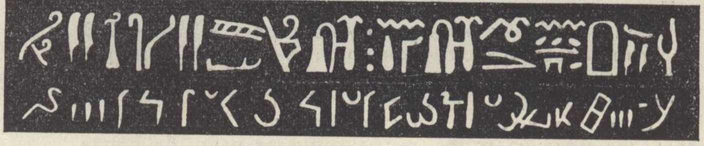
Боря Кудрявцев не преувеличивал своих сил. Но ему страстно хотелось узнать, что написано на таинственных табличках. Всеми силами души жаждал он доказать, что у маленького народа, почти что стёртого с лица земли колонизаторами, была своя письменность, своя культура, своя яркая, достойная, человеческая жизнь.

Вместе с друзьями Лерой и Олегом Борис переснимал таблички, увеличивал фотографии. И перед глазами ребят отчётливо развернулась цепь фигурок; одни из них походили на человечков, другие на рыб... Но как проникнуть в этот загадочный язык, как подобрать утерянный ключ? Одна неудачная попытка сменялась другой... Борис то нащупывал что-то, то снова блуждал в темноте... И вдруг в голове мелькнула догадка: нет ли закона в последовательности фигурок, не здесь ли конец ниточки, поймав которую можно распутать весь клубок.

Кроме двух таблиц, находящихся в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, Борису удалось отыскать изображение двух таблиц, хранящихся в Этнологическом музее в Санто-Яго, в Чили. И вот, сличив между собою изображения всех этих табличек, ленинградский школьник установил, что знаки на табличках действительно не простые рисунки, а следы письменности — варианты и изменения одной и той же записи, видимо, очень важной для тех, кто её запечатлел...

Герои повести Рахтанова существовали на самом деле. Достаньте в библиотеке 11-й том сборника Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР за 1949 год, и вы найдёте там работу Б. Г. Кудрявцева «Письменность острова Пасхи». Работа эта не закончена: жизнь молодого учёного оборвалась слишком рано. Но, может быть, кто-либо из вас прочтёт книгу И. Рахтанова «Потомки Маклая», заинтересуется делом Бориса Кудрявцева, продолжит его труд и допишет повесть о загадочных табличках с острова Пасхи.

Ю. Новикова

Правда жизни

Автор повести «Товарищ Ваня» молдавский писатель Самсон Шляху сам учился в ремесленной школе, которую он описывает. И ему приходилось под унылый звон надтреснутого колокола брести из грязного «дормидора» — общей спальни — в мастерскую. Таких школ, где под предлогом учения попросту использовался труд подростков, много было в старой Бессарабии, захваченной королевской Румынией.

Повесть С. Шляху переносит нас в Бессарабию 1940 года, со всеми страшными контрастами между жизнью «хозяев» и рабочих, с атмосферой, накалённой надвигающейся войной.

Самсон Шляху умеет подчеркнуть в событиях самое главное, показать ход их развития. Читая его повесть, мы видим, как мальчики, бунтовавшие против несправедливости директора, в конце концов единодушно срывают военный заказ.

Вера в освобождение поддерживает ребят в самые трудные минуты. Они верят и знают: справедливость победит, свобода близка.

Окно в большой мир

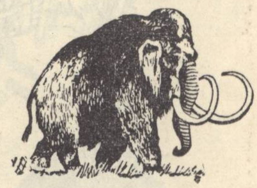
А. Дорохов

Сначала мир, окружающий тебя, очень невелик. Это комната, в которой ты играешь, ешь, спишь, дом, в котором ты живёшь, сад, где ты гуляешь.

Потом этот мир расширяется. К нему прибавляется школа, где ты учишься, каток, где ты катаешься на коньках зимой, поле, река, лес, где расположен пионерский лагерь летом.

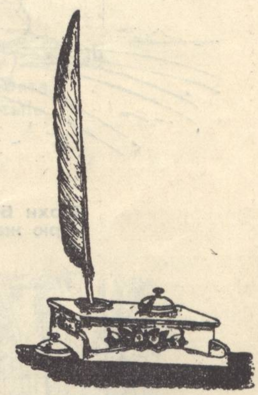
Чем старше ты становишься, тем шире делается твой мир. Ты словно открываешь всё новые и новые земли, которых не знал раньше.

И всё же мы знаем очень мало.

А как интересно было бы заглянуть во все уголки огромного мира! Посмотреть своими глазами на всё, чего ещё не видел, о чём даже не предполагаешь.

Ведь тебе и в голову, например, не приходит, что, рисуя своим карандашом, ты держишь в руке щепочку могучего сибирского кедра, а в этой щепочке заложен кусочек уральского камня графита, смешанного с жирной украинской глиной. Не знаешь ты и того, что сделан твой карандаш в Москве, покрашен лаком, сваренным в Ярославле, а серебряные буквы на нём оттиснуты алюминием, добытым под Новгородом.

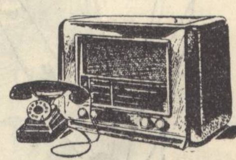
Сибирь и Урал, Украина и Новгород, Ярославль и Москва!.. Как будто из маленького мира ты шагнул в большой.

Множество таких увлекательных путешествий поможет тебе совершить книга М. Ильина и Е. Сегал «Рассказы о том, что тебя окружает».

Из этой книги ты узнаешь, как сосна превращается в твою тетрадку, а клочки пушистой хлопковой ваты становятся твоей рубашкой. Вместе с каплей воды ты совершишь путешествие от подземного родника до водопроводного крана. Вместе со снежинкой побываешь под облаками. Вместе с почтовой открыткой промчишься через весь Советский Союз.

Трудно даже перечислить всё то новое, что раскрывают страницы этой интересной книги.

Она рассказывает, как делают перочинный ножик и как строят дома, как выращивают яблоки и разводят птиц, как устроен пылесос и как борется с качкой океанский пароход.

Книга поведёт тебя на самый верхний этаж высотного здания Московского университета и опустит глубоко под землю, где мчатся по рельсам быстрые поезда метро. Читая эту книгу, ты пройдёшь по тихим улицам города книг — по Ленинской библиотеке — и поднимешься по ступенькам необыкновенной водяной лестницы, соединившей Волгу с Доном. Авторы книги покажут тебе, как устроена электрическая станция и как работает завод, выпускающий автомобили.

Вот насколько богаче и шире станет твой мир, когда ты посмотришь на него через страницы этой книги!

Ты будешь читать её с большим интересом, и сколько бы ты ни знал, ты обязательно найдёшь в ней то, что до сих пор было тебе неизвестно.

ГОРЕ ОТ УДАЧИ

Плохи Борины дела,
Борю жадность подвела.

Десять щук поймать решив,
Только рыбу насмешил.

МЕДВЕДЬ

(Басня)

Медведь однажды рыбы захотел,
А как её ловить, не знал и не умел.
Вразвалку он пошёл к лесному пруду,
Взяв удочки с собой, ведро, корзинок груду,
Чтоб в них сложить
Всех рыб, что доведётся наловить.

Он у пруда поспать улёгся под кустами:
Мол, на крючок рыбёшки попадут и сами.
— Ты что же делаешь, приятель? —
Его окликнул пёстрый Дятел.—
Ведь так ты не поймаешь ничего!
Молчи ты! — рявкнул Мишка на него...
Уснул до вечера. И звери говорят,
Что без еды вернулся он назад.

* * *

Вот так иной мечтает, не трудясь
и не учась,
Легко и просто одолеть науки.
Но пусть запомнит: без труда
Не вынешь и рыбёшки из пруда,
Не говоря уже о крупной щуке.

Гриша Офштейн

Литературный кружок Московского городского дома пионеров.

УЛИЧНАЯ СЦЕНКА

Вот по уличному скату
Лихо катят самокаты.
Самокаты катятся,

Пешеходы пятятся:
«Пощадите нас, ребята,
Придержите самокаты!»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

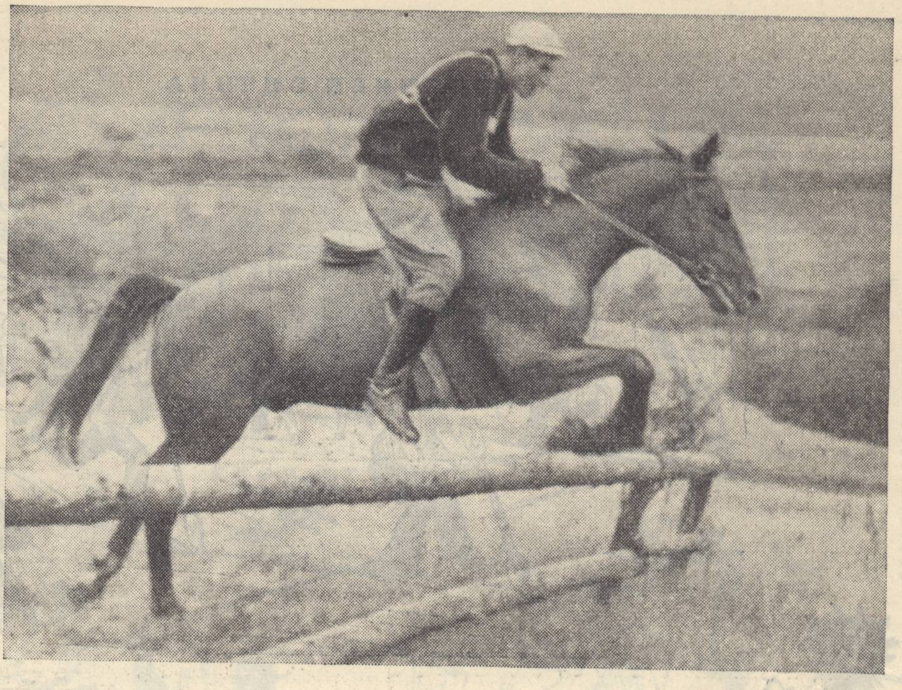

По ботанике урок
Учит Таня назубок;
Виды трав, корней и спор —
«От сих пор» и «до сих пор».

Знает Танечка из книг:
Рыжик есть и боровик...
А пойдёт с лукошком в бор,
Глядь: в лукошке мухомор.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Джангир Агаев, Володя Недогонов, Володя Семёнов.

СПОРТ

Чемпион Советского Союза мастер спорта И. Новиков преодолевает препятствие — «изгородь».

Не знающие преград

А. Красильщиков

Фото А. Бурдукова и Е. Эбеля.

Неподалёку от лесной опушки видна группа каких-то невысоких строений — не то сараев, не то бараков. Они кажутся заброшенными, нежилыми, но рядом с ними почему-то стоит вынесенный на лужайку стол; он уставлен посудой, а вокруг стола сидят люди.

Тих летний полдень, не шелохнётся листва на опушке, даже птицы примолкли от зноя. Вдруг тишину нарушает топот копыт, треск валежника... На опушку из лесу вылетает конь. Всадник, низко склонившись к луке седла, перемахнул через поваленное бревно и мчится к столу, словно не видит обедающих. В неудержимом разбеге он, кажется, сейчас сомнёт, разметёт всё, что у него на пути. Но нет! Легконогий скакун взвивается и, не задев ни стола, ни посуды, ни людей за столом, в великолепном прыжке проносится над ними и мчится дальше.

Впереди тёмной пастью зияют ворота сарая. Конь влетает в них и тотчас выскакивает из сарая через другую дверь, перескочив загораживающий её барьер, и вот уже мы видим, как он мчится дальше, в поле.

Из лесу появляется второй всадник, он бешено скачет по тому же пути, так же перелетает через стол, проскакивает сквозь сарай и скрывается следом за первым. За ним третий, четвёртый...

Что это? Погоня? Какая грозная опасность идёт по пятам за отчаянно смелыми верховыми? Кто их преследует или за кем они гонятся?

И потом, что за безмятежное спокойствие у этих людей за столом — они не шелохнулись!

Разгадка приходит, едва мы подошли поближе: у стола сидят соломенные чучела.

Эти чучела и стол с посудой, сарай и поваленное дерево — всё это специально устроенные препятствия. Здесь происходит конное состязание пятиборцев.

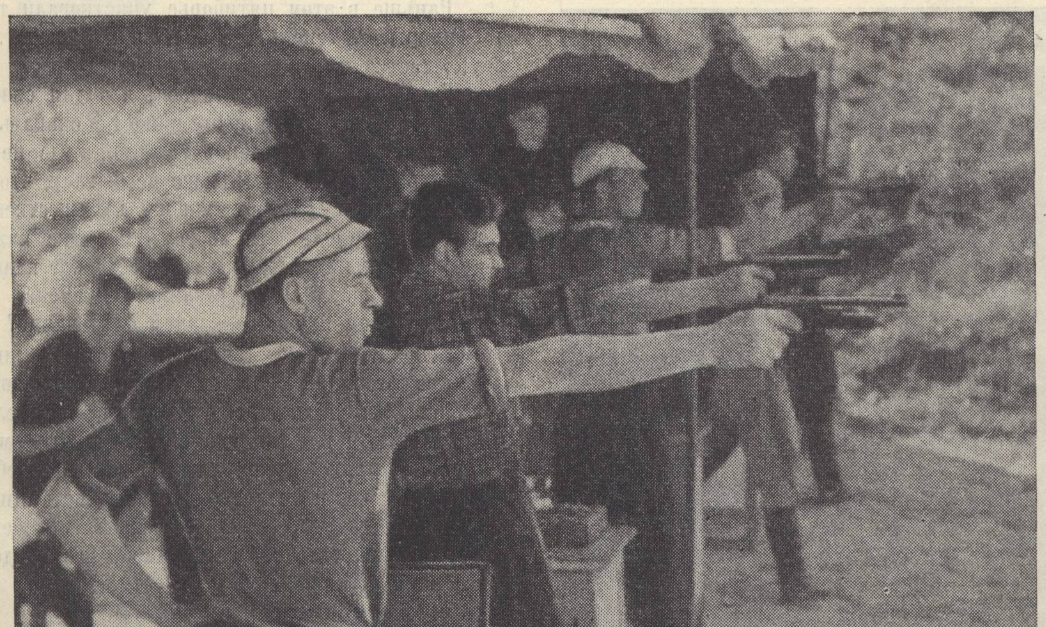
Пятиборье — это соревнование, борьба в пяти различных видах спорта. Обычно в многоборья включаются близкие виды спорта. Скажем, десятиборцы-легкоатлеты соревнуются в различного рода прыжках, в метании и в беге. Занятия бегом помогают лучше прыгать и лучше метать диск. По-другому составлено пятиборье, о котором здесь идёт речь. Виды спорта, которые входят в него, совсем не похожи друг на друга.

Пятиборье возникло как соревнование офицеров, и в него вошли те виды спорта, которые дают навыки, нужные в боевой обстановке.

Соревнования по пятиборью начинаются скачкой на дистанцию в пять километров. Двадцать четыре препятствия преодолевает всадник. Лошадь он получает по жребию, совершенно

Быстрота реакции и точность удара необходимы хорошему фехтовальщику. В пятиборье бой на шпагах продолжается лишь до первого укола. Спортсмен, не успевший отпарировать удар, проигрывает. Здесь вы видите советскую команду в Хельсинки перед всемирной олимпиадой.

При состязании в стрельбе каждый спортсмен имеет право сделать двадцать выстрелов. Лучшие пятиборцы выбивают сто девяносто очков из двухсот возможных.

незнакомую, и только за пятнадцать минут до старта может оседлать её.

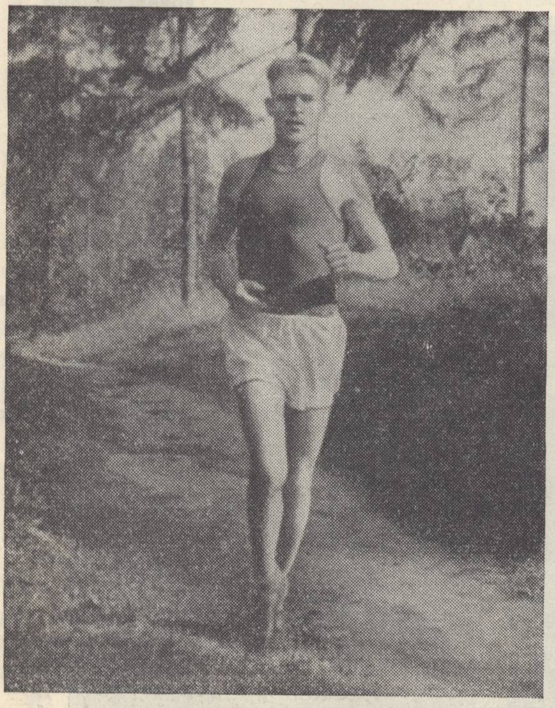
На второй день пятиборья проводится бой на шпагах. Это состязание требует от участников не только уменья отлично фехтовать, но и очень большой физической выносливости, потому что каждый участник встречается по очереди со всеми остальными. Иногда на больших состязаниях спортсмену приходится проводить пятьдесят боёв.

В плаванье пятиборцы соревнуются на дистанции 300 метров. Большинство из них плывёт самым быстрым способом — кролем.

Третий день посвящён скоростной стрельбе из пистолета. Мишень появляется перед участниками всего на три секунды. Каким надо быть стрелком, чтобы за это мгновение вскинуть руку, прицелиться и сделать точный выстрел!

На четвёртый день идут состязания в плавании, а на пятый устраивается бег по пересечённой местности на четыре километра. Дистанция бега, как и дистанция первого состязания — скачек, незнакома участникам. Лишь за час до старта вывешивается схема, показывающая путь. Он обычно бывает очень трудным. Пятиборцы встречают на своём пути крутые подъёмы и спуски, пересекают лес и болото.

Недавно пятиборцы СССР встретились с чемпионом мира в пятиборье — командой Венгрии. Первое место занял динамовец Константин Сальников. Вы видите его здесь на дистанции кросса.

Раньше в этом пятиборье участвовали только офицеры. А теперь все больше и больше людей увлекается им.

Разве не может случиться, что для спасения человеческой жизни врачу придётся скакать верхом в отдалённое горное селение, куда не проберёшься на машине? Разве не бывает, что меткий выстрел спасает жизнь путешественника при встрече с диким зверем? И разве каждому не может понадобиться в жизни уменье плавать?

Вы скажете: а фехтование? Времена «трёх мушкетёров» прошли — зачем фехтование?

Конечно, никто теперь всерьёз на шпагах не сражается, но спорт этот прекрасно развивает и ловкость, и быстроту реакции, и смелость.

Советую и вам проводить состязания — многоборья. Проведите, например, такое троеборье: плаванье, бег и метание гранаты. Дистанция для плаванья должна быть 25 метров, для бега — 500 метров, только бегайте не по ровной дорожке, а по пересечённой местности; гранату берите весом в 500 граммов.

Победа в троеборье определяется по очкам. Количество очков считается так: кто занял восьмое место, получает восемь очков, кто первое — одно, кто третье — три. Количество очков, которое получено по трём видам спорта, складывается. У кого сумма наименьшая, тот и победил.

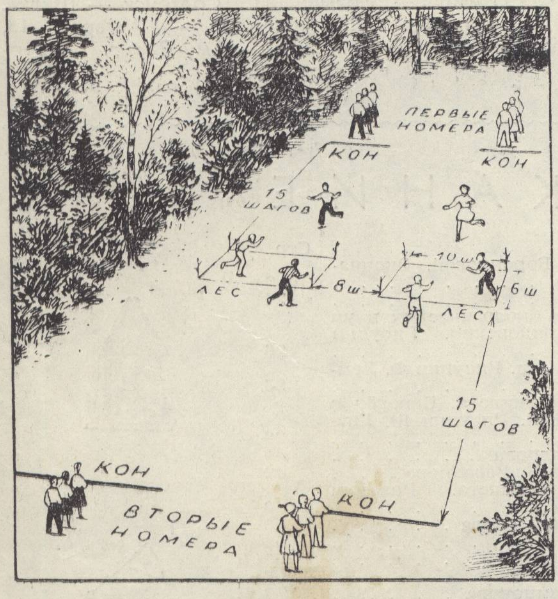

ВСТРЕЧНАЯ ЭСТАФЕТА

Играют две равные команды; в каждой из них нечётное число игроков. И та и другая команда выбирает «сторожа», а потом рассчитывается на первые и вторые номера.

На середине площадки для каждой команды очерчивают «лес», по углам его отмечают флажками или вешками. Отступив от «леса» в обе стороны на 15 шагов, проводите две линии кона; за одну линию колонной становятся первые номера, за другую — вторые.

По одному первые номера каждой команды должны поменяться местами со вторыми. Перебегая, игрок обязательно пересекает «лес», который охраняется «сторожем» «противников». Если «сторож» запятнает игрока, команда штрафуется одним очком.

Игра кончается, когда в одной команде первые и вторые номера поменяются местами.

Опоздавшей команде засчитывается штрафное очко за каждого игрока, который не успел перебежать.

Выигрывает команда, у которой меньше штрафных очков.

И. Чкаников

НАПИШИТЕ

	А		А		А

Заполняя каждую пустую клетку одной буквой и не изменяя положения буквы «А», напишите названия двух государств, города и реки.

А. Левшин

ЗАПОМНИ И ПРОБЕГИ

Аттракцион представляет собой разложенные на траве одинаковые квадраты фанеры, штук 15—20. Из них только на 3—4 с нижней стороны прикрепляются электрические контакты, сделанные из полосок латуни, как показано на рисунке.

Пластинки всех этих квадратов включены параллельно в сеть звонка и батарейки. Включённые в сеть квадраты имеют опознавательные

отметки. Играющий в течение нескольких секунд запоминает расположение квадратов, потом отходит на 4—5 метров и пробегает по фанеркам, стараясь наступить только на включённые в сеть квадраты.

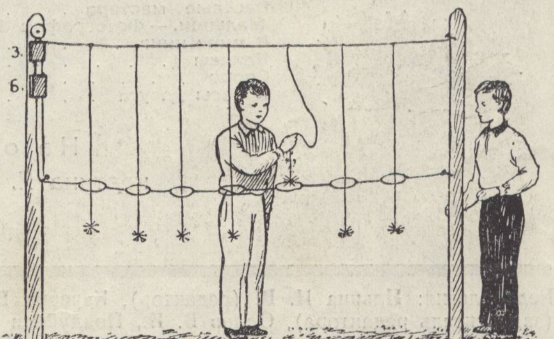
Под тяжестью ног контакты замыкаются. Количество сигналов звонка считается и служит очками в пользу играющего.

Раскладывать квадраты нужно так, чтобы на них труднее было попасть при беге.

КТО ОСТОРОЖНЕЕ

На два двухметровых кола, вбитых в землю, в два ряда натягивается проволока, соединённая со звонком и батарейкой. На нижней проволоке сделаны кольца.

От верхней проволоки сквозь каждое кольцо свешены кусочки тонкого изолированного провода. Концы изолированного провода зачищены и присоединены вверху к проволоке, а внизу к ёжикам. Ёжики скручены из кусочков голой железной или медной проволоки. Надо вытащить

ёжики через кольца, не касаясь последних. Достаточно слегка задеть ёжиком за кольцо, как ток в верхней и нижней цепи замкнётся, и зазвонит звонок.

А. Захаров

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 6

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД

По вертикали:

1. Ершов. 3. Платов, 4. Алигер. 6. Сойер. 7. Колас. 10. Игнатов. 11. Щипачёв. 12. «Детство». 13. Герасим. 14. Салават. 18. Зоя. 19. Поп. 23. Шварц. 24. Ильин. 28. «Хорошо». 29. «Кинули». 32. Демон.

По горизонтали:

2. Спартак. 5. Рагозин. 8. Носов. 9. Чехов. 15. Гринёв. 16. Бек. 17. Мазепа. 20. «Шалаш». 21. Толстой. 22. Тарас. 25. Осеева. 26. РВС. 27. Ильина. 30. «Арион». 31. Жилин. 33. Кожедуб. 34. Коковин.

СПРЯТАННАЯ СКОРОГОВОРКА

Карп — **п**арк
Жало — **л**ожа
Норма — **р**оман
Волос — **с**лово
Скала — **л**аска
Кольцо — **ц**околь
Лодка — **о**клад
Обрыв — **в**ыбо**р**
Никель — **е**льник
Колос — **с**око**л**

Когда будут выписаны по порядку выделенные буквы, составится скороговорка: Пароль — «орел».

КУДА ПРОПАЛ РУБЛЬ!

Продавая оба сорта яблок раздельно, колхозница получала за каждое яблоко первого сорта 50 копеек (100 коп. : 2 = 50 коп.), а за каждое яблоко второго сорта 33,33 коп. (100 коп. : 3 = = 33,33 коп., при расчёте с точностью до одной сотой). Значит, в среднем яблоко стоило 41,66 копейки (50 коп. + 33,33 коп. = = 83,33 коп.; 83,33 коп. : 2 = = 41,66 коп. Точность расчёта та же).

Когда колхозница стала продавать яблоки пятка́ми, то за каждое яблоко она получала 40 копеек (200 коп. : 5 = 40 коп.), теряя таким образом 1,66 копейки. На 60 штук яблок эта потеря составляет 99,6 копейки. (Разница в 0,4 коп. объясняется тем, что при решении задачи некоторые расчёты были сделаны приближённо, с точностью до одной сотой.)

ГОРОДА И РЕКИ

1. Ош — Акбура. 2. Джульфа — Аракс. 3. Котлас — Северная Двина. 4. Абакан — Абакан. 5. Нарын — Нарын. 6. Каунас — Неман. 7. Ленинград — Нева. 8. Хабаровск — Амур. 9. Кутаиси — Риони. 10. Семипалатинск — Иртыш. 11. Сретенск — Шилка. 12. Иркутск — Ангара. 13. Чарджоу — Аму-Дарья. 14. Верхоянск — Яна.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
картина Я. Титова «Утром».

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор **А. Ефимова.** Рукописи не возвращаются.

А 05094. Подписано к печати 27/VII 1954 года. Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Тираж 200 000 экз. Изд. № 601. Зак. 2036.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Марки СССР для коллекций

НОВИНКИ 1954 ГОДА — МАРКИ НЕГАШЕНЫЕ

30 лет со дня смерти В. И. Ленина	5 марок — 2 р.	20 к.
Памяти И. В. Сталина	1 марка — »	44 к.
300 лет воссоединения Украины с Россией	10 марок — 8 р.	36 к.
50 лет со дня рождения В. П. Чкалова	1 марка — 1 р.	10 к.
125 лет со дня смерти А. С. Грибоедова	2 марки — 1 р.	55 к.
Выборы в Верховный Совет СССР	1 марка — »	45 к.
Виды спорта	8 марок — 5 р.	50 к.
Сельскохозяйственная серия	3 марки — 1 р.	32 к.
150 лет со дня рождения М. И. Глинки	2 марки — 1 р.	10 к.
Пулковская обсерватория	1 марка — »	44 к.
50 лет со дня смерти А. П. Чехова	1 марка — »	44 к.

ЗАКАЗЫ НА МАРКИ ВЫСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСАМ:

Москва, Центр, 31, Кузнецкий мост, 20, магазину № 63 Москниготорга.

Ленинград, Невский проспект, 78, магазину № 44 Ленкниготорга.

Стоимость марок и расходов по пересылке уплачивается на почте при получении заказа.

Филателистическая контора.

Цена 2 р. 50 к.

АНДРЕЙКА ВРУШКИН ЛЕТИТ НА ЛУНУ

Ю. Новикова. Рисунки О. Зотова.

В один из ясных летних дней
Я запустил бумажный змей.
Внезапно — буря, вихрь, норд-ост...
Лечу, вцепившись крепко в трос!

Минуя тучи, я взвился
К луне и звёздам в небеса.
Чудесный вид: мерцанье, блеск...
Но вдруг я слышу страшный треск.

И вот, созвездья растолкав,
На землю падаю стремглав.
Всё ниже, ниже, ниже... Ух!
В испуге прочь бежит петух.

Но улыбнулось счастье вдруг:
Спасён я парой старых брюк.
Удачей все изумлены...
А я кричу: «Привет с луны!»

